Mister Pip

a novel by

Lloyd Jones

Мистер Пип
Ллойд Джонс

Аннотация
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая

Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая

Аннотация

Роман новозеландского автора Ллойда Джонса (1955 г.), живущего в Веллингтоне. За эту книгу он получил Приз писателей Содружества (включает 53 страны), роман вошел в шорт-лист Букера в 2007 г.

Действие романа преимущественно происходит в 1991–1992 гг. на острове Бугенвилль (Папуа Новая Гвинея) во время гражданской войн

История мистера Уоттса, последнего белого парня в Бугенвиле. Он открывает школу и читает детям свой любимый роман — «Большие надежды» Чарльза Диккенса. Это помогает ему наладить связь с ними и помочь разобраться в собственных проблемах.

Это смешная книга. Она рассказывает о чем-то пугающе новом, а также о хорошо знакомом старом и о том, как эти двое сходятся в неравной и кровавой битве.

Это страшная книга. Она рассказывает о гражданской войне, о том, как легко чувствовать себя забытым и о том, как страшен мир большой, когда все, что ты видел — это мир

маленький — твой остров.

Это хорошая книга. Она рассказывает о заклятых врагах, которые больше, чем враги, и о ненастоящем учителе, который больше, чем учитель.

Это плохая книга — потому что в ней все совсем как в жизни, и поэтому все очень безжалостно.

Это роман-воспитание, где рассказы о голубом цвете, птицах, рыбе и дьяволе перемежаются с «Большими надеждами» Диккенса, прочитанными, уничтоженными и восстановленными по кусочкам детьми острова.

Глава первая

Все называли его Пучеглазым. Даже тогда, когда я была тощим тринадцатилетним подростком, я думала, что он знал об этом прозвище, но не обращал внимания. Ему было интереснее смотреть на что-то вдали, чем обращать внимание на нас, босоногих ребятишек.

Он выглядел как человек, который видел, или пережил большие страдания и не может забыть об этом. У него была большая голова и большие глаза, выпученные сильнее, чем у кого-либо; казалось, будто им хотелось оторваться от его лица. Они напоминали кого-то, кто не может достаточно быстро выбраться из дома.

Пучеглазый носил один и тот же белый полотняный костюм каждый день. Во влажной жаре его брюки постоянно прилипали к костлявым коленям. Иногда он надевал клоунский нос. У него и так был большой нос. Ему не нужен был этот красный шарик. Мы не задумывались тогда, что он надевал красный нос в определенные дни, которые, видимо, что-то значили для него. Мы

никогда не видели, чтобы он улыбался. И в те дни, когда он надевал клоунский нос, мы невольно отворачивались, так как никогда не видели большей печали.

Он тянул веревку, привязанную к тележке, на которой стояла Миссис Пучеглазая. Она выглядела как снежная королева. Почти у всех женщин на острове были вьющиеся волосы, но Грейс их выпрямляла. Она делала себе высокую прическу, которая могла сойти за отсутствующую корону. Она выглядела такой гордой, как будто не помнила о собственных босых ногах. При взгляде на ее огромный зад вы начинали беспокоиться о туалетном сиденье. Начинали думать о ее матери, о том, как она родилась и всем таком.

В половине третьего попугаи, сидевшие в тени деревьев, замечали человеческую тень, которая была длиннее на треть, чем все те, которые они видели до этого. Хоть они были только вдвоем — миссис и мистер Пучеглазый — тем не менее, казалось, что это целая процессия.

Младшие дети пользовались случаем и пристраивались сзади. Наши родители отворачивались. Они предпочитали глядеть на колонию муравьев, снующих по гнилой папайе. Некоторые

стояли в стороне с бесполезными мачете, ожидая, пока все закончится. Для младших детей зрелище заключалось в том, что белый человек вез черную женщину. Они видели то же самое, что и попугаи, то же самое, что и собаки, сидящие на костлявых задницах и щелкающие зубами в сторону пролетающих москитов. Мы, дети постарше, чувствовали, что тут не все так просто. Иногда мы слышали обрывки разговоров. …Миссис Уоттс глупа как гусыня. …Мистер Уоттс несет наказание за старый грех. …А, возможно, это результат пари. Это зрелище вносило нотку неопределенности в наш мир, который во всех других отношениях был монотонен и однообразен.

Миссис Пучеглазая держала голубой парасоль для защиты от солнца. Насколько мы знали, это был единственный парасоль на острове. Мы не задавали вопрос, который, с учетом всех черных зонтиков, которые нам довелось увидеть, неизбежно приходил на ум: в чем разница между зонтом и парасолем? И не потому, что боялись показаться глупыми, а потому, что если ты задаешь слишком много вопросов, это может превратить редкую вещь в нечто обыденное. Нам нравилось это слово — парасоль — и мы не собирались лишиться его из-за каких-то дурацких вопросов.

Кроме этого, мы знали, что те, кто задает вопросы, может получить взбучку, и это тоже было чертовски хорошей причиной.

У них не было детей. А если и были, то они родились и выросли где-то в другом месте, может в Америке, или Австралии, или Великобритании. У них были имена. Ее звали Грейс, и она была черной, как и мы. Его звали Том Кристиан Уоттс, и он был белым как белки наших глаз, только бледнее.

На могильных камнях на церковном кладбище было несколько английских имен. У доктора на другой стороне острова имя было как у настоящего англо-сакса, хотя он был черным, как и все мы. И хотя мы знали его как Пучеглазого, мы называли его «Мистер Уоттс», потому что в нашем районе больше не было другого такого имени.

Они жили в бывшем доме священника. Его нельзя было заметить с дороги. Моя мать говорила, что когда-то он был окружен травой. Но когда священник умер, власти забыли о миссии, а газонокосилка заржавела. Вскоре вокруг дома разросся кустарник, и к тому времени, когда я родилась, миссис и мистер Пучеглазый уже не попадались никому на глаза. Мы видели их лишь

тогда, когда Пучеглазый, напоминавший старую уставшую лошадь, бредущую вокруг колодца, тащил свою жену на тележке. У тележки были бамбуковые поручни. Миссис Пучеглазая держалась за них руками.

Чтобы хвастаться, нужны зрители. Но Миссис Пучеглазая не обращала на нас никакого внимания. Мы этого не стоили. Как будто нас и вовсе не было. Но нам было все равно. Мистер Уоттс интересовал нас больше.

Так как Пучеглазый был единственным белым на многие мили вокруг, маленькие дети глазели на него, пока растаявшее мороженое не начинало стекать по их черным рукам. Дети постарше, затаив дыхание, стучались к нему в дверь, чтобы попросить сделать по нему свой «школьный проект». Когда дверь открывалась, некоторые просто замирали, глядя на него во все глаза. Я знала одну девочку постарше, которую пригласили зайти, больше там никому не удалось побывать. Она рассказала, что там повсюду книги. Она попросила его рассказать о своей жизни. Она села в кресло рядом со стаканом воды, который он подал ей, карандаш в руке, тетрадь наготове. Он сказал: «Много чего произошло. И дальше будет

то же самое». Она записала это. Она показала это учительнице, которая похвалила ее инициативу. Она даже пришла с этим к нам в дом, чтобы показать мне и маме, вот откуда я знаю об этом.

Не только то, что Пучеглазый был последним белым, делало его таким особенным для нас — в первую очередь некой тайной — но и то, что он был подтверждением того, во что мы верили. Мы росли с уверенностью, что все важное должно быть белого цвета — мороженое, аспирин, лента, луна, звезды. Белые звезды и полная луна были важнее во времена моего дедушки, чем сейчас, когда у нас есть генераторы.

Когда наши предки увидели первых белых, то подумали, что это привидения или люди, которых прокляли. Собаки сидели на задницах и открывали пасти в ожидании зрелища. Собаки рассчитывали, что их чем-то угостят. Возможно, эти белые люди умеют прыгать назад или кувыркаться на деревьях. Возможно, у них найдется какая-то еда. Собаки всегда надеются на это.

Первым белым человеком, которого увидел мой дедушка, был потерпевший крушение яхтсмен, который попросил у него компас. Дедушка не знал, что такое компас, и понимал, что у него его

нет. Я представляю, как он сжал руки за спиной и улыбнулся. Он не хотел выглядеть дураком. Белый человек попросил карту. Дедушка не знал, о чем он просит, и показал вниз, на рану на ноге человека. Дедушка не мог понять, как акулы пропустили такую приманку. Белый человек спросил, куда его вынесло. Наконец-то дедушка мог помочь. Он ответил, что это остров. Белый человек спросил, есть ли у острова название. Дедушка назвал слово, которое означает «остров». Когда человек спросил, где ближайший магазин, дедушка расхохотался. Он показал сначала на кокосовую пальму, а затем ткнул пальцем за спину белого человека, откуда тот появился, имея в виду, что в этом чертовски большом океане полно рыбы. Мне всегда нравилась эта история.

Кроме Пучеглазого, или мистера Уоттса, и нескольких австралийских рабочих, я видела еще нескольких белых. Они были в старом фильме. В школе нам показали визит герцога чего-то там много лет назад в тысяча девятьсот каком-то году. Камера просто показывала герцога, но звука не было. Мы смотрели, как герцог ест. У герцога и других людей были усы и белые брюки. Их пиджаки были даже застегнуты на пуговицы. Они совсем не умели сидеть на земле. Они не знали,

что делать с локтями.

Мы, дети смеялись, глядя, как белые пытаются сидеть на земле, как в кресле. Им подали свиные ножки в банановых листьях. Было видно, что мужчина в шлеме о чем-то попросил. Мы не знали о чем, пока ему не принесли кусок белой ткани, которым он вытер рот. Мы трясли головами от хохота.

Но в основном я смотрела, чтобы увидеть дедушку. Он был одним из тех тощих детей, которые маршировали босиком в белых рубашках. Мой дедушка был вторым сверху в пирамиде детей, стоявших на коленях перед белыми людьми в шлемах, которые ели свиные ножки. Нашему классу дали задание написать сочинение о том, что мы видели, но я не понимала, о чем оно. Я не понимала его смысла, поэтому написала о дедушке и истории, которую он рассказал мне о белом человеке, которого как рыбу вынесло после крушения на берег деревни, где и сейчас нет электричества и водопровода, и не могут отличить Москву от рома.

Глава вторая

То, что я хочу рассказать, случилось, как мне кажется, из-за нашего незнания внешнего мира. Моя мать знала лишь то, что говорил последний священник в проповедях и разговорах. Она знала, когда нужно подавать еду, и названия нескольких далеких столиц. Она слышала, что люди побывали на Луне, но была не склонна верить подобным историям. Ей не нравилось хвастаться. Еще больше ей не нравилось думать, что ее могут уличить в чем-то или выставить глупой. Она никогда не покидала Бугенвилль. Помню, когда мне исполнилось восемь, я спросила, сколько ей лет. Она поспешно отвернулась, и первый раз в жизни я почувствовала, что смутила ее. В ответ она спросила: «Как ты думаешь, сколько мне лет?»

Когда мне было одиннадцать, мой отец улетел работать на шахте. До этого, тем не менее, его пригласили в класс посмотреть фильмы о стране, куда он собирался отправиться. Там были фильмы о том, как заваривать чай: сначала в чашку наливалось молоко, хотя, если вы хотели приготовить хлопья, молоко наливалось потом.

Мама рассказывала, что из-за этого они с отцом поссорились как два петуха.

Иногда, когда я видела, что она грустит, я знала, что она вспомнит о той ссоре. Она отвлечется от того, что будет делать в тот момент и скажет: «Возможно, мне стоило бы заткнуться. Я была слишком сильной. Как ты думаешь?» Это был один из немногих случаев, когда ее действительно интересовало моё мнение, и, как и с вопросом о ее возрасте, я всегда знала, что сказать, чтобы ее развеселить.

Моему отцу показывали и другие фильмы. Он увидел машины, грузовики, самолеты. Он увидел автомагистраль и пришел в восторг. А затем показали пешеходный переход. Нужно было ждать, пока парень в белой куртке поднимет свою палочку со словами «стоять». Моего отца это разозлило. Там столько дорог с четкими бордюрами, и все эти дети в белых курточках могли контролировать движением своими сигналами. Они снова поспорили. Мама сказала, что здесь нет ничего особенного. Нельзя просто идти куда вздумается. На тот случай, если потеряешься, на ухе есть зажим. Потому что, — сказала она, — это так, как говорится в Библии. Вы можете знать о

рае, но это не значит, что у вас есть право войти.

Какое-то время мы хранили открытку, которую отец прислал из Таунсвилля. Вот, что он хотел сказать: Пока самолет еще не поднялся выше облаков, он посмотрел вниз и впервые увидел то место, где мы жили. Со стороны моря оно выглядело как горная гряда. Ему стало смешно, когда он увидел, что с воздуха наш остров выглядит не больше коровьей лепешки. Но маму это не интересовало. Все, что она хотела знать, это есть ли конверты с получкой там, куда он отправился.

Спустя месяц пришла вторая открытка. Он ответил, что конверты с получкой развешены по фабричным балкам как плоды хлебного дерева. И это все решило. Мы собирались уехать к нему. Именно это мы и собирались сделать, когда Фрэнсис Она и повстанцы объявили войну медной шахте и Компании, что каким-то образом — я не поняла тогда, каким именно — привело «краснокожих» солдат из Порта Морсби на наш остров. В Порту Морсби считали, что мы — одна страна. Мы же считали, что черны как ночь. Солдаты выглядели как люди, вымоченные в красном растворе. Поэтому их и называли краснокожими.

Новости о войне долетали в виде обрывков,

кривотолков и домыслов. Слухи правили всем. Слухи, которым вы могли либо верить, либо нет. Мы слышали, что никто не может ни въехать, ни выехать. Мы не знали, как к этому относиться, потому что как можно закрыть целую страну? Чем ее можно связать или обернуть? Мы не знали, чему верить, а затем прибыли солдаты краснокожих, и мы узнали, что такое блокада.

Мы были окружены морем, и, в то время как катера краснокожих патрулировали побережье, вертолеты летали у нас над головами. Не было ни газет, ни радио, чтобы рассказать, что происходит. Мы могли положиться лишь на то, что нам говорили. Краснокожие собирались задушить остров и повстанцев и заставить повиноваться. Так нам говорили. «Удачи им», — сказала мама. Вот как мы к этому относились. У нас была рыба. У нас были куры. У нас были фрукты. У нас было то, что и всегда. А те, кто поддерживал повстанцев, могли добавить: «У нас есть наша гордость».

Затем однажды ночью окончательно пропал свет. Больше не было топлива для генераторов. Мы слышали, что повстанцы ворвались в госпиталь в Араве, дальше по побережью, и забрали все медикаменты. Эта новость сильно огорчила

наших матерей, и скоро самые младшие дети заболели малярией, и ничего нельзя было сделать, чтобы помочь им. Мы похоронили их, и оттащили рыдающих матерей от небольших могилок.

Мы, дети, болтались около своих матерей. Мы помогали в саду. Мы гонялись друг за другом в тени деревьев, возвышающихся на несколько десятков метров. Мы играли в ручьях, сбегающих с крутых холмов. Мы нашли новые озерца, в которых можно было увидеть, как мы корчим рожи. Мы играли в море, и от солнца наша черная кожа становилась еще чернее.

Мы перестали ходить в школу после того, как наши учителя уехали на последнем корабле в Рабаул. Последний корабль. Эта новость заставила вытянуться наши лица. Теперь, чтобы покинуть остров, мы должны были идти по воде.

Все удивились, что Пучеглазый не уехал, хотя мог это сделать. И хотя миссис Уоттс была местной, он мог забрать ее с собой. Другие белые так и сделали. Они забрали своих жен и подружек. Это, конечно, были люди, которые работали в Компании.

Никто не знал, чем занимался Пучеглазый, он

ничего не делал, насколько мы понимали. Большую часть времени мы его не видели.

Наши дома стояли на берегу, выстроенные в неровную линию, задней стеной все обращенные к морю. Двери и окна всегда были открыты, так что можно было легко услышать, о чем говорят соседи. Никто не слышал, о чем говорят Уоттсы из-за расстояния между старой миссией, где они жили, и нашими домами, которых было около тридцати. Иногда можно было увидеть мистера Уоттса на берегу или заметить его мелькнувшую спину и удивиться, где это он был, и что он делал. И еще эти странные процессии. Уоттсов можно было заметить, когда они подходили к школе. Когда они добирались до первых домов, куры и петухи выходили наружу, чтобы поприветствовать их. В конце пути мистер Уоттс тянул жену по неровной траве мимо свинарников в сторону буша. Мы сидели на деревьях и ждали, когда они пройдут под нашими болтающимися ногами. Мы надеялись, что он остановится и перекинется хоть словом с миссис Уоттс, потому что никто никогда не видел, чтобы они разговаривали как муж и жена. В любом случае, чувствовалось, что речь, которая могла бы привлечь внимание миссис Уоттс, должна была быть написана спо-

лохами молний.

Легко было поверить, что она сумасшедшая. Мистер Уоттс был большей загадкой, так как прибыл из почти незнакомого нам мира. Мама говорила, что его племя забыло о нем. Они бы не оставили человека из Компании. Я не понимала, как много значит школа в моей жизни, пока ее не закрыли.

Мое ощущение времени зависело от учебного года: когда он начинался, когда заканчивался, каникулами в промежутках. Теперь все время было в нашем полном распоряжении. Теперь мы просыпались не от шлепка веником по заднице и не от криков наших матерей: «А ну вставайте, лежебоки! Сейчас же!».

Мы по-прежнему просыпались с петухами, но оставались лежать, слушая, как собаки щелкают зубами и порыкивают во сне. Мы прислушивались еще и к москитам, которых боялись больше, чем краснокожих и повстанцев.

Мы приучились подслушивать за родителями, хотя некоторые вещи могли понять и сами. Мы привыкли к вертолетам краснокожих, летающих с ревом в облаках вокруг горных вершин. Однаж-

ды мы увидели, как они, выстроившись в линию, направляются к морю. Вертолеты достигали определенной точки, затем разворачивались и летели обратно, как будто что-то забыли. Когда они разворачивались, то с такого расстояния выглядели не больше булавки. Мы не могли видеть, как людей сбрасывают вниз. Но так нам говорили. Краснокожие выбрасывали захваченных повстанцев из открытых дверей вертолета, их руки и ноги крутились в воздухе. И когда мы иногда встревали в разговор, и наши родители замолкали, мы понимали, да и как было не понять, что произошло еще что-то ужасное, о чем мы еще не слышали.

Проходили недели. Теперь мы знали, для чего нам время. Чтобы проводить его в ожидании. Мы ждали и ждали, то ли краснокожих, то ли повстанцев, кто придет первыми. Прошло очень много времени, прежде чем они пришли в деревню. Но я точно знаю, когда это случилось, потому что именно этим я и занимала свой мозг: я решила, что буду следить за временем. В первый раз краснокожие пришли к нам в деревню за три дня до того, как мне исполнилось четырнадцать. Спустя четыре недели появились повстанцы. Но за то время, которое прошло до этих гибельных

событий, Пучеглазый и его жена Грейс снова вошли в нашу жизнь.

Глава третья

— Вставай, Матильда! — крикнула мама однажды утром. — Тебе в школу сегодня. — Похоже, она наслаждалась моментом. Казалось, ей нравится просто произносить эти слова. Будто мы вернулись в старые добрые времена. Я знала, что была среда. Мама не могла этого знать. Я держала карандаш под циновкой. А календарь — на угловой стойке. Мама махнула веником у моей головы. Она прикрикнула на петуха, залетевшего в дверь.

— Но у нас нет учителя, — сказала я.

И с легкой улыбкой мама произнесла:

— Теперь есть. Пучеглазый станет учить вас.

Бугенвилль — одно из самых плодородных мест на земле. Бросьте семя в почву, и через три месяца оно станет растением с блестящими зелеными листьями. А еще через три месяца вы уже будете есть его фрукты. Если бы не мачете, у нас не было бы своей земли. Дикий кустарник сполз бы по крутому склону горы и утопил бы деревню в лозе

и цветах.

Вот почему было легко забыть, что здесь была школа. Лианы опутали два дерева пурпурными и красными цветами, словно хотели смягчить удар, и забрались на крышу школы; они заползли в окна и оплели потолок. Еще шесть месяцев, и наша школа исчезла бы из виду.

Мы были разных возрастов, от семи до пятнадцати лет. Я насчитала двадцать детей — около половины от первоначального состава класса. Я знала, что двое старших мальчиков ушли в горы, чтобы примкнуть к повстанцам. Три семьи покинули остров с последним кораблем в Рабаул. Не знаю, что стало с остальными. Может, они не слышали, что школа открылась. В течение нескольких недель вернулись еще несколько мальчиков.

Пучеглазый ждал нас в школе. Было почти темно, но все же хватало света, чтобы увидеть высокого худого белого мужчину в полотняном костюме. Он стоял перед классом, отвернувшись от наших изучающих взглядов. Всех интересовало, будет ли на нем тот красный клоунский нос. Не было. Но кое-что все же изменилось с тех пор, как я видела его в последний раз. Волосы

стали длинными, почти до плеч. Когда они были короткими, мы не замечали вкраплений рыжего и седого. Его борода отросла до груди.

Нашей последней учительницей была миссис Сьо. Она была маленькой женщиной, не больше нас, детишек. Пучеглазый стоял на ее месте и казался слишком большим для этой комнаты. Его белые руки были расслабленно опущены вдоль тела, он не смотрел на нас, столпившихся у входа. Его глаза были прикованы к дальней стене класса. Он не моргнул, даже когда черный пес забежал в класс, виляя хвостом. Это радовало, потому, что миссис Сьо хлопнула бы в ладоши, и пнула бы пса ногой под задницу.

Это была школа, но не та школа, какой я ее помнила. Может, поэтому все было таким странным, будто мы пытались втиснуться в старую жизнь, которой больше не было, по крайней мере, не было в том виде, в котором мы её помнили. Мы сели за наши старые парты, но и они, казалось, изменились. Прохладное прикосновение гладкого дерева к ногам было единственным знакомым ощущением. Дети не смотрели друг на друга. Вместо этого мы глазели на нашего нового и неожиданного учителя. Казалось, он давал нам

разрешение делать именно это. Когда последний из нас занял свое место, Пучеглазый вынырнул из своего транса.

Он смотрел на наши лица, изучая каждого из нас, стараясь не слишком задерживать взгляд. Просто отмечая, кто пришел. Он кивнул, когда дело было сделано. Затем посмотрел на зеленую лиану, свесившуюся с потолка. Потянулся за ней, сорвал и смял в руке, словно клочок бумаги.

Я никогда не слышала, как он говорит. Насколько я знала, никто в классе не слышал. Не помню, чего я ожидала, но когда он заговорил, его голос оказался на удивление тихим. Он был большим мужчиной, и если бы ему вздумалось заорать, как орут наши матери, его голос снес бы крышу. Вместо этого, он говорил так, словно обращался к каждому из нас лично.

— Хочу, чтобы это было местом света, — сказал он. — Что бы ни случилось дальше.

Он замолчал, чтобы мы могли осмыслить его фразу. Когда наши родители говорили о будущем, нам давали понять, что будет лучше, чем сейчас. Теперь мы впервые услышали, что будущее неясно. И потому, что это сказал кто-то, пришедший

из другого мира, нам очень хотелось слушать. Он обвел взглядом наши лица. Если он ожидал отпор, его не последовало.

— Нам нужно очистить класс и подготовить его к занятиям, — сказал он. — Снова сделать его новым.

Только когда его глаза повернулись к открытому окну, затянутому зеленью, я заметила его галстук. Он был тонким, черным и официальным, но верхняя пуговица рубашки осталась расстегнутой, чтобы тело могло дышать. Он поднес нежную белую руку к узлу. Затем повернулся к нам и приподнял бровь.

— Да? — спросил он.

Мы посмотрели друг на друга и кивнули. Кто-то догадался произнести: «Да, мистер Уоттс», и мы хором повторили: «Да, мистер Уоттс».

После он поднял палец, будто его осенила важная мысль.

— Я знаю, что некоторые из вас называют меня «Пучеглазый». Так тоже неплохо. Мне нравится «Пучеглазый».

И в первый раз за все те годы, что я видела

его, катящим тележку с миссис Пучеглазой, он улыбнулся. С тех пор я уже никогда не звала его Пучеглазым.

Мы принялись за работу. Стащили цветущие лианы с крыши, что было довольно просто; они, похоже, знали, что их ожидает, и потому не особо сопротивлялись. Мы сняли их со здания и отнесли на поляну, где они сгорели, образуя густой белый дым. Мистер Уоттс отправил нескольких ребятишек за метлами. Мы подмели класс. К вечеру солнце село, и в классе зазолотились паутины. Мы собрали их руками.

Мы наслаждались нашим первым школьным днем. Мистер Уоттс приглядывал за нами. Он разрешал нам веселиться, но когда он говорил, мы замолкали.

Мы вернулись за парты в ожидании, что он отпустит нас по домам. Он заговорил тем же спокойным голосом, который так удивил нас утром.

— Я хочу, чтобы вы кое-что поняли. Я не учитель, но я буду очень стараться. Обещаю вам, дети. Я верю, что, с помощью ваших родителей мы сможем изменить нашу жизнь.

Он замолк, будто ему в голову пришла новая

мысль, и, похоже, что так и было, потому, что он попросил нас встать из-за парт и образовать круг. Он попросил взяться за руки так, как нам будет удобно.

Некоторые из нас слышали проповеди священника и знали, что в церкви становятся в круг, закрывают глаза и опускают голову на грудь. Но это была не молитва. Не было проповеди. Вместо этого мистер Уоттс поблагодарил нас за то, что мы пришли.

— Я не был уверен, что вы придете, — сказал он. — Буду с вами откровенен. Я не обладаю знаниями, совсем. Правда в том, что о чем бы мы ни говорили, это все, что у нас есть. Да, и, конечно, мистер Диккенс.

Кто такой мистер Диккенс? И почему в деревне, где всего шестьдесят жителей, мы никогда не встречали его? Кое-кто из детей постарше пытался сделать вид, что знает, кто это. Один даже заявил, что это дядя его приятеля, и воодушевленный нашим интересом стал рассказывать, как познакомился с мистером Диккенсом. Но вскоре он был разоблачен нашими вопросами и удрал, как собака, которую пнули ногой. Оказалось, что никто не знает мистера Диккенса.

— Завтра, — сказала я маме, — мы познакомимся с мистером Диккенсом.

Она прекратила подметать и задумалась.

— Это имя белого человека.

Она покачала головой и сплюнула через порог. — Нет. Ты неправильно поняла, Матильда. Пучеглазый — последний белый. Другого нет.

Я слышала, что сказал мистер Уоттс. Он сказал, что всегда будет честен с нами. Если он сказал, что мы познакомимся с мистером Диккенсом, я была уверена, что так и будет. Я с нетерпением ждала встречи с другим белым человеком. Мне в голову не пришло спросить, где этот мистер Диккенс скрывался. Но у меня не было причин сомневаться в словах мистера Уоттса.

Мама, похоже, передумала за ночь, потому что на утро, когда я побежала было в школу, она позвала меня назад.

— Этот мистер Диккенс, Матильда… если получится, почему бы тебе не попросить его починить наш генератор.

Каждый пришел в школу с подобным заданием. Они должны были попросить у мистера Диккен-

са таблетки от малярии, аспирин, топливо для генератора, пиво, керосин, восковые свечи. Мы сидели за партами каждый со своим списком и ждали, когда мистер Уоттс представит нам мистера Диккенса. Его не было в классе, когда мы пришли. Был только мистер Уоттс. Так же как и днем раньше, он стоял посреди класса, затерянный в собственных мыслях, ведь на дальней стене класса не было уже ничего нового. Мы не отрывали глаз от окна. Не хотели пропустить, проходящего мимо белого.

Мы видели пальмы, тянувшиеся к голубому небу. И бирюзовое море было таким спокойным, что мы едва его замечали. У горизонта виднелось военное судно краснокожих. Оно было похоже на серую мышь, а его пушки были нацелены на нас. С гор доносились одинокие выстрелы. Мы привыкли к этим звукам — иногда это означало, что повстанцы проверяли свои винтовки — но мы также знали, что это было далеко, гораздо дальше, чем казалось. Мы привыкли к всепоглощающему шуму воды, поэтому звуки выстрелов просто смешивались с фоновым хором хрюканья свиней и щебетания птиц.

Пока мы ждали, когда мистер Уоттс очнется от

своих грез, я насчитала на потолке трех зеленых гекконов и одного бледного. Фруктоед влетел в окно и тут же вылетел. Это привлекло наше внимание, потому что будь у нас сеть, мы бы могли его съесть. Как только птица вылетела в окно, мистер Уоттс начал читать. Раньше мне никогда не читали по-английски. И другим тоже. У нас дома не было книг, а перед блокадой все книги, которые были на острове, доставлялись из Моресби, да и те были на пиджине. Когда мистер Уоттс читал нам, в классе царила тишина. Это был новый звук в нашем мире. Он читал медленно, чтобы мы слышали форму каждого слова.

«Фамилия моего отца была Пиррип, мне дали при крещении имя Филип, а так как из того и другого мой младенческий язык не мог слепить ничего более внятного, чем Пип, то я называл себя Пипом, а потом и все меня стали так называть».[1]

Мистер Уоттс никак не предупредил нас. Он просто начал читать. Моя парта была во втором ряду с конца. Гилберт Масои сидел спереди, и я ничего не видела из-за его жирных плеч и огром-

---

[1] Примечания: 1
(пер. М. Лорие)

ной лохматой головы. Поэтому, когда я слушала, как читает мистер Уоттс, мне казалось, что он рассказывает о себе. Будто он и был Пипом. Только когда он начал ходить между партами, я увидела книгу у него в руке.

Он все читал, а мы продолжали слушать. Прошло какое-то время, прежде чем он остановился, но когда он взглянул на нас, мы сидели, ошарашенные тишиной. Поток слов прекратился. Постепенно мы вернулись в свои тела и жизни.

Мистер Уоттс закрыл книгу и поднял ее в руке, как священник. Мы видели, как он улыбается.

— Это была первая глава романа «Большие надежды», который, между прочим, является величайшим романом величайшего писателя девятнадцатого столетия, Чарльза Диккенса.

Теперь мы чувствовали себя глупыми курами, думая, что нас познакомят с кем-то по имени мистер Диккенс. Хотя, возможно, мистер Уоттс и догадывался, что происходило в наших головах.

— Когда вы читаете книгу великого писателя, — сказал он, — вы знакомитесь с этим человеком. Так что вы вполне можете сказать, что встретились с мистером Диккенсом на страницах книги.

Но вы пока его не знаете.

Одна из младших девочек, Мейбл, подняла руку, чтобы задать вопрос. Поначалу мы думали, что мистер Уоттс не заметил ее, потому что он прошел мимо поднятой руки Мейбл.

— Буду рад вопросам. Я не всегда смогу ответить на них, помните об этом, — произнес он. — И еще, когда вы поднимаете руку, чтобы задать вопрос, не будете ли вы так добры называть свое имя.

Он кивнул в сторону Мейбл. Похоже, она не поняла, что только что сказал мистер Уоттс, потому что начала сразу с вопроса, пока мистер Уоттс не остановил ее в середине предложения приподнятой бровью, что впервые за двадцать четыре часа напомнило нам о его прозвище.

— Мейбл, мистер Уоттс, — сказала она.

— Хорошо. Рад познакомиться, Мейбл. Очень славное имя, — ответил он.

Мейбл просияла. Она выскочила из-за парты. Потом заговорила:

— А когда мы сможем сказать, что узнали мистера Диккенса?

Мистер Уоттс поднес два пальца к подбородку. Мы смотрели, как он задумался на мгновение.

— Это очень хороший вопрос, Мейбл. На самом деле, моим первым ответом было бы то, что на твой вопрос нет ответа. Но я постараюсь ответить. Кто-то из вас узнает мистера Диккенса, когда мы закончим читать книгу. В книге пятьдесят девять глав. Если я буду читать по главе в день, это значит пятьдесят девять дней.

Трудно нести такие новости домой. Мы встретились с мистером Диккенсом, но мы его пока не узнали, и не узнаем еще пятьдесят девять дней. В тот день было десятое декабря 1991 года. Я быстро посчитала — мы не узнаем мистера Диккенса до шестого февраля 1992 года.

Глава четвертая

В тропиках ночь наступает быстро. Не остается даже и воспоминания о только что прошедшем дне. Вот вы видите собак — тощих и убогих. А через минуту они превращаются в черные тени. Если у вас нет свечей или керосиновых ламп, быстрое наступление ночи похоже на попадание в темную камеру, из которой нет освобождения до рассвета.

Во время блокады мы не тратили горючее и свечи. Но когда повстанцы и краснокожие стали рубить друг друга, у нас появилась еще одна причина скрываться под покровом ночи. Мистер Уоттс подарил нам, детям, другой мир, в котором мы проводили ночи. Мы могли сбежать в другое место. Не важно, что это была викторианская Англия. Оказалось, туда было легко попасть. Только чертовы собаки и петухи пытались удержать нас здесь.

К моменту, когда мистер Уоттс закончил читать первую главу, мне уже казалось, что со мной говорит этот самый мальчик, Пип. Мальчик,

которого я не могла видеть, чтобы дотронуться, но знала на слух. Я нашла нового друга.

Самым удивительным было то, как я нашла его — он не сидел на дереве и не куксился в тени, не плескался в одном из горных ручьев, он был в книге. Никто не говорил нам, детям, поискать друга в книге. Или что можно влезть в шкуру другого человека. Или отправиться в другие места с болотами, и где, как нам слышалось, плохие люди говорили как пираты. Думаю, мистеру Уоттсу нравились разговорные части. Когда он говорил за героев, он становился ими. Это еще одна вещь, поразившая нас — пока мистер Уоттс читал, он будто исчезал. И мы все забывали, что он в классе. Когда Мэгвич, беглый каторжник, угрожал вырвать Пипу сердце и печень, если Пип не принесет ему еды и пилу для кандалов, мы не слышали мистера Уоттса, мы слышали Мэгвича, все было так, словно каторжник был с нами в классе. Нам нужно было всего лишь закрыть глаза, чтобы убедиться.

Было много такого, чего я не понимала. Ночью я лежала на циновке и думала, какие они — болота; что такое провизия и кандалы? По звучанию слов я представляла, что это могло быть. Болота.

Я размышляла, похожи ли они на зыбучие пески. Я знала о зыбучих песках потому, что человек с шахты утонул в них, и его больше никто не видел. Это случилось несколько лет назад, когда шахта еще работала и белые ползали по Пангуне, как муравьи по трупу.

Мистер Уоттс подарил нам еще один кусочек мира. Я обнаружила, что могла возвращаться туда так часто, как мне хотелось. А еще я могла выбрать любую часть истории. Я не думала об услышанном как об истории. Нет. Я слышала, как кто-то рассказывал о себе, и что все это произошло на самом деле. Я все еще только раскрывала для себя мои любимые моменты. Один из самых любимых — Пип на кладбище, в окружении могильных камней своих родителей и пятерых мертвых братьев. Мы знали о смерти — мы видели тех младенцев, похороненных на склоне холма. У меня с Пипом было еще кое-что общее: мой отец уехал, когда мне было одиннадцать, так что ни он, ни я почти не знали своих отцов.

Я видела своего, конечно, но тогда я знала его, как ребенок знает своего родителя — что-то вроде грубого наброска, раскрашенного одним-двумя цветами. Я никогда не видела отца испуганным

или плачущим. Никогда не слышала, как он признается, что был не прав. Я понятия не имела, о чем он мечтал. Однажды я видела улыбку, приклеенную к одной щеке и печаль — к другой, когда мама орала на него. Теперь он уехал, а мне остался всего лишь отпечаток — отпечаток мужского тепла, больших рук и громкого смеха.

Форма букв на могильном камне подсказывала Пипу, что его отец был «квадратным, тучным, темным мужчиной с курчавыми черными волосами».

Вдохновленная примером Пипа я старалась нарисовать портрет моего собственного отца. Я нашла кое-какие примеры его почерка. Он писал маленькими заглавными буквами. Что это говорило о нем? Он хотел быть заметным, но не слишком? Но у него был такой взрывной смех. Я спала в одной комнате с мамой, и той ночью спросила ее, был ли папа счастливым человеком. Она ответила: «Всегда не вовремя, хотя обычно после того, как выпьет».

Я спросила, считает ли она его «тучным человеком». В темноте я почувствовала, как она приподнялась на локте.

— Тучный! Откуда такое слово, девочка?

— От мистера Уоттса.

— Пучеглазый. Как же, — сказала она, укладываясь снова.

— Это из книжки.

— Что за чертова книжка?

— «Большие надежды».

Я дала ей три коротких ответа. Последний был самым ошеломляющим. Я потеряла ее. Я чувствовала ее тревогу. Она ворочалась на своей циновке. Я слышала ее сердитое дыхание. Не знаю, что ее постоянно злило. Мы лежали, ночь наполнялась звуками. Мы слушали, как собаки рычат на тени, и как шелестит океан, набегая на песок и отступая снова. Мы лежали долго, пока мама снова не заговорила.

— Ну, Матильда, ты собираешься рассказать мне про ту книгу?

Вот тогда впервые пришел мой черед рассказать ей что-то о мире. Но это было место, о котором она не знала и ничего не слышала. Она даже не могла сделать вид, что знает, так что

мне предстояло раскрасить этот мир для нее. Я не помнила слово в слово, что нам читал мистер Уоттс, и я не думала, что у меня получится сделать так, чтобы мама тоже проникла в тот мир, в котором обитали мы, дети, или в жизнь Пипа или кого-то другого, например, каторжника. Так что я рассказала ей своими словами, что у Пипа не было ни мамы, ни папы, ни братьев, а мама воскликнула: «сирота».

— Нет, — ответила я. — У него есть сестра. Она замужем за человеком по имени Джо. Они воспитали Пипа.

Я рассказала ей, как каторжник напугал Пипа на кладбище. Как угрожал вырвать ему сердце и печень, если Пип не сделает то, что тот хочет. Рассказала, как Пип вернулся в дом за пилой и едой, чтобы отнести утром каторжнику.

Рассказывая, я не слишком старалась. Рассказ не был живым, одни только голые факты. А когда я закончила, пришлось сказать: «Это все, что я пока знаю».

Собака зарычала в ночи. Что-то взвизгнуло. Мы услышали громкий голос из соседнего дома. А потом мама сказала:

— А что бы ты сделала, девочка? Если бы человек прятался в джунглях и попросил тебя украсть что-то у меня? Ты бы сделала это?

— Нет. — Ответила я и поблагодарила Бога за темноту, которая скрывала мое лживое лицо.

— Пучеглазому стоило бы учить вас правильно себя вести, — сказала она. — Я хочу знать все, что происходит в той книге. Ты слышишь меня, Матильда?

Когда мы не читали «Большие надежды», то выполняли школьные задания, упражнения по правописанию, повторяли таблицу умножения. Мистер Уоттс заставлял нас запоминать страны от «A» — Америка, Андорра, Австралия и до «Z» — Замбия, Зимбабве. У нас не было книг. У нас были только мозги и память, и, по словам мистера Уоттса, это все, что нам было нужно.

В знаниях мистера Уоттса были пробелы. Большие пробелы, как оказалось, за что он извинялся. Он знал слово «химия», но больше к этому ничего не мог добавить. Он называл имена известных людей, таких как Дарвин, Эйнштейн, Платон, Архимед, Аристотель. А мы все гадали, выдумывает ли он их, потому, что ему трудно было объяснить,

чем они так прославились и почему нам нужно знать о них. И все же, он был нашим учителем и никогда не терял своего положения. Когда на пляж выбрасывало неизвестную рыбу, было правильным попросить мистера Уоттса прийти и опознать странную угреподобную змею. Не важно, что, в конце концов, он просто стоял над этой тварью с пустым лицом, как и все мы.

Что касается мистера Диккенса, он чувствовал себя, как рыба в воде. И мы были счастливы за него. Он всегда обращался к нему, как мистеру Диккенсу — никогда «Диккенс» или «Чарльз». Так что мы знали, что делать, когда приходил наш черед ссылаться на автора. Мы говорили о мистере Диккенсе, пока он не начал казаться реальным, таким же реальным, как мистер Уоттс. Мы просто пока его не знали.

Мистер Уоттс рассказывал нам об Англии. Он был там. Он вроде сказал «луна». Мы все думали, какой бы задать вопрос. Моя подруга, Селия, спросила, есть ли там черные люди. Мистер Уоттс ответил быстро «Да», а когда перевел свое внимание на класс в поисках другого, лучшего вопроса, Селия украдкой посмотрела на меня из-под своих черных поросячьих хвостиков.

Вскоре мы узнали, что есть много Англий, и мистер Уоттс был только в двух или трех из них. Англия, в которой он был, сильно отличалась от той, в которой жил и работал мистер Диккенс. Для нас, которые никогда нигде не были, это были сложные понятия, потому, что нам казалось, что жизнь на острове была такой же, как и во времена наших отцов и отцов их отцов, особенно, когда началась блокада.

Мама любила рассказывать историю о моем дедушке, когда он в первый раз поплыл на пароходе в Рабаул. Ему пришлось толкнуть другого пассажира на палубе, чтобы спросить: «Что это за большие свиньи двигаются за деревьями?». Тогда он впервые увидел автомобиль.

Вдали от мистера Диккенса и Англии мистер Уоттс терялся. Однажды, когда Гилберт поднял руку, чтобы спросить, как работает автомобиль, мистер Уоттс запнулся. Он почесал голову. Потом начал снова. Мы все знали про бензин и ключ в замке зажигания. Гилберта интересовало остальное. Мистер Уоттс сказал, что это сложно. Он сказал, что проще объяснить на рисунке. Он снова попросил нас потерпеть, а он придумает, что можно сделать.

Мы знали, что мистер Уоттс осознавал свои недостатки, ему не нужно было об этом говорить, поэтому, как только мы закончили занятия, он пригласил наших матерей прийти в класс и поделиться своими знаниями о жизни.

Глава пятая

Первой пришла мама Мейбл. Миссис Кабуи появилась на пороге школы в лучах позднего послеполуденного солнца. Мистер Уоттс приветливо протянул ей руку, и миссис Кабуи быстро подошла к ней. Она что-то шептала мистеру Уоттсу. Я видела, как Мейбл ерзала на краю стула. Мистер Уоттс кивнул, и миссис Кабуи выглядела довольной.

— Дети, сегодня нам очень повезло, — начал мистер Уоттс, — миссис Кабуи согласилась поделиться с нами знаниями об удивительной жизни и приключениях Сердечного Семечка.

Мама Мейбл застенчиво улыбнулась. Она стояла босиком, в белой блузке и красной юбке. Когда она улыбалась, вы забывали о дырке на рукаве блузки и пятнах на юбке, оставленных грязными пальцами ребенка. Она говорила мягко и очень осторожно подбирала слова.

— Спасибо, мистер Уоттс. Спасибо большое. Сегодня, дети, я надеюсь удивить вас, — она оглядела класс, чтобы убедиться, что мы готовы. Мы

были готовы.

— Что, если я скажу вам, что некоторые сады начинают свою жизнь в океанах? — Она снова посмотрела на класс, ее взгляд перескочил через парту, где сидела ее дочка. Ее улыбка предназначалась нам всем. — Сегодня я здесь, чтобы рассказать вам о Сердечном Семечке.

И она рассказала нам, что в один день Сердечное Семечко плывет по воде. На следующий день его выбрасывает на берег. Через неделю морской бриз и солнце высушивает его, и оно становится легким, как шелуха. Месяц ветер катит и катит его, пока оно не достигнет почвы. Через три месяца из земли вырастает деревце. Проходит девять месяцев и его белые цветы распускаются и смотрят на море, откуда оно пришло.

— Зачем я рассказываю вам это, дети? Затем, что его тычинки очень хорошо горят и отпугивают москитов.

Мистер Уоттс моргнул, словно его разбудили. Думаю, он ожидал услышать больше, и мама Мейбл застала его врасплох внезапным окончанием рассказа.

— Очень хорошо, миссис Кабуи. Отлично. Сер-

дечное Семечко.

Он кивнул нам, что было знаком для нас подняться и похлопать. Мейбл хлопала громче и дольше всех. Ее мама слегка присела и опустила голову. Она поднялась, смеясь. Все были довольны. Никто не чувствовал смущения или стыда.

Следующими шли «Большие надежды». Мы знали это. Наши глаза следовали за мистером Уоттсом. Мы смотрели, как он взял книгу со стола. Мама Мейбл тоже видела. Она что-то прошептала мистеру Уоттсу, прикрывшись рукой. Мы слышали, как он сказал: «Да, конечно. Конечно». Он указал на свободную парту и мама Мейбл села, чтобы послушать величайший роман величайшего английского писателя девятнадцатого века.

Вдобавок к собственному удовольствию, мне приходилось слушать очень внимательно, потому, что вечером моя мама захочет узнать новости о Пипе. Я обращала особое внимание на произношение мистера Уоттса. Мне нравилось удивлять маму новым словом, которого она не знала. О чем я тогда не догадывалась, так это о том, что все мы уносили частицы «Больших надежд» с собой домой.

Голос, раздавшийся в темноте, звучал расстроено и обижено.

— Стало быть, он украл свиной пирог матери.

Свиной пирог. Я усмехнулась в темноте. Она не знала, как произнести это так, как это делал мистер Уоттс.

Но я поняла, что мне нужно кое-что объяснить ей. До нее явно не дошло, что мама и папа Пипа умерли. Я объясняла это раньше и объяснила снова. Я сказала, что Пипа воспитали его сестра и человек по имени Джо.

— Самолично, — добавила я, размышляя об этом слове и его значении.

— Значит, он взял свиной пирог сестры.

— Да, — уступила я.

— А что про это сказал Пучеглазый?

Мистер Уоттс ничего не сказал, но я понимала, что это будет неправильным ответом.

— Мистер Уоттс сказал, что нужно подождать, пока не станут известны все факты.

Я по сей день впечатлена тем, что мне пришел тогда в голову такой ответ. Уверена, что я просто повторила то, что где-то когда-то услышала, но

что бы это ни было, оно всплыло в памяти.

Я слышала, как мама завозилась на своей циновке. Она ждала, что я продолжу, но я намеренно ждала, пока она спросит: «Что было дальше?», что она и сделала пару минут спустя, выдавливая слова, раздражаясь тем, что ей приходилось просить меня.

«Студеное утро» — эту фразу я решила принести домой. Я использовала ее, чтобы создать картину Пипа, несущего свиной пирог и пилу каторжнику Мэгвичу, который ждет его на болотах. «Стояло студеное утро…»

Я коварно замолчала в темноте, чтобы мама спросила, что это значит. А она только тяжело дышала, будто знала, что у меня на уме, и что я удумала.

Еще днем я подняла руку, чтобы задать свой первый вопрос. Я не размахивала ею, как Мейбл. Я терпеливо ждала, пока мистер Уоттс не кивнул. Я начала, как обычно:

— Меня зовут Матильда.

— Да, Матильда, — сказал Мистер Уоттс.

— Что такое «студеное утро»?

— «Студеное утро» — это «морозное утро». Это

слово уже не употребляется. — улыбнулся он. — Матильда — тоже красивое имя. Кто дал тебе такое славное имя? — спросил он.

— Папа.

— А он…?

Я ждала этого вопроса. Мой папа работал на шахте с австралийцами. Они подсказали ему имя «Матильда». Он передал его маме. А она дала его мне. И я все это рассказала.

— Что-то вроде подержанного платья, — мистер Уоттс отвернулся в задумчивости. Внезапно он помрачнел. Не знаю почему. Он вернулся к книге, но заметил мою поднятую руку.

— Да, Матильда.

— А что такое «морозное утро»?

Когда бы он ни обдумывал вопрос, его взгляд устремлялся к задней стене класса, затем скользил к открытому окну, будто ответ можно было найти там. В этот раз он задал вопрос классу:

— Кто-то может ответить, что значит «морозное утро»?

Никто не смог. Мы изумились, когда он рассказал нам тайну «студеного утра». Мы не могли представить, что воздух может быть настолько

холодным, чтобы изо рта шел пар, или трава ломалась в руках. Мы не могли представить такой вот мир. Никто из нас не пробовал ничего холодного уже многие месяцы, с тех пор, как последний генератор перестал работать. Для нас холодным было что-то, оставленное в тени или остывшее на ночном воздухе.

Студеное утро. Я ждала, что мама огрызнется. Но ее не привлекла эта наживка. Ей не было никакого дела до студеного утра. Или она не хотела показаться глупой. Поэтому, когда вопроса так и не последовало, я поведала ей о событиях более приятных для нее. О виде старого каторжника, грызущего еду, как собака. И о возможном появлении полиции в кухне, когда Пип возвращается домой. Ей особенно понравился этот момент. В темноте я слышала, как она причмокнула.

Но это был последний раз, когда она просила пересказать очередную часть «Больших надежд». И всему виной «студеное утро». Хотя она и не сказала этого, я знала, что она думала, будто я выпендриваюсь и откусываю куда большую часть этого мира с таким языком, как «студеное утро», чем удается ей. Она не хотела поощрять меня, задавая вопросы. Она не хотела, чтобы я

еще больше погружалась в тот мир. Она боялась, что потеряет свою Матильду в викторианской Англии.

Глава шестая

На рассвете мы услышали, как вертолеты краснокожих пролетели над деревней и повернули назад. Они парили в воздухе, как гигантские стрекозы, глазеющие вниз на поляну. Они видели ряд покинутых домов и пустой берег, потому что мы убрались оттуда. Все. Старики. Мамы и папы. Дети. И все собаки и куры, у которых были клички. Мы спрятались в джунглях и ждали. Мы ждали, пока не услышали, как вертолеты протарахтели над верхушками деревьев. Мы чувствовали ветер, который посылали вниз их лопасти. Помню, я смотрела по сторонам, на нашу столпившуюся группу, и думала, где же мистер Уоттс и Грейс.

Мы держались под деревьями и пробирались под кустами, возвращаясь домой. Собаки, которые были слишком старыми и тощими, чтобы сдвинуться со своих излюбленных мест, подняли морды. Петухи важно прохаживались туда-сюда. Видя их, мы чувствовали себя людьми, ведь они ничего не знали. Они не знали об оружии и краснокожих из Морсби. Они не знали о шахте, или политике, или о наших страхах. Петухи только

знали, как быть петухами.

Вертолеты улетели, а мы остались со своим страхом. Мы не знали, что с ним делать. Мы ходили по округе. Стояли у дверей. Пялились в никуда. Потом, один за другим, мы поняли, что не остается ничего, кроме как вернуться к нашей привычной жизни. Что означало — в школу.

Когда мы вошли в школу, мистер Уоттс стоял посреди класса. Я подождала, пока последний из детей сел за парту, и подняла руку. Я спросила его, слышал ли он вертолеты, и если да, то где они с миссис Уоттс прятались. Это был вопрос, с которым пришли в школу все.

Похоже, наши лица забавляли мистера Уоттса. Он вертел в ладони карандаш.

— Мы не прятались, Матильда, — сказал он. — Миссис Уоттс было не до утренней прогулки. Что до меня, я люблю в это время почитать, — вот и весь ответ.

— Будем ли мы иметь сегодня удовольствие видеть твою маму в классе, Матильда? — спросил он.

— Да, — ответила я, стараясь, чтобы это не про-

звучало слишком горестно.

Как оказалось, другая мама перепутала время и пришла в класс. Она была замужем за Уилсоном Масои, рыбаком, и их сын, Гилберт, приходил в школу только тогда, когда отец решал не брать его с собой на рыбалку. Она была большой женщиной. Она вошла в класс боком. Мальчик с большой лохматой головой, что сидел передо мной, и был Гилберт. Сегодня я могла смотреть через его голову, потому, что он лег на парту, пристыженный появлением в классе его матери.

Это не ускользнуло от внимания мистера Уоттса. Он посмотрел в сторону задних рядов класса, будто забыл там что-то.

— Гилберт. Ты не хотел бы представить классу свою маму?

Гилберт вздрогнул. Закусил щеку. Медленно поднялся. Ему удалось встать, но его подбородок не отрывался от груди, а глаза пытались протолкнуться сквозь веки. Мы слышали, как он пробормотал: «Это мама».

— Ну же, Гилберт, — сказал мистер Уоттс, — у мамы есть имя?

— Миссис Масои.

— Миссис Масои. Спасибо, Гилберт. Можешь сесть.

Мистер Уоттс что-то обсуждал с мамой Гилберта. Говоря с ней, он легко придерживал локоть миссис Масои. У нее была большая голова с черными ватными волосами. Она была босиком, а ее бесформенное белое платье было грязным. Когда они закончили свою приватную беседу, я услышала, как мистер Уоттс сказал: «Отлично». А нам объявил:

— Миссис Масои поделится с нами некоторыми кулинарными секретами.

Мама Гилберта повернулась к нам. Она закрыла глаза и заговорила:

— Чтобы убить осьминога, ткните его сверху в глаз. Когда готовите черепаху, сначала положите ее панцирем вниз.

Она посмотрела на мистера Уоттса, который кивнул ей продолжать. Она снова закрыла глаза.

— Чтобы убить свинью, надо, чтобы двое толстых дядюшек положили ей на горло доску.

После рецепта свиньи она открыла глаза и посмотрела на мистера Уоттса. Он попытался по-

шутить и спросил, насколько большими должны быть эти дядюшки. Миссис Масои ответила:

— Жирные. Жир — это хорошо. В тощих ни хрена хорошего.

Бедный Гилберт. Он дрожал и засовывал свою большую голову под парту прямо передо мной.

На следующее утро нас снова разбудили вертолеты. Мама склонилась надо мной, ее лицо было перекошено от паники. Она орала, чтобы я поторопилась. Я слышала крики людей на улице и хлест лопастей. Пыль и кусочки листьев влетали в открытое окно. Мама бросила мне одежду. Снаружи люди разбегались кто куда.

Я добежала до края кустарника, а мама толкала меня все глубже и глубже в гущу деревьев. Мы знали, что вертолеты приземлились, потому, что звук лопастей стал равномерным. В полумраке я видела потные лица. Мы старались слиться с тишиной деревьев. Некоторые стояли. Другие пригнулись; матери с малышами присели. Они всунули сиськи младенцам в рот, чтобы заткнуть их. Все молчали. Мы ждали и ждали. Мы сидели тихо. Пот ручьем лил с наших лиц. Мы ждали, пока не услышали, как вертолеты затарахтели,

улетая вдаль. И даже тогда мы ждали до тех пор, пока не пришел папа Гилберта и не сказал, что все чисто. Мы медленно выбрались из джунглей и побрели к своим домам.

На поляне солнце изливало свой жар на наших мертвых животных. Куры и петухи лежали на раздутых боках. Их головы валялись повсюду в пыли и было трудно понять, где чья голова. Те же удары мачете, что снесли им головы, срубили столбики садов и веревки для белья.

Старый пес лежал с развороченным брюхом. Мы уставились на этого пса и думали о том случае, весть о котором папа Гилберта принес из мест, что выше по берегу, где шли бои. Теперь мы знали, как бы выглядел человек с распоротым животом. Больше не было нужды гадать. Видеть этого черного пса было все равно, что видеть ваших сестру или брата, или маму, или папу в таком же состоянии. Вы видели, каким неуважительным может быть солнце, и какими глупыми были пальмы, все так же тянувшиеся к морю и небу. Какой позор, что у деревьев нет совести. Они просто глазеют.

Папа Мейбл поднял пса, и пока держал его, окровавленного, в руках, кричал какому-то маль-

чику, чтобы тот помог затолкать внутренности туда, где они были. Они оба пошли в сторону джунглей и бросили собаку в заросли. Его звали Черныш.

Наша самая ценная собственность — коза — исчезла. Если бы ее зарубили, мы нашли бы ее внутренности. Мы проверили в джунглях. Одна или две обнадеживающие тропинки вели к водопаду или краю джунглей. Должно быть, краснокожие взяли ее с собой. Мы все решали, как они это смогли сделать.

Мы видели веревку, нет, две веревки — спереди и сзади — наброшенных на животное. Мы видели, как ее подняли в воздух. Мы видели ее огромные глаза, удивляющиеся верхушкам деревьев, которые она никогда не видела, вдруг оказавшимся внизу. Мы пытались представить, как это быть козой и чувствовать легкость, щекочущую копыта.

Блокада началась в первой половине 1990 года. Мы думали, что это было всего лишь делом времени, что мир придет нам на помощь. «Терпение» — это слово постоянно шептали. Но посмотрите, что случилось. Нас нашли не те люди.

Мы не сильно переживали из-за кур и петухов. Мы могли есть рыбу, с деревьев сыпались фрукты. Мы думали о Черныше и его кишках, вывернутых под беспощадным солнцем.

Мама пришла в класс в тот же день. Она не предупредила меня. Я понятия не имела, о чем она собиралась говорить. Она не знала ничего, кроме того, что прочла в Библии.

Точно так же, как и Гилберта, мистер Уоттс нашел меня своими огромными глазищами.

— Матильда, ты не хотела бы представить нам гостью?

Я поднялась и объявила то, что все уже знали.

— Это моя мама.

— А у мамы есть имя?

— Долорес, — сказала я и соскользнула ниже под парту. — Долорес Лаимо.

Мама улыбнулась мне в ответ. На ней был зеленый шарф, который папа прислал ей в самой последней посылке, которую мы получили. Она носила его, плотно завязанным на затылке, так же, как повстанцы носили свои банданы.

Ее волосы были стянуты в тугой узел. У нее был вызывающий вид. Губы поджались, ноздри раздулись. Отец говорил, что в ее жилах течет кровь праведников. Ей надо было стать священником, говорил он, потому, что для мамы убедительность была совсем не умственным упражнением. Здесь не было места качеству аргументов. Все дело было в силе веры. И каждая ее часть — от белков глаз до мускулистых голеней — говорила за нее.

Мама улыбалась не часто. Когда она это делала, то почти всегда в знак победы. Или ночью, когда она думала, что одна. Когда она думала, то выглядела рассерженной, будто само это действие было потенциально разрушительным и даже способным довести до унижения. Даже когда она сосредоточивалась, то выглядела сердитой. На самом деле, она выглядела сердитой большую часть времени. Я думала, что все потому, что мама думала о моем отце. Но она не могла думать о нем постоянно.

Она знала содержание, как она выражалась, Благой Книги. Она много размышляла о ней. И я бы и не подумала, что в той книге было что-то, что могло ее разозлить, но она выглядела именно так, и потому многие дети боялись ее.

Она, должно быть, догадывалась об этом, поэтому говорила более мягким голосом — тем, который я слышала до той ночи, когда между нами встали «Большие надежды».

— Дети, я пришла поговорить с вами о вере, — начала она, — вы должны во что-то верить. Да, должны. Даже пальмы верят в воздух. А рыба верит в море.

Она окинула взглядом класс, и начала изливать свои мысли на единственную тему, которой она доверяла, которую знала, и которая ее занимала.

— Когда приехали миссионеры, нас научили верить в Бога. Но когда мы захотели увидеть Бога, миссионеры отказались познакомить нас. Многие старики предпочли мудрость крабов и спинорога, который похож на Южную Звезду, потому, что если вам придется плыть от одного острова к другому с головой, опущенной вниз, вы сможете плыть, ориентируясь на спинорога. Что вы думаете об этом, дети, а?

Она наклонилась вперед. Мистера Уоттса будто не было в классе.

— Лучше быть в компании спинорога, правда? Если вам удастся, можно сказать, что ваше спасе-

ние в вере. Именно так старый рыбак, спасенный из своего тонущего каноэ, сказал моему отцу, когда я была девочкой. Ночью он определял по звездам, где находится. Днем он держал лицо под водой и следил за спинорогом. Это правда.

Никто из нас не собирался спорить. Все сидели неподвижно за партами. Страх, который исходил от них, немного смущал меня.

Мама удовлетворенно хрюкнула. Мы были там, где она хотела. Косяком застывших рыб, вокруг которых кружит акула. Она медленно выпрямилась, словно не хотела испортить эффект, который произвела на нас.

— Теперь слушайте. Вера — как воздух. Она всегда держит вас на плаву. Иногда вам это нужно. Иногда нет. Но когда вам будет нужно, лучше уметь верить, иначе ничего не получится. Вот почему миссионеры построили церкви. Пока у нас не появились церкви, мы недостаточно упражнялись. Вот для чего нужны молитвы, это — упражнения, дети. Упражнения.

— Вот несколько слов, которые нужно выучить наизусть: «Вначале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над без-

дною, и Дух Божий носился над водою.» — Лицо мамы озарилось столь редкой улыбкой. Она нашла меня под партой, спиной вверх, и не сводила с меня глаз.

— «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». Нет предложения в мире прекраснее, чем это.

Я знала, что несколько голов повернулись в мою сторону, будто я могла позволить себе не согласиться. К счастью, меня спасла Виолет, которая подняла руку. Она попросила маму рассказать о мудрости крабов. Наконец-то мама повернулась к мистеру Уоттсу.

— Прошу, — сказал он.

— Крабы, — начала она и подняла глаза к гекконам на потолке. Но она не видела их. Она думала о крабах, и, в особенности о том, какую погоду нужно ожидать, в зависимости от поведения крабов.

— Если краб роет прямо вниз, засыпает нору песком и оставляет метку в форме солнечных лучей, жди ветра и дождя. Будет сильный ветер, но без дождя, если краб оставляет за собой горку песка, но не закрывает нору.

— Если краб закрывает нору, но не разравнивает горку песка, будет дождь без ветра. Когда краб оставляет горку и не закрывает нору, погода будет хорошей. Никогда не верьте белому, который говорит: «Согласно радио, нас ожидает дождь». Верьте крабам и только крабам.

Мама посмотрела на мистера Уоттса, который смеялся, чтобы показать, как она хорошо пошутила над ним.

Мне хотелось, чтобы она могла посмеяться вместе с ним. Вместо этого она наградила его недружелюбным кивком, показывая, что она закончила свой рассказ, и вымелась из класса в послеобеденный зной, где птицы чирикали, забыв о мертвом псе и зарубленных петухах, которых они видели еще утром.

Когда занятия закончились, некоторые из нас побежали на пляж посмотреть на крабов, чтобы проверить, правду ли говорила моя мама. Мы нашли несколько незакрытых норок, что было достаточным доказательством для мальчиков, но все, что нужно было сделать, это посмотреть на безоблачное голубое небо, чтобы узнать о погоде. Крабы мне были не интересны.

Я нашла палку и большими буквами нацарапала на песке «ПИП». Я сделала это на линии высокого прилива и вставила белые сердечные семечки в желобки букв.

Проблема с «Большими надеждами» заключалась в том, что это был односторонний диалог. Без ответа. Иначе я рассказала бы Пипу о том, как мама приходила в класс, и как, пусть и всего на расстоянии двух парт от меня, казалась мне другой. Более враждебной.

Когда она стояла на своем, вся ее тяжесть стремилась к коже. Будто между ее кожей и воздухом было трение. Она ходила медленно, как парус сопротивления. Она сдерживала улыбку, и мне было обидно, ведь я знала, что у нее была красивая улыбка. Бывали ночи, когда я замечала, как лунный свет освещает края ее зубов, и я знала, что она лежит и улыбается в темноте. И благодаря этой улыбке я знала, что она вошла в другой мир, мир, куда я не могла попасть. Это был мир взрослых и, более того, ее собственный мир, где она знала себя так, как только могла знать только она и никто другой; я не могла видеть этот её мир, не говоря уже о том, чтобы последовать за ней туда, за эти красивые зубы, освещенные луной.

Чтобы я ни сказала Пипу о маме, я знала, что он не услышит меня. Я только могла следовать за ним по какой-то удивительной стране с болотами и свиными пирогами, и людьми, говорящими длинными, путаными предложениями. Иногда, к тому времени, как мистер Уоттс дошел до конца книги, вы понимали их ничуть не лучше, вы совершенно не понимали, что эти предложения пытались вам сказать, а может в то время вы уделяли слишком много времени гекконам не потолке. Но потом история возвращалась к Пипу, к его голосу, и вы будто включались снова.

По мере того, как мы читали книгу, со мной кое-что произошло. В какой-то момент я почувствовала, что словно вхожу в эту историю. У меня не было в ней своей роли, нет; я не узнавала себя на страницах книги, но я была там, точно была. Я знала того белого осиротевшего мальчика и то маленькое, хрупкое место, которое он занимал между его ужасной сестрой и милым Джо Гарджери, потому что именно такое же место образовалось между мистером Уоттсом и моей мамой. Я знала, что мне предстоит выбрать одного из них.

Глава седьмая

Визит краснокожих отразился на нас по-разному. Одних видели, когда они прятали еду в джунглях. Другие строили планы побега. Они думали, куда им бежать, и размышляли, что же будут там делать. Что до моей матери, то она решила вспомнить всю семейную историю и передать мне все, что знала.

Морские боги и черепахи в её рассказе перемежались с вереницей людей, о которых я никогда раньше не слышала. Их имена влетали в одно ухо и вылетали в другое. Их было так много. Наконец она дошла до самого конца, по крайней мере, мне так показалось. Повисла пауза. Я смотрела в темноту и видела, как белеют ее зубы.

— Пучеглазый, сказала она, — произошел от бронзовой кукушки.

Я знала о бронзовых кукушках. В определенное время года мы видели, как они поднимаются в небо. Они направлялись на юг в поисках чужих гнезд. Там они находили гнезда, выбрасывали оттуда яйца и откладывали свои, прежде чем уле-

теть прочь. Птенец бронзовой кукушки никогда не видел свою мать.

В темноте я услышала, как мама сжала зубы. Она думала, что уловила суть мистера Уоттса. Она не видела того, что видели мы, дети: доброго человека. Она видела лишь белого человека. Белые люди украли ее мужа и моего отца. Белые люди были виноваты и в существовании шахты, и в блокаде. Белые люди дали имя нашему острову. Белые люди дали имя и мне. Но теперь стало ясно, что мир белых забыл о нас.

В канун Рождества еще двое младенцев умерли от малярии. Мы похоронили их и украсили могилы белыми раковинами и камешками, взятыми на берегу. Ночью мы слушали рыдания матерей.

Это несчастье вновь заставило нас вспомнить о конфликте, суть которого правильно понимали лишь некоторые из нас, детей. Мы знали о загрязнении реки, об ужасном влиянии медного шлама после сильного дождя. Рыбаки рассказывали о красном пятне, которое выходило далеко за рифы в открытое море. Достаточно было ненавидеть это, чтобы ненавидеть шахту. Были и другие моменты, на понимание которых у меня ушли годы: жалкие компенсации, выплаченные Компанией

арендаторам, и круговая порука краснокожих, которые в больших количествах приезжали на остров, чтобы работать на Компанию, и использовали свое положение, чтобы продвигать соплеменников, выживая местных с работы.

В нашей деревне были те, кто поддерживал повстанцев — в том числе, моя мать. Хотя подозреваю, что ее поддержка подпитывалась мыслями об отце в Таунсвилле, жившем там, как она говорила, «жирной жизнью». Все хотели, чтобы конфликт прекратился, белые вернулись и снова открыли шахту. Людям хотелось снова покупать вещи. Им хотелось, чтобы у них снова были деньги на эти покупки. Бисквиты, рис, рыбные консервы, тушенка, сахар. Мы снова начали есть то, что ели еще наши прадеды: батат, рыбу, кур, манго, гуаву, маниоку и крабов.

Мужчины хотели пива. Несколько мужчин сварили сок джунглей и сильно напились. Мы слышали ночью их пьяное буйство. Их дикое поведение было таким громким, что мы боялись, что их услышат краснокожие. В темноте я слышала, как мать грозила им адом за их грязный язык. Сок джунглей превратил их в безумцев. Они вели себя как люди, которым все равно, даже

если завтра наступит конец света, и пугали ночь дикими криками.

Но этой ночью мы услышали и другой голос, голос благоразумия. Один спокойный голос заставил утихнуть дикие пьяные вопли. Я узнала его. Он принадлежал отцу Мейбл, спокойному мужчине с плоским носом и добрыми, понимающими глазами. Каждый раз, когда он видел Мейбл, он дергал ее за один из ее поросячьих хвостиков и смеялся. Счастливый человек. Он должен был обладать какой-то властью, потому что мы слышали, как в этой непроглядной тьме он разговаривал с теми, кто напился. Он не повышал голос, нам не было слышно, что он говорил, но мы слушали мягкое звучание его голоса, и скоро, к нашему счастью, мы услышали, как один из пьяниц начал плакать. Именно так. Голос отца Мейбл превратил буйного выпивоху во всхлипывающего малыша.

На что я надеялась? Просто надеялась, хотя и по-своему. Я знала, что все может измениться, потому что так произошло с Пипом.

Сначала его пригласила в свой дом богатая Мисс Хэвишем поиграть в карты с ее приемной дочерью Эстеллой. Я никогда не любила Эстеллу.

Теперь я могу сказать, что ревновала к ней. Мне не нравилась и другая девушка, Сара Покет, которая всех дразнила. Я была рада, когда пришло время покинуть мисс Хэвишэм.

«Большие надежды» научили нас, что жизнь может измениться без какого-либо предупреждения. Пип уже четвертый год учился у Джо Гарджери. Он уже был старше меня. Но это было не важно. Во всем остальном он оставался другом, спутником, за которого я переживала, и о котором много думала.

Все шло к тому, что он станет кузнецом. Кузнец. Еще одно слово, которое нуждалось в пояснении. Мистер Уоттс сказал, что это нечто большее, чем работа. Под кузнецом Мистер Диккенс понимал больше, чем просто человека, подковывавшего лошадей. Пип свыкся с ежедневной рутиной жизни кузнеца, включая ночные посиделки у очага с Джо Гарджери и другими в пабе со смешным названием «Три веселых матроса», попивая эль и слушая всякие басни.

Однажды ночью в паб вошел незнакомец и попросил, чтобы ему указали на Пипа. Это был мистер Джеггерс, адвокат из Лондона. Нам, детям, он показался храбрым человеком. Человеком,

который не побоялся подойти к незнакомцам и начать махать пальцем. Он попросил Пипа о разговоре с глазу на глаз. Так что Джо и Пип привели его домой, и здесь мистер Джеггерс объяснил, что ему надо. У него были новости для Пипа. Его жизнь должна была измениться.

Наше чтение споткнулось о новые слова, и мистеру Уоттсу пришлось объяснить, кто такой адвокат, а также слово «благодетель», что привело нас к «бенефициару». Это и были новости адвоката. Пип стал бенефициаром большой суммы денег, выделенных кем-то, кто пожелал остаться неназванным. Деньги должны были пойти на то, чтобы сделать из Пипа джентльмена. Итак, он должен был измениться.

Когда я впервые услышала об этом, то переживала до конца главы. Мне нужно было сначала увидеть, во что он превратится, чтобы быть уверенной, что мы сможем остаться друзьями. Я не хотела, чтобы он менялся.

Затем мистер Уоттс рассказал, что значит быть джентльменом. Хотя это может значить разные вещи, он считал, что слово джентльмен означает то, как человек ведет себя с внешним миром. Джентльмен — это человек, который никогда не

забудет о манерах в любой ситуации. Неважно, насколько она будет ужасной или трудной.

Кристофер Нутуа поднял руку.

— Может ли бедный человек быть джентльменом? — спросил он.

— Почти наверняка может, — сказал мистер Уоттс.

Обычно он терпимо относился к нашим вопросам, даже самым глупым, но этот вызвал у него раздражение.

— Деньги и социальное положение не имеют здесь значения. Речь идет о качествах. И эти качества легко определить. Джентльмен всегда поступит правильно.

Мы поняли, что нам хотят сказать, и что это были личные убеждения мистера Уоттса. Он взглянул на класс. Так как вопросов больше не было, он продолжил чтение, и я слушала очень внимательно,

Деньги означали, что Пип должен покинуть все, что он знал — болота, ужасную сестру, старину Джо, кузницу — ради большого незнакомого Лондона.

Теперь я поняла важность того, что в книге значила кузница. Кузница было домом, она

заключала в себе все те вещи, из которых складывается жизнь. Для меня это означало заросли кустарника; горы, которые возвышались над нами; море, которое иногда убегало от нас; тяжелый запах крови, который преследовал меня с тех пор как я увидела Черныша с распоротым брюхом. Жаркое солнце. Фрукты, которые мы ели, рыба, орехи. Шум, который мы слышали ночью. Вонь от выгребных ям. А еще высокие деревья, которые иногда выглядели так, будто могли сбежать от нас, как и море. И джунгли, и то, как они постоянно напоминали, какие мы маленькие и никчемные по сравнению с гигантскими деревьями, жадно скрывающими от нас солнечный свет за густой листвой. Смех женщин, стирающих в ручьях. Их шутки и подтрунивание над девушкой, которую застали тайно стирающей свое тряпье. Чувство страха, и чувство потери.

Вдали от класса я ловила себя на мыслях о той жизни, в которую направился отец, и каким он стал. Я думала, стал ли он джентльменом, и забыл ли он в таком случае все, с чем вырос. Думала, помнит ли он меня, вспоминает ли хоть иногда о маме. А еще о том, дают ли мысли о нас ему спать по ночам, как они не дают моей маме.

Я сидела и смотрела, как мама стирает нашу одежду в горном ручье. Она выколачивала грязь на плоском камне, затем полоскала одежду в воде, встряхивала и отпускала плавать на поверхности.

Я держалась на расстоянии. Это был мой способ наказать ее за то, что она была груба с мистером Уоттсом. Теперь я придумала, как по-другому достать ее. Я нацелилась взглядом на ее затылок и спросила, скучает ли она по папе. Никакого злого взгляда через плечо, на который я рассчитывала. Ничего. Лишь ее руки стали двигаться быстрее. Как и ее плечи.

— Почему, ты спрашиваешь, девчонка?

Я пожала плечами, но она, конечно, этого не увидела. Между нами снова было готово повиснуть молчание.

— Иногда, — добавила она. — Иногда я смотрю на джунгли, и вижу там твоего отца, Матильда. И он идет ко мне.

— И ко мне?

Она прекратила стирать и повернулась ко мне.

— И к тебе. Да. Твой отец идет к нам обеим. А затем я начинаю вспоминать.

— О чем?

— Да ни о чем, — ответила она. — Просто так.

Но раз ты спросила, то я вспоминала времена, когда шахта работала, и твой отец попал в суд за нарушение порядка.

Я ничего об этом не знала, но тон ее голоса заставлял предположить, что проступок отца был немногим хуже, чем, скажем, когда он забыл привезти что-то домой из Аравы. То, что он попал в суд, было не большим несчастьем, чем его постоянная забывчивость. Она хотела, чтобы я в это поверила. Но я не верила. Я бы хотела, чтобы она не рассказывала об этом. Это было слишком.

— Я помню, каким красным и смущенным было его лицо, — сказала она. — Таким виноватым, просто «Господи, прости». Я помню, как смотрела в окно суда. Я увидела самолет, который чертил в небе белую линию, и в этот самый момент за окном пролетел кокос. Секунду я не могла решить, на что смотреть: на то, что поднималось, или на то, что упало.

Она встала с коленей и поднялась, так что могла теперь взглянуть на меня.

— Если ты действительно хочешь знать, Матильда, то я не знаю, смотрела ли я на плохого человека или на того, кто любил меня.

Я услышала больше, чем хотела. Это был взрослый разговор. И так как она внимательно за мной наблюдала, я поняла, что она угадала мои мысли.

— Я также скучаю по морским конькам, — сказала она веселее. — Ни у кого нет таких мудрых глаз, как у морского конька. Это правда. Я узнала об этом, когда была младше, чем ты сейчас. И еще я узнала кое-что о рыбе-попугае. Они начинают пялиться на тебя всей стаей, и вспоминают, какой ты была вчера, и позавчера.

— Это неправда, — засмеялась я.
— Нет, — сказала она, — это правда.

Она затаила дыхание, а за ней и я, и она первой разразилась хохотом.

Теперь, когда я познакомилась с мисс Хэвишем и узнала о ее несчастном прошлом, я больше не думала, что моя мать похожа на сестру Пипа. Она больше походила на мисс Хэвишем, которая никак не могла выбраться из самого злосчастного дня своей жизни. На часах было точно то самое время, когда жених так и не появился. Нетронутый свадебный ужин, оставленный, чтобы пауки отсчитывали время.

Мисс Хэвишем так и осталась в свадебном платье ради события, которое давно осталось в прошлом. Мне казалось, что моя мать тоже застряла в подобном мгновении. Только это была ссора с моим отцом. Ее злость держала ее. Злость, за которой можно было пройти по следам до момента рождения. Думаю, то, что сказал ей отец, все еще звучало в ее ушах.

Глава восьмая

Вы не можете попасть в более сложную ситуацию, чем оказаться в положении единственного белого среди черных людей. Полагаю, мистер Уоттс и был в таком трудном положении. Он дал нам Пипа, и я узнала этого Пипа так, будто он был настоящим, и я чувствовала его дыхание на своей щеке. Я научилась заглядывать в душу другого человека. Теперь я пыталась сделать то же самое с мистером Уоттсом. Я смотрела на его лицо, слушала его голос и старалась услышать, как работает его ум, о чем он думает. О чем думал мистер Уоттс, когда наши мамы и папы, дяди и тети, а иногда и старшие братья и сестры приходили в класс рассказать, что они знают о мире? Ему нравилось стоять с одной и той же стороны, когда гость рассказывал историю, или анекдот, или теорию.

Мы всегда наблюдали за лицом мистера Уоттса, чтобы понять, было ли то, что мы слышим, чушью. Но по лицу мистера Уоттса нельзя было этого понять. Оно выражало искренний интерес, даже когда бабушка Дэниэла, старая, сутулая и

на костылях, вглядывалась в наши лица своими слепыми глазками.

— Есть место под названием Египет, — сказала она. — Я ничего не знаю об этом месте. Хотела бы я рассказать вам, дети, про Египет. Простите, что я больше ничего не знаю. Но если хотите послушать, я могу рассказать вам все, что я знаю о голубом цвете.

И мы узнали о голубом цвете.

— Голубой — это цвет Тихого океана. Это воздух, которым мы дышим. Голубой наполняет трещины во всех вещах, таких, как пальмы или железные крыши. Если бы не голубой цвет, мы не увидели бы крыланов. Спасибо тебе, Господи, что дал нам голубой цвет.

— Самое удивительное то, где именно появляется голубой цвет, — продолжила бабушка Дэниэла. — Ищите и найдете. Вы можете прищуриться и найти его в трещинах причала в Киете. И знаете, что он пытается сделать? Он пытается попасть в живот гниющей рыбы, чтобы забрать ее домой. Если бы голубой цвет был животным или растением, или птицей, он был бы чайкой. Она везде сует свой липкий клюв.

— У голубого цвета есть и магическая сила, — говорила она, — посмотрите на риф и скажите, вру я или нет. Голубой разбивается о риф и какой цвет он выпускает? Он выпускает белый цвет! А как он это делает?

Наши глаза искали глаза мистера Уоттса для какого-нибудь объяснения, но он делал вид, что не замечает наших вопрошающих лиц. Он сидел на краю стола со сложенными руками. Он выглядел сосредоточенным, слушая, что говорила бабушка Дэниэла. Мало-помалу наше внимание вернулось к маленькой старой женщине с губами, перепачканными бетелем.

— И еще одно, дети, и потом я отпущу вас. Голубой цвет принадлежит небу, и его нельзя отнять, вот почему миссионеры вставили голубой цвет в окна первых церквей, которые они построили тут, на острове.

Мистер Уоттс сделал уже знакомое нам движение — широко распахнул глаза, словно только что проснулся. Он подошел к бабушке Дэниэла и протянул ей руку. Старая женщина протянула ему свою, затем он повернулся к классу.

— Сегодня нам очень повезло. Очень. Мы полу-

чили очень полезное напоминание о том, что мы можем и не знать весь мир, но если будем достаточно сообразительными, то сможем создать его заново. Мы сможем украсить его тем, что найдем или увидим вокруг нас. Нам нужно просто постараться развить такое же богатое воображение, как у бабушки Дэниэла. — И он положил руку на плечо старушки. — Спасибо, — сказал он — большое спасибо.

Бабушка Дэниэла ухмыльнулась и мы увидели, как мало осталось у нее зубов, и эта «малость» объяснила нам, почему она свистела, когда говорила.

Некоторых из тех, кто приходил в класс, мистеру Уоттсу приходилось убеждать выложить все, что они знали, и иногда этих знаний было очень мало.

Одна женщина, которая была хозяйкой Черныша, все опускала застенчивые глаза к земле. И когда Жизель говорила, мистеру Уоттсу приходилось наклоняться к ней, чтобы понять, что она рассказывала о ветре. Моим любимым ветром был тот, что назывался «нежный, как женщина».

Дядя Гилберта, большой мужчина, круглый,

как бочка, черный, как деготь, что добывают в море, пришел рассказать нам о «разбитых мечтах». Он сказал, что лучшее место, где можно найти разбитую мечту, это пристань.

— Посмотрите на всю эту мертвую рыбу с открытыми глазами и ртами. Они не могут поверить, что они не в море и уже никогда не вернутся туда.

Он остановился и посмотрел на мистера Уоттса, словно спрашивал, это ли мы хотели услышать. Мистер Уоттс кивнул, и дядя Гилберта продолжил.

— По ночам чертовы собаки и петухи гоняются за мечтами и разбивают их пополам. Что хорошо в этих разбитых мечтах, так это то, что вы можете начать их заново. Кстати, рыба отправляется на небо. Не верьте другому дерьму, что вам рассказывают.

Он переступил с одной босой ноги на другую, кося свои нервные глаза на мистера Уоттса, а потом на нас. — Это все, что я могу рассказать. — сказал он.

Мы узнали об острове, где дети сидели в каменном каноэ и учили на память песни священного

моря. Мы узнали, что можно спеть песню, чтобы заставить расти апельсиновое дерево. Услышали, что есть песни, которые лечат, как лекарство. Например, можно спеть специальную песню, чтобы избавиться от икоты. Есть даже песни от язв и нарывов.

Мы узнали, что белыми лилиями можно лечить бородавки. Есть еще какой-то кустарник, чьи длинные листья хороши от боли в ушах. Листья другого растения можно растереть и пить от поноса. Шелуху кины нужно добавить в суп и дать первородящей, чтобы остановить кровотечение.

Некоторые истории помогут вам найти счастье и истину. Другие научат не совершить одну и ту же ошибку дважды. Третьи предлагают инструкции. Читайте Благую Книгу.

Женщина по имени Мэй рассказала историю о хрупкой птице, которая принесла ей открытку ко дню рождения с соседнего острова. Открытка была сложена внутри старой коробки от зубной пасты и примотана к крылу птицы. Это был ее восьмой день рождения, и большая птица, похоже, знала об этом, сказала Мэй, потому что она стояла рядом с мамой и папой и смотрела, как Мэй читала открытку; а когда девочка дошла до

слов «С днем рождения, Мэй», все оживились, и тогда Мэй увидела, как птица улыбается.

— На следующий день мы съели птицу на обед.

Когда мистер Уоттс услышал это, его голова откинулась назад, а руки опустились. Он выглядел ошарашенным. Интересно, заметила ли это Мэй, потому что потом она добавила:

— Конечно, птица об этом не узнала.

И все равно нам было неудобно, потому, что мистер Уоттс чувствовал себя неловко.

Одна женщина встала перед нами и крикнула:

— Вставайте, лентяи! Поднимайте свои задницы и следуйте за морскими птицами к рыбацким сетям. — Это был традиционный рассказ.

Женщина из молитвенной группы моей мамы пришла рассказать нам о хороших манерах.

— Тишина — это признак хороших манер, — сказала она. — Когда я росла, тишиной были кусочки, которые оставались после того, как проклятые собаки, петухи и генераторы наступали на мир. Многие из нас, детишек, не знали, что с ней делать. Иногда мы принимали тишину за скуку. Но в тишине хорошо спать, быть наедине

с Богом, думать о Благой Книге.

— А еще, — добавила она, тыча пальцем на девочек в классе, — держитесь подальше от мальчиков, которые нарушают тишину. У мальчиков, которые кричат, в душе грязь. Человек, который знает о ветре и мореходстве, знает о тишине и, скорее всего, лучше слышит Бога. Кроме этого, я не хочу рассказывать вам, девочки, где делать покупки.

Агнес Харипа начала разговор о сексе, улыбаясь. Она не начинала говорить, пока мы все не улыбнулись ей в ответ. Гилберт был туповатым, и она стояла и терпеливо ждала, пока не вмешался мистер Уоттс и не попросил Гилберта сделать ей одолжение. Чтобы помочь Гилберту, мистер Уоттс улыбнулся сам.

— А, понял, — сказал Гилберт, и миссис Харипа смогла начать свой урок.

— Сегодня я хочу поговорить о том, чему может научить нас личи, — сказала она. — Сладкие вещи никогда не портятся снаружи. — Она показала нам колючий личи, будто никто из нас никогда раньше не видел этого фрукта. Мы знали о его тонкой твердой скорлупе. Вы снимаете ее и вонзаете зубы в кремовую, миндальную на

вкус, мякоть. — Но, как и личи, — продолжила Агнес, — сладкая улыбка человека ничего не говорит о его сердце. Улыбка может быть коварной. Чтобы оставаться сладким, нужно защищаться. Девочки, защищайте свои сладости от мальчиков. Посмотрите на личи. Был бы он таким сладким, если бы его фрукты были открыты для ветра, солнца и жадных собак?

Мы поняли. Мы знали, чего она хотела, и пропели в ответ: — Нет, миссис Харипа.

— Нет, — сказала она. — Эти фрукты засохли бы и сморщились. Они потеряли бы свою сладость, вот почему самая сладкая часть личи прячется за твердой скорлупой. Все знают, что это правда, но мало кто спросит, почему. Теперь вы, дети, знаете.

Она еще раз оглядела наши лица. Она искала смутьяна, кого-то, кто задаст вопрос. В вопросах не было ничего плохого, если вы знали, что породило вопрос. Был ли вопрос искренней попыткой узнать что-то или поставить в тупик? Миссис Харипа была подругой моей мамы. Они ходили в одну молитвенную группу.

— Не думаю, что есть вопросы, миссис Хари-

па, — сказал мистер Уоттс к нашему великому облегчению. — Однако, позволю себе заметить, что ваш рассказ о сохранении невинности поучителен.

Миссис Харипа сверкнула глазами на мистера Уоттса. Она не была уверена, что белый не смеется над ней. Что скрывалось за этой улыбкой? Какое-то «белое» коварство? А эти дети знали его маски лучше, чем она. Почему все эти дети вдруг так заулыбались? Наверное, ей нужно было говорить о маниоке или разных способах использования куриных перьев.

Мне так нравилась ее неловкость, что я чуть не пропустила, когда мистер Уоттс приподнял бровь, что было знаком встать и поблагодарить миссис Харипу за ее вклад.

Класс вежливо захлопал, и миссис Харипа со счастливым видом кивнула нам. И мы были счастливы за нее. Мы хотели, чтобы наши сестры, матери и бабушки рассказывали нам свои истории. Мы не хотели, чтобы они боялись приходить в школу. Но мы также видели, как стыд и страх выглядеть глупо всегда ходили рядом, и именно это заставляло некоторых сторониться школы, они бежали куда подальше, чтобы даже

маленькое сомнение не заставило их передумать. Они мучились сомнением и были неспособны подойти ближе из-за страха, что их история про гекконов будет недостаточно хорошей, чтобы поделиться ею. А потом нам было достаточно вовремя посмотреть в окно, чтобы увидеть спину кого-то, бегущего через поляну в сторону деревьев.

Тетя Мейбл появилась в классе с плетеной циновкой. Она пришла рассказать о «дорогах и удаче».

— Переплетения могут вам кое-что рассказать, — сказала она. — Моя бабушка сплела мне эту циновку, чтобы я не потерялась во сне. Все, что мне нужно было делать, это переворачиваться, пока не почувствую шов. Этот шов был потоком, который доставил бы меня домой.

— Она также рассказала мне историю о молодой женщине, которая носила знания о приливах и морских течениях в своем теле. Потом она сочинила песню о разных дорогах, которые выбирает человек. У моей племянницы есть такая же циновка, как у меня в руках. Ей нужно было пропеть всю дорогу из аэропорта до дома другой тети в Брисбене. Потом мне рассказали, что она

забыла песню и оставила циновку в туалете. Но все равно ее тетя и кузины приехали в аэропорт.

Моя мама даже вернулась, чтобы рассказать о том, чего я раньше никогда от нее не слышала. Мистер Уоттс стоял позади нее. Мне показалось, что он нервничал. Он ерзал, его взгляд не мог задержаться на чем-то одном.

— Женщинам никогда не позволялось уходить в море, никогда! — гаркнула она. — Почему? Я скажу вам, почему, хотя это также очевидно, как ствол самого толстого дерева. Женщины слишком ценны. Вот почему. Потому в море ходят мужики. Если пойдет женщина, только подумайте, что мир потеряет — не будет детей, не будет еды на столе, а шум метлы исчезнет навсегда. Плюс, остров умрет от голода.

— Но иногда, как говорила моя тетя, Джозефина, если вы видели молодую женщину на рифе, которая следила за полетом морской птицы, это было верным знаком того, что она потеряла девственность и одержима мыслью попасть в ближайший город белых. Так что, если вы, девочки, смотрите на морских птиц, лучше бегите с пляжа или, черт подери, берегитесь!

Глава девятая

Возвращаться к «Большим надеждам» было всегда облегчением. В них был целостный и логичный мир, не похожий на наш. Если для нас это было облегчением, то чем же это было для мистера Уоттса? Я и теперь уверена, что ему было гораздо комфортнее в мире мистера Диккенса, чем в нашем чернолицем мире суеверий и мистических летающих рыб. В «Больших надеждах» он снова оказывался среди белых людей.

Иногда, когда он читал, мы замечали, как он тихонько улыбается, заставляя нас гадать, почему, но в тот же момент мы снова понимали, что есть в мистере Уоттсе стороны, о которых мы не можем знать из-за того, что понятия не имеем, откуда он родом, и от чего отказался, чтобы жить с Грейс на нашем острове.

Когда бы я ни проходила мимо стола мистера Уоттса, я старалась не слишком явно пялиться на книгу, что лежала там. Мне до смерти хотелось взять ее и поглядеть на слова, и найти имя Пипа на странице. Но я не хотела выдавать своего

желания. Я не хотела выдавать ту часть себя, которую считала слишком личной, и, возможно, даже постыдной. Я все еще помнила урок миссис Харипы о личи.

Мы видели мистера Уоттса и вне школы. Мы видели, как он бродит среди деревьев с корзиной для фруктов. Некоторые из родителей приносили ему и миссис Уоттс еду в знак благодарности, за то что он каждый день наполнял наши пустые головы. Папа Гилберта всегда оставлял для мистера Уоттса рыбу.

Он берег свой белый полотняный костюм для школы, и именно таким мы видели его большую часть времени — «джентльменом». Когда вы видели его на пляже в старых мешковатых шортах, с пластиковым ведром, вы невольно спрашивали себя, что же случилось с мистером Уоттсом, учителем. Вы видели, каким жутко худым он стал или всегда был, что было сродни открытию, но я не могла разобраться, открытию чего. Он выглядел тощим, как белая лоза. Он так сутулился, что вы представляли себе, каких усилий ему стоит стоять ровно в классе. На пляже он все же был как все мы. Наклонив голову, он высматривал, что вынесло море. На нем была старая белая рубашка,

которая, как ни странно, была не застегнутой, но когда он подошел ближе, я заметила, что на ней не осталось ни одной пуговицы.

Я собрала корзину ракушек каури и добавила их к сердечным семечкам, чтобы сделать надпись «ПИП» еще более заметной, когда мистер Уоттс оторвался от своего занятия. Он увидел меня и, отойдя от края моря, поднялся по песку.

— Храм, — сказал он одобрительно. — Мистер Пип в Океании. — Он задумался. — Хотя, кто знает? Он вполне мог отправиться сюда. «Большие надежды» рассказывают не обо всей жизни Пипа. Книга заканчивается на… — он остановился, когда увидел, как я закрываю уши руками.

Я не хотела, чтобы он рассказывал. Я хотела услышать об этом из книги. Я хотела двигаться в ритме книги, не хотела забегать вперед.

— Ты права, Матильда. Всему свое время…

Он, было, собрался что-то добавить, но вдруг нахмурился. Кажется, я услышала, как он выругался. Если и так, то приглушенно. В конце концов, я не была уверена, что услышала верно, и что мои щеки горели не зря. Балансируя на одной ноге, мистер Уоттс поднес правую ногу к паху и

стал ее рассматривать. Проблема была в почти оторвавшемся ногте большого пальца. Он вернул его на место.

— Полагаю, он совсем скоро оторвется, — сказал он, пока мы глазели на кусочек розовой плоти под ногтем. — Есть вещи, которые мы никогда не готовы терять, вещи, которые, как нам кажется, всегда будут частью нас, даже если это всего лишь ноготь.

— Ноготь на большом пальце, — сказала я.

— Верно, — ответил он. — Не какой-нибудь.

— А что будет, когда он отпадет?

— Думаю, вырастет новый.

— Значит, ничего страшного, — сказала я. — Ничего не потеряно.

— Кроме именно этого ногтя, — сказал он. — То же самое можно сказать о доме или стране. Нет двух одинаковых вещей. Теряя, приобретаешь, и наоборот. — Он уставился вдаль, будто все, с чем он расстался, уплыло в море, за горизонт. Телевидение. Кинотеатры. Автомобили. Друзья. Семья. Консервированная еда. Магазины.

У меня появилась возможность спросить, скучал ли он по белому миру, спросить, что он получил взамен того, что отказался от шанса покинуть остров, когда была возможность. Жалел ли он?

Но, конечно, мне не хватило духу. Это был первый раз, когда я разговаривала с мистером Уоттсом наедине, и я очень хорошо осознавала его статус взрослого человека и белого. Кроме того, нашей любимой темой был мистер Диккенс, а не мы сами, поэтому мне было приятнее перейти от разговора о его ногте (и связанных с ним удивительных ассоциаций) к «Большим надеждам». У меня были кое-какие вопросы к мистеру Уоттсу.

Меня беспокоило то, что я почувствовала некоторые перемены в личности Пипа теперь, когда он жил в Лондоне. Мне не нравились его лондонские друзья. Мне был не по душе его сосед Герберт Покет, и я не могла понять, почему он нравился Пипу, и я волновалась, что Пип отдаляется от меня. И я никак не могла взять в толк, зачем он сменил имя на Хэндел.

Мистер Уоттс плюхнулся на песок рядом со мной. Он откинулся, опершись на руки, и прищу-

рился, глядя на сверкающее море.

— Давай посмотрим, смогу ли я объяснить, Матильда. Это всего лишь мое мнение, и оно не является единственным объяснением, но это мой ответ на твой вопрос. Пип — сирота. Он словно эмигрант. Он в процессе перехода из одного слоя общества в другой. Смена имени сродни смене одежды. Это поможет ему в пути.

Я застряла на слове «эмигрант». Спросить мистера Уоттса его значение было рискованно. Мистер Уоттс говорил со мной, как с равной. И это льстило и пугало одновременно. Я не хотела разочаровывать мистера Уоттса. Не хотела говорить ничего, что могло бы пошатнуть его веру в меня. Поэтому я перешла к другому вопросу, который очень волновал меня — отношения Пипа к Джо Гарджери.

Сначала Пип смутился, когда Джо появился в Лондоне без предупреждения. Пип вел себя высокомерно по отношению к своему верному старому другу-кузнецу. Позже, по пути из Лондона домой, он меняет маршрут, чтобы избавиться от Джо. Он вернулся только для того, чтобы навестить Эстелу. Ему нет дела до Джо.

С одобрения мистера Уоттса я говорила свободно, и мне было приятно думать, что я сделала важное наблюдение, хотя, похоже, я его утомила.

— Трудно быть идеальным, Матильда, — сказал он. — Пип — всего лишь человек. У него появилась возможность стать тем, кем он хочет. Он волен выбирать, даже если это плохой выбор.

— Как Эстела, — сказала я.

— Тебе не нравится Эстела?

— Она подлая.

— Это правда, — ответил он. — Но в свое время мы узнаем, почему.

Мне снова показалось, что он собрался рассказать, почему, но спохватился и отвернулся, не выдав того, что знает. Не было нужды спешить. У нас впереди была целая вечность. Если мы хоть немного в этом сомневались, достаточно было посмотреть на море.

Мистер Уоттс сидел, плотно погрузившись в песок. И сейчас я наблюдала, как он поднимается. Когда он поднялся во весь свой рост, он с раздражением понял, что забыл ведро. Мистер Уоттс глядел на него пару секунд. Я могла бы подать ему ведро, но мое внимание привлекло его раздражение. Насколько трудно ему было

дотянуться до ведра?

Он положил свободную руку на бедро и наклонился за ведром, а его лицо побагровело от усилия. На какое-то мгновение от превратился в Пучеглазого. Но потом, когда он выпрямился, то снова превратился в учителя, которого я знала. Он он погладил видимо болевшую поясницу и повернулся в сторону пляжа.

— Ладно, — произнес он, — Кажется, я слышу, как миссис Уоттс зовет меня.

Я смотрела, как он уходил с ведром в руке. Он был гораздо старше, чем я представляла. Его полотняный костюм и школьные манеры скрывали его хрупкость. Он остановился и посмотрел через плечо, словно пытался принять решение насчет меня. Он позвал:

— Матильда, ты умеешь хранить секреты?

— Да, — быстро ответила я.

— Ты спрашивала, почему Пип сменил имя на Хэндел.

— Да, — сказала я.

Мистер Уоттс вернулся на прежнее место и сел на песок. Он сощурил глаза и посмотрел на пляж, потом в другую сторону. Он взглянул на меня, и мне показалось, что он был раздосадован тем, что

ему приходится говорить дальше. Но он сказал уже слишком много.

— Ты должна понять. Это должно остаться секретом, Матильда.

— Обещаю, — сказала я.

— Мою жену зовут не Грейс, — сказал он. — Здесь все знают ее, как Грейс, конечно. Но она сменила имя. Ее зовут Шеба. Это произошло много лет назад, до твоего рождения. Из-за некоторых событий, скажем так, и в период ее жизни, когда ей нужно было что-то изменить, она взяла себе имя Шеба. Из-за трудностей, с которыми ей пришлось столкнуться, я думал, или, вернее, надеялся, что она привыкнет к своему имени. Это случается с другими созданиями. Как только ты узнаешь имя маленького смешного земноводного в панцире, оно уже не может быть названо иначе, как черепахой. Кошка — это кошка. Невозможно думать о собаке иначе, как о собаке. Я надеялся, что Шеба со временем привыкнет к своему имени.

Он пристально посмотрел на меня. Я поняла, что он проверял, в безопасности ли его секрет. Ему не стоило волноваться. Я размышляла об имени «Шеба». Если собака — это собака и может

быть только собакой, а черепаха — черепахой, что тогда означала «Шеба»?

— Вот и все, Матильда. Теперь ты знаешь то, чего не знает никто на острове.

Он помедлил, словно ожидал чего-то в ответ. Но у меня не было секрета, чтобы поделиться с ним.

— Ну, до встречи, — сказал он. Потом подмигнул мне и побрел прочь.

Глава десятая

Ближайшая к нам деревня была за восемь километров вверх по побережью. Но до нас долетали новости со всего острова. Они шли к нам по тропинкам джунглей и горным ущельям. И новости не были хорошими. Никогда. Мы слышали ужасные вещи. Вещи, в которые не хотели верить.

Ходили разговоры о репрессиях краснокожих против тех деревень, что сотрудничали с повстанцами. Маленькие дети бегали по округе с рассказами о том, как людей выбрасывали из вертолетов на верхушки деревьев. Дети думали, что это весело, и что когда-нибудь они хотели бы сами попробовать. Эти дети были свидетельством того, насколько наши родители стали небрежными в разговорах. Но они все еще не выдавали самого худшего. То, чего мы не слышали, мы читали на их беспокойных лицах. И вот так мы вспомнили, как выглядел пес Черныш с развороченным брюхом.

Молитвенная группа моей мамы привлекала все больше и больше людей. Бог поможет нам.

Нужно просто больше молиться. Молитва — как щекотка. Рано или поздно Бог посмотрит вниз, чтобы узнать, что щекочет ему зад.

Ночью мама поддерживала беспокойную тишину. Она мысленно отгоняла все плохие новости, чтобы освободить место Богу. Касаясь этой темы, мама спросила, слышали ли мы, дети, хоть слово о Господе Боге от Пучеглазого.

— Мистер Уоттс не читает Библию, — ответила я.

Она застыла на месте, словно это было настоящей угрозой нашей безопасности. Затем она вернулась к другим занятиям, попутно проверяя меня на знание имен наших родственников, рыб и птиц с нашего семейного дерева.

Я с треском провалилась. Я не знала, зачем мне их помнить, хотя знала имя каждого персонажа «Больших надежд», потому что слышала их голос. Они делились со мной своими мыслями, а иногда, когда мистер Уоттс читал нам вслух, я даже видела их лица. Пип, миссис Хэвишем и Джо Гарджери были частью моей жизни больше, чем мои мертвые родственники или даже окружающие меня люди.

Но мама была рассержена моими постоянными ошибками. Она сказала, что мне нужно прочистить уши. Она сказала, что ей жаль мое сердце. Мое сердце, сказала мама, не очень разборчиво в выборе компании. Она не собиралась оставлять меня в покое. Она была настойчивой. Проверки продолжались, но безуспешно. Потом она изменила стратегию. Я подозревала, что она видела имя «ПИП» на пляже, потому, что однажды ночью, после очередной моей неудачи, она велела мне написать имена с нашего семейного дерева на песке.

На следующий день я сделала, как она сказала. И мама пришла проверить мои старания. Она страшно разозлилась, когда увидела имя Пипа рядом с именами родственников. Она ухватила меня за волосы.

Что я себе позволяю? Почему мне нужно вести себя глупее, чем я выгляжу? Зачем было вставлять имя выдуманного человека рядом с именами ее предков?

Я знала, почему. Я точно знала, почему я это сделала. Но хватило бы мне храбрости отстаивать то, во что я верила? Я знала по опыту, что могла ответить на четыре пятых вопроса правильно, и

мама уцепилась бы за ту мелочь, что была неверной. В конце концов, мой рот все решил за меня. Слова вырвались, и я стояла ошарашенная тем, каким образом я бросила вопрос ей в лицо.

Я спросила, в чем ценность того, чтобы знать парочку разрозненных и ненадежных фактов о мертвых родственниках, когда можно знать все, что только было можно, о выдуманном человеке, таком, как Пип?

Ее взгляд горел настоящей ненавистью. Сначала она ничего не сказала. Может, она боялась, что если откроет свой рот слишком быстро, ничего кроме гнева из него не вылетит. Я ждала пощечину. Вместо этого она раскидала ногой песок вокруг «ПИПа», а потом пнула воздух над его именем.

— Он не родственник, черт подери! — орала она.

Нет, Пип не был родственником, пояснила я, но я чувствовала, что он мне ближе всех тех незнакомцев, имена которых она заставила меня написать на песке. Это не то, что она хотела слышать. Она знала, кого винить. Ее взгляд устремился поверх пляжа, в сторону старого дома священника.

На следующий день Мейбл подняла руку, чтобы спросить мистера Уоттса, верит ли он в Бога. Он посмотрел на потолок; его глаза что-то искали.

— Это один из тех трудных вопросов, о которых я вас предупреждал, — произнес он. Он вертел в руках книгу. Он пытался найти наше место в «Больших надеждах», но его мысли были где-то далеко.

Настала очередь Гилберта задать вопрос.

— А в дьявола?

Мы видели, как на губах мистера Уоттса расплывается улыбка, и мне стало неудобно за нас, детей, и мистера Уоттса — я поняла, что он только что догадался об источнике этих вопросов.

— Нет, — сказал он. — Я не верю в дьявола.

Это не то, о чем я рассказала бы маме. Я не была настолько глупой. Видимо, кто-то из детей проболтался, что привело к тому, что языческие верования мистера Уоттса обсуждались на вечерней молитвенной встрече.

На следующий день, когда мистер Уоттс собрался читать главу из «Больших надежд», в класс ворвалась моя мама. На голове ее была та же повязка, что и в прошлый раз. Теперь я понимала, почему. Это давало ей какую-то пугающую

власть.

Ее тяжелые веки поднялись, и она враждебно взглянула на мистера Уоттса. Затем, вздрогнув, она заметила книгу в его руках. Я подумала, что она попытается отобрать у него книгу и вонзить в нее кол. Вместо этого она глубоко вздохнула и объявила мистеру Уоттсу, что у нее есть некоторые данные (она всегда говорила «данные»), которыми она хочет поделиться с классом.

Мистер Уоттс вежливо закрыл «Большие надежды». Как всегда, он действовал согласно своему внутреннему чувству учтивости. Он жестом пригласил маму занять центральное место перед классом, и она начала свою речь.

— Некоторые белые парни не верят ни в Бога, ни в дьявола, — сказала она, — потому что они считают, что им это не нужно. Хотите — верьте, хотите — нет, но есть белые, которые, только взглянув в окно, не оставляют дома плащ, отправляясь отдыхать. Белый позаботится о том, чтобы в его лодке был спасательный жилет и достаточно горючего в баке для долгого путешествия по морю, но он не примет тех же мер предосторожности, чтобы запастись верой для сутолоки повседневной жизни.

Она покачивалась из стороны в сторону. Она была такой дерзкой, какой я ее еще не видела.

— Мистер Уоттс считает, что он готов ко всему. Но если это правда, то человек, застреленный краснокожими, должно быть думал, как так получилось, что он не заметил вертолет, пока не стало слишком поздно. Вот так. Но что касается остальных нас, людей — и я имею в виду мой прекрасный цветок, Матильду — наполните ваше существо учениями Благой Книги. Только так вы сможете спасти мистера Уоттса, потому что я не собираюсь этого делать.

Мы все как один посмотрели на мистера Уоттса, чтобы понять, возразит ли он. Мы были рады видеть, что он улыбался за маминой спиной. И когда она увидела, что мы тоже улыбаемся, то разозлилась еще больше. Мне уже было стыдно за ее слова, но я также знала, что ее злость не имела прямого отношения к религиозным верованиям мистера Уоттса или их отсутствию. Что заставляло ее кровь кипеть, так это белый мальчик Пип и его место в моей жизни. Она винила в этом лично мистера Уоттса.

Если моя мама намеревалась оскорбить мистера Уоттса и разоблачить его, судя по улыбке

мистера Уоттса, ей это не удалось.

— И снова, Долорес, вы дали нам пищу для размышления, — сказал он.

Мама бросила на него подозрительный взгляд. Я знала, что ей было незнакомо это выражение — «пища для размышления». Она, похоже, раздумывала, хотел ли белый оскорбить ее без ее ведома. И если так, насколько глупо она будет выглядеть перед нами, детьми?

— Я не закончила, — сказала она.

Мистер Уоттс вежливым жестом попросил ее продолжать, и я еще глубже спряталась под парту.

— Я хочу поговорить о косах, — объявила она, и к моему ужасу, ее замечания были адресованы мне.

— Матильда, еще молодой женщиной твоя бабушка носила волосы, заплетенные в косы, и косы эти были толстыми, как канаты. Косы были настолько плотными, что мы, дети, качались на них.

Кто-то из класса засмеялся, и это отвлекло мамино внимание от меня.

— Это правда. Если начинался прилив, мы держались за косу, чтобы забраться на коралл.

Косы моей матери были такие длинные, что мы, дети, могли сидеть на инвалидном кресле дяди и держаться за них, пока ее огромная задница возвышалась над сиденьем велосипеда. Мы потешались над этой большой задницей. Мы выли, как собаки, обпившиеся сока джунглей.

На этот раз мистер Уоттс смеялся вместе с нами.

— Так вот, — сказала она, — эти косы нужны для того, чтобы отгонять мух и отпугивать мальчиков, которые хотят сунуть свои руки куда не следует. Девочка, которая носит косы, знает, как отличить хорошее от дурного, и она не воображала.

Бедная мама. Она потеряла нас так же быстро, как и завоевала. И она не знала, почему. Казалось, она не слышит саму себя. К моменту, когда она провозгласила свой решающий аргумент, мы сидели со сложенными на груди руками и с выражением вежливого интереса на лицах.

— Так вот, когда вы соединяете две пряди волос вместе и заплетаете их в косы, вы начитаете понимать идею партнерства… и вы понимаете, откуда Бог и дьявол знают друг друга.

Мама так жаждала донести нам, детям, все, что

она знала, но она не представляла, как вложить это в наши головы. Она считала, что сможет запугиваниями заставить нас узнать то, что делала она. Заметила ли она, что как только она заговаривала о Боге или дьяволе, лица детей сникали? Мы предпочитали слушать про собак, опьяневших от сока джунглей.

Когда она ушла, мистер Уоттс знал, что делать. Он взял в руки «Большие надежды», и как только он начал читать, мы оторвали лица от крышек парт.

***

Рождество. Шел дождь, а потом выглянуло солнце, изливая свой жар на свежие лужи. Мы слушали кваканье лягушек. Я видела, как младший брат Селии, Вирджил, прошел мимо с лягушкой на палке. Раньше я попросила бы его принести и мне лягушку. Но теперь меня больше не интересовали такие вещи.

В этот день не было занятий, поэтому не было новостей о Пипе. И не было празднований. В этот день, именно в этот день, родители решили, что готовить будет слишком рискованно. Дым выдаст нас. Будто в другие дни не выдавал. И

вообще, какая разница? Краснокожие знали, где мы. И знали партизаны. Это было новым именем босоногих повстанцев, что носили банданы. К этому времени почти все молодые мужчины деревни примкнули к повстанцам, так что их мы не боялись. Но по нервным и напряженным лицам родителей мы понимали, что ситуация меняется, и для нас она может измениться в любую минуту.

Мы уже не жили с той легкостью, что раньше. Наши головы оборачивались на любой внезапный звук. Когда бы я ни слышала шум вертолета, я знала, каково это, когда твое сердце останавливается вместе с дыханием.

В деревне были старики, которые знали магию. Некоторые просили их сварить зелье, которое сделает их невидимыми на случай, если придут краснокожие. Другие, как моя мама и матери других детей из класса мистера Уоттса, молились.

На дереве, под которым молились женщины, висели вверх тормашками сотни летучих мышей. Они выглядели так, словно держали между крыльями малюсенькие молитвенники. И вот во время одного такого молитвенного собрания, когда стемнело, старший брат Виктории, Сэм,

шатаясь, вышел из джунглей. На нем была бандана повстанцев. Он нес в руке старую винтовку. Он был босиком, а его одежда была изорвана. Он волочил за собой раненную ногу.

Когда женщины взглянули на него, Сэм понял, что он дома, и позволил себе свалиться на землю. Одного из нас послали за мистером Уоттсом. Я задумалась, понимал ли он, в чем дело, потому что он пришел, жуя банан.

Как только он увидел Сэма, то отдал остатки банана мне, и присел возле Сэма. Он дал ему выпить из маленькой фляги (позже я узнала, что это был алкоголь), потом откинул его голову назад, всунул кусок дерева ему в рот и кивнул отцу Гилберта, что можно начинать резать. Отец Гилберта использовал рыбный нож, чтобы вытащить три пули краснокожих из ноги Сэма. Он выложил пули на траву, а мы сгрудились вокруг них и глазели так, как мы глазели на пойманную рыбу, лежащую на песке. Пули выглядели уродливыми, они были красноватого цвета.

Нам не нравилось, что брат Виктории был здесь. Мы боялись, что краснокожие найдут его, и это превратит нас в повстанческую деревню. Мы знали, что стало с такими деревнями. Они были

сожжены дотла, а еще с ними сделали такое, о чем не говорили в присутствии юных ушей. Это было в последний раз, когда я видела Сэма, прежде чем его уволокли в кустарник. Его мать сидела с ним день и ночь, она давала ему специальные коренья и воду.

Через две недели после того, как папа Гилберта вытащил пули, он вывез Сэма в море на своей лодке. Это было ночью, и в черной тишине мы слышали шлепки весел о воду. У лодки отца Гилберта был мотор, но он не хотел использовать последнее топливо, он его берег. Его не было два дня. Мы уже спали, когда на третью ночь он затащил на берег свою лодку. На следующий день, когда я увидела его, он уже не выглядел прежним.

Мы больше никогда не видели Сэма.

Глава одиннадцатая

Дорога от дома Пипа на болотах до столичного Лондона занимала около пяти часов. Мы и без объяснений мистера Уоттса понимали, что пять часов означало неблизкий путь. В тысяча восемьсот пятьдесят каком-то году так и должно было быть. Но пять часов — это все равно меньше, чем полтора столетия, а один человек целиком — гораздо больше, чем полмира где-то далеко. Мы услышали, что Пипа напугала «необъятность» Лондона. «Необъятность»?

Мы уставились на мистера Уоттса в ожидании объяснений. «Невероятные количества, толпы, чувство замешательства и ошеломляющий масштаб...» Он говорил о восторге собственного первого посещения Лондона. Улыбка сползла с его лица. Думаю, потому что он вспомнил того юношу, каким был когда-то. Он сказал, что все казалось ему смутно знакомым, с тех пор как он следовал по Лондону за мистером Диккенсом.

Он рассказывал, что был беден, о том, как отдал старой нищенке последние гроши, и после

бродил по парку, греясь мыслью о совершенном добром деле. Похолодало. Пошел сильный дождь, и он поспешил к парковым воротам. Ожидая возможности перейти через загруженную улицу, он посмотрел в освещенное окно кафе, желая, чтобы у него были деньги, чтобы купить хоть что-то, и внезапно увидел старую нищенку, намазывающую лепешку маслом. И когда она подняла глаза, сказал мистер Уоттс, она посмотрела сквозь него без капли узнавания.

Мы начали смеяться над нашим глупым учителем. Мистер Уоттс кивнул. Он понимал.

Ему нравилось, что мы над ним смеемся, но в тот момент, когда он опустил взгляд на открытую страницу «Больших надежд», мы умолкли. Несколько мгновений он не читал. Нам показалось, что он как будто вернулся в Лондон, в свою юность, и снова смотрит в освещенное окно. Это был один из тех моментов, которые напоминали нам о положении мистера Уоттса в качестве последнего белого на нашем острове. Вот он стоит перед нами, еще тот тип, вспоминая о местах, в которых никто из нас не был, не видел, и даже не мог представить без помощи мистера Диккенса.

Когда мы услышали о метрополии и Лондоне,

то так и не смогли себе этого вообразить. Даже попытки мистера Уоттса найти какие-то примеры на месте потерпели неудачу. Он отправился с нами на пляж. Выкопал канал в песке, чтобы волна затекла туда. Это была Темза. Он нашел несколько серых камней и сложил их в одном месте. Он назвал их зданиями. Мы услышали еще о фейерверках, кучере и конской гриве, но больше не спрашивали, что это значит. Мы учились выделять то, что действительно важно.

Мы как раз впервые знакомились с мистером Уэммиком, противным компаньоном мистера Джеггерса, когда в класс вошла мама вместе с женщиной из ее молельной группы. Ее звали миссис Сьеп. Три ее сына присоединились к повстанцам. Считалось, что муж последовал их примеру. Иначе он должен был где-то лежать мертвый. Миссис Сьеп не говорила.

Мистер Уоттс освободил свое место, и мама мягко подтолкнула миссис Сьеп вперед и представила ее. Миссис Сьеп проверила, что она стоит там, где нужно. Мама показала ей, что нужно чуть подвинуться. Мы увидели, как миссис Сьеп сделала маленький шаг назад.

— Я должна сказать вам две вещи, дети, — объ-

явила миссис Сьеп. — Во-первых, о приманке для рыбы. Вы должны сначала поймать рыбу-прилипалу, если хотите поймать кого-то побольше. Затем вы должны привязать прилипалу за хвост, и она сама порыбачит за вас. Это правда, я сама это видела. У прилипалы есть круглая присоска на голове, которой она цепляется к акуле, черепахе или большой рыбе. Если вы поймали рыбу-солнце, перережьте веревку. Она ядовитая.

Миссис Сьеп поклонилась, и так как она отступила назад, мы начали хлопать. Это было ново для нас, и мы это сделали без подсказки от мистера Уоттса, сказавшего что-то о хороших манерах, которые мы развиваем под его руководством, и о достоинстве миссис Сьеп. В ее речи чувствовалось некое внутреннее спокойствие, которое никак не удавалось найти моей маме.

Миссис Сьеп улыбнулась, и так как она посмотрела на нас, мы прекратили хлопать. Она снова выступила вперед.

— Я начну с вопроса. Что вы будете делать, если окажетесь в море совсем одни? Это вторая вещь, которую я хочу рассказать, — сказала она. Если вам одиноко, поищите спинорога. Бог смешал души собак и спинорогов, потому что, как и собаки,

спинороги заваливаются на бок и смотрят на вас с почтением.

Миссис Сьеп поклонилась, и мы во второй раз начали хлопать. Моя мама присоединилась к нам. Я услышала, как она шепчет что-то миссис Сьеп, которая подошла к ней.

Атмосфера в мгновение поменялась. Мы собрались с духом.

— Я знаю, — сказала она, — мистер Уоттс рассказывает вам всякие басни, и одну особенную историю, но вот что я хочу вам сказать. Истории не могут быть сами по себе. Они не могут валяться на земле подобно ленивым псам. Они должны вас чему-то учить. Например, если вы знаете слова, то можете спеть песню, которая заставит рыбу попасться на крючок. Есть песни, которые могут исцелить вас от сыпи или ночных кошмаров. Но я хочу рассказать вам, дети, о дьяволе, которого встретила, когда мне было столько лет, сколько вам сейчас. Это было тогда, когда здесь еще была церковь, а миссия не переехала. Тогда у нас была пристань, а деревня была куда больше, чем сейчас.

Во-первых, дьявол, которого я тогда встретила, вернулся снова. Я расскажу вам об этом, дети,

только если меня подстрелят краснокожие, потому что вы должны будете знать, чего опасаться, и, возможно, в этой области мистер Уоттс не так уж хорошо разбирается.

Мама быстро улыбнулась ему, как будто это была лишь шутка. Лишь одна только я понимала, что она не шутила. Она продолжила.

— Была женщина, жившая сама по себе, и вот однажды она увидела, как мы, дети, болтаемся неподалеку. Она подошла и начала орать.

— Эй! Если вы, паршивцы, стянете церковные деньги, я вырву вам ресницы. Люди увидят, что вы похожи на ощипанных цыплят и поймут, что вы, мерзкие дети, украли церковные деньги. Она напугала нас. Мы слышали, что она умеет колдовать. Однажды она превратила белого в мармелад и намазала на хлеб.

Весь класс посмотрел на мистера Уоттса. Это было нечто, что он должен был хотеть опровергнуть. Женщина, превратившая белого мужчину в мармелад и намазавшая его на тост. Мистер Уоттс только что услышал смехотворную похвальбу, но никак не отреагировал. Как обычно во время маминых выступлений он стоял, полуприкрыв глаза, с внимательным выражением на лице.

— Так что, когда она спросила, украли ли мы деньги из церкви, мы сказали, что нет, но это был неправильный ответ. Мы поняли это, так как она явно разозлилась. Она размышляла над тем, что ей сказать дальше или просто ей надоело — мы не поняли и решили, что можем уйти. Тогда она сказала:

— А что если, я попрошу вас, дети, украсть церковные деньги?

Мы все — и девочки, и мальчики — не смели взглянуть друг на друга. Мы бы скорее умерли, чем украли деньги из церкви. Если бы мы это сделали, то умерли бы все равно, хотели мы этого или нет. Так что мы не собирались их красть. Ни за что.

Дьявольская женщина угадала наши мысли, потому что сказала:

— Послушайте меня. Если, дети, я скажу вам украсть деньги, вы так и сделаете. И знаете, почему?

Никто из нас не знал, и мы не знали, что ответить. — Думаю, нет, — сказала она, — вы чертовы бесполезные дети. Вот, смотрите сюда.

Мама замолчала, и мы все посмотрели на нее. Даже мистер Уоттс не остался в стороне.

— Я попробую описать, что случилось дальше, — сказала она.

— Возник шар. сотканный из темноты, почти непрозрачный, который, пронесся с того места, где мы стояли. Мы закрыли руками глаза, а когда осмелились взглянуть, то увидели черную птицу. Никто из нас раньше не видел такую птицу. У нее была злобная голова, тело голубя и острые когти, в которых она держала двух маленьких птичек, по одной в каждой лапе. Она широко раскрыла клюв и смотрела на нас одним глазом, и мы поняли, что это дьявол. И пока этот взгляд не давал нам сойти с места, она засунула одну птицу в клюв, лениво хрустнула нею и проглотила. Вторую птицу ждало то же самое. Затем мерзкая птица превратилась обратно в черноту, которая снова разлилась у наших ног. Через мгновение перед нами оказалась эта ужасная женщина, из ее рта торчали перья.

— А теперь, — сказала она, — принесите мне церковные пожертвования в следующее воскресение, а иначе… И никому не говорите. Я узнаю, если вы проболтаетесь, я приду ночью, когда вы будете спать на своих циновках, вырву ваши глаза и скормлю рыбам.

Мы не сказали родителям, потому что не хотели лишиться глаз. Да и кто в мире захотел бы ослепнуть? Но мы, дети, знали, что должны совершить два преступления. Во-первых, мы должны были украсть деньги, а во-вторых. сделать что-то заведомо плохое. Так что мы должны были дважды поступить плохо. И эта темнота могла стать непроглядней той, что наступала, когда ты больше не мог видеть. Так что мы ничего не сделали. Мы позволили пожертвованиям проплыть у нас перед носом и не сделали ничего, потому что к воскресенью мы решили, что лучше уж меньшая тьма. Пусть дьявольская женщина придет, вырвет нам глаза и скормит их рыбам.

Все воскресенье мы прождали, когда она появится. Мы ждали, что она просочится в открытое окно школы на следующий день. Мы решили рассказать священнику, что случилось. Он сказал, что нам удалось обмануть дьявола. Он сказал, что дьявол приходил, чтобы испытать нас, детей. Для этого дьявол и существует. Чтобы испытывать то, во что мы верим. Но если бы мы украли деньги, то эта женщина непременно бы появилась, потому что тогда мы, дети, попали бы прямо в руки к дьяволу. Священник сказал: «Молодцы, дети» и дал нам по конфете.

В конце истории моя мама взглянула на мистера Уоттса, и они смотрели друг другу в глаза, пока не вспомнили о нас. Если бы она этого не сделала, мы, дети, подумали бы, что это была просто история о дьяволе, а у краснокожих не было бы повода возвращаться.

Моя мама никогда напрямую не спрашивала, как, по моему мнению, проходили ее визиты. Она хотела знать, но просто заходила с другой стороны. Ночью она спросила, верю ли я в дьявола. По глупости я ответила, что нет. Она спросила у меня, почему — после всего, что мне рассказали о дьяволе, и я процитировала ей слова мистера Уоттса. Я сказала, что дьявол — лишь символ. Его не существует на самом деле.

— Как и Пипа, — сказала она.

Но у меня был готов ответ.

— Ты не можешь услышать голос дьявола. А голос Пипа можешь.

После этого она замолчала. Я ждала и ждала, пока не услышала ее негромкий храп.

Когда она появилась в классе следующим утром, было очевидно, что она пришла поговорить не с нами. Она пришла поспорить с мистером Уоттсом.

— Моя дочь, моя дорогая Матильда, — начала она, — сказала мне, что не верит в дьявола. Она верит в Пипа.

Она остановилась, чтобы дать время мистеру Уоттсу ответить. Как всегда, он не показал ни тени удивления.

— Хорошо, Долорес, — мягко ответил он, — что, если мы скажем, что на книжных страницах у дьявола и Пипа одинаковое положение?

Теперь настал черед мистера Уотса делать паузу. Он ждал, но я понимала, что она не ответит.

— Давайте посмотрим, — сказал он. — Пип — сирота, получивший возможность творить и себя, и свою судьбу. То что пережил Пип, напоминает нам о судьбе эмигрантов. Все они оставили место, где выросли. Каждый потерпел неудачу. Каждый получил возможность создать себя заново. И они по-прежнему могли делать ошибки.

И тут моя мать увидела, по ее мнению, слабое место в аргументации мистера Уоттса. Она подняла руку, прерывая его, и спросила:

— Но как он поймет, что сделал ошибку?

Глава двенадцатая

Мы закончили «Большие надежды» десятого февраля. Мой расчет не совпал на четыре дня из-за Рождества и тех трех дней, когда мистер Уоттс лежал дома с простудой.

Меня смутило окончание книги. Я не понимала, почему Пипу так нужна была Эстелла. Особенно, когда я поняла, какую роль она сыграла в событиях книги. Мисс Хэвишем подменила ее сердце камнем. И этим камнем Эстелла разбивала сердца мужчин. Так мисс Хэвишем мстила за то, что с ней случилось в день свадьбы. Я поняла эту часть — мы все знали о мести. А Мэгвич, беглый каторжник — в то время как мне нравилось и восхищало его желание отблагодарить Пипа, я не понимала, почему, после того как он поехал в Австралию и разбогател там, чтобы отплатить парню, который в свое время помог ему убежать с болот, он вернулся в Англию. Он возвращается, зная, что его могут схватить и снова бросить в тюрьму, только для того, чтобы посмотреть, как продвигается его план по превращению Пипа в джентльмена; а забота Пипа и его нового друга,

Герберта Покета, помочь Мэгвичу избежать тюрьмы второй раз. Мне это понравилось. Я хорошо представляла картинку.

— От любопытства кошка сдохла, — так объяснил мистер Уоттс. — Если бы все что мы делаем, было логичным, мир был бы другим. Жизнь была бы менее интересной, не правда ли?

Значит, мистер Уоттс тоже не знал. Когда мистер Уоттс читал эти последние главы, кажется, я не очень внимательно слушала. Если я услышала правильно, то все это меня расстраивало. Оказалось, что Мэгвич — отец Эстелы. Почему понадобилось так много времени, чтобы это выяснить? Наш класс высидел пятьдесят девять дней чтения, а в результате перед нами паутина. Кусочки, где истории раскрываются и переплетаются одна с другой. Но что, если я все поняла неверно?

Мне нужно было подождать до правильного момента, чтобы задать все эти вопросы. Мне не хотелось выглядеть глупо. Ни для кого не было секретом, какое магическое впечатление произвела на меня книга, и мистер Уоттс часто выбирал меня из всего класса, чтобы обсудить что-нибудь, связанное с сюжетом. Поэтому, вместо того, что-

бы рушить его веру в меня, я предпочла держать рот на замке.

Несколько дней после чтения последней главы «Больших надежд» класс пребывал в унынии. Нечего было больше ждать. История закончилась. И вместе с ней наше путешествие в тот мир. Теперь мы вернулись в свой. Без каких-либо надежд сбежать снова, наша жизнь потеряла смысл. Мы ждали, что мистер Уоттс придумает что-то новое, чтобы заполнить эту пустоту в наших жизнях.

Его решением, без сомнения, вызванным рядами угрюмых лиц, было начать читать «Большие надежды» заново. Только теперь нам придется читать вслух по очереди. Он считал, что это будет полезно для нашего английского. Может быть. Но чтение во второй раз ничего не могло изменить. История была предопределена. Пип разочарует Джо Гарджери, но Джо есть Джо и, благодаря своему большому сердцу, простит его. Пип будет добиваться Эстелы — дрянной выбор, но он останется ему верен до конца. Чтение истории во второй, третий или четвертый раз, как делали мы, не изменило бы этих событий. Нашим единственным утешением было то, что, читая книгу во второй или третий раз, у нас все еще

была страна, куда мы могли отправиться. И это спасало наш рассудок.

Мы наблюдали, как мистер Уоттс подошел к столу и взял книгу. Мы ждали, когда выберут того, кто начнет читать. Когда мистер Уоттс повернулся к нам, книга была открыта на сцене на кладбище, и Дэниэл поднял руку.

— Да, Дэниэл? — сказал мистер Уоттс.

— Каково это — быть белым?

Дэниэл повернулся и посмотрел в мою сторону. Мистер Уоттс проследил глазами, куда смотрит Дэниэл и, не доходя до моей парты, отвернулся. Он знал, откуда этот вопрос. Я знала, что он знал. Тем не менее, он адресовал ответ Дэниэлу.

— Каково быть белым? Каково быть белым на этом острове? Немного похоже на то, как чувствовал бы себя мамонт, я думаю. Иногда одиноко.

Мамонт? Мы понятия не имели, о чем он говорит. Несмотря на то, что вопрос Дэниэла был ужасно интересным, мы притворились, что нам нет никакого дела. Мы не хотели попасть в эту ловушку и потому держали вопросы при себе. Но у мистера Уоттса был свой вопрос.

— А каково быть черным?

Он задал его Дэниэлу, но смотрел на весь класс.

— Нормально, — сказал Дэниэл за всех нас.

Мне показалось, что мистер Уоттс вот-вот рассмеется. Может, он и хотел, но передумал и уткнулся в «Большие надежды».

— Я понял, — сказал он.

Неделю спустя, когда краснокожие пришли в нашу деревню, мы получили ответ получше.

Они пришли еще до рассвета. Их вертолеты приземлились выше по побережью. Так что мы не получили сигнала, как в прошлый раз. В этот раз нас разбудили голоса и громкий свист.

Мы ждали этого момента. Как бы безумно это ни прозвучало, мы хотели этого.

Бывают дни, когда влажность растет и растет, пока не прорывается ливнем. Дождь проходит, и вы снова дышите свободно. Вот так мы чувствовали напряжение последних нескольких недель. Вот что случается, когда все время ждешь. Пока не захочешь, чтобы краснокожие уже пришли, и с их приходом прекратилось это ожидание.

Мы будто отрепетировали наш выход из домов. Забавно, мы словно знали, что делать без малейших приказаний или просьб. Краснокожие раскрасили лица черным. Мы видели, как двига-

ются их глаза.

Не было криков. В них не было нужды. Каждый знал, что делать. И солдаты, и мы. Мы уже знали друг друга.

Когда главный краснокожий заговорил, мы были рады узнать, что у него был приятный голос; мы ожидали, что он станет орать на нас. Его желание было простым. Он хотел имена всех жителей деревни. Он сказал, что это в целях безопасности, что нам не надо бояться. Он попросил нас сотрудничать с ним. Нам нужно было назвать имена и возраст. Он ни разу не повысил голос. Он просил довольно простую вещь — наши имена не были опасными: они не были взрывчаткой и не содержали скрытых ловушек.

Двое солдат прохаживались вдоль нашего ряда, записывая имена. Один или два раза мы брали у него ручку, чтобы правильно написать имя. Мы улыбались, когда делали это. Мы были рады помочь, в особенности, с правописанием. Запись имен не заняла много времени.

Два листа бумаги были переданы офицеру. Мы смотрели, как он медленно прочитывает список. Он искал определенное имя, вероятно, кого-то

из нашей деревни, кого-то примкнувшего к повстанцам.

Когда офицер, наконец-то, поднял глаза, стало ясно, что мы, дети, его не интересовали. Его интересовали только взрослые лица. Он внимательно всматривался в каждое лицо. Когда же кто-то из наших родителей опускал глаза, он считал это победой. Когда он закончил таращиться на последнего взрослого, он объявил, что у него есть вопрос. Он сказал, что вопрос не сложный, и каждый из нас знает ответ. Он улыбнулся, когда сказал это. Он спросил, почему в деревне нет молодых мужчин. Есть девушки, но почему нет парней?

Он сложил руки на груди и тяжело уставился в землю, будто делился с нами любопытной загадкой. Я чувствовала, что он знает ответ, но не это было целью всего упражнения. Он хотел, чтобы мы сами рассказали ему. Мы также понимали, что рассказать ему то, что он и так знал, стало бы признанием преступления. С нами играли, как чайка играет кусочком краба, переворачивая его клювом. У него была на руках вся информация, но этого было не достаточно. Он хотел большего.

На каких-то несколько минут мы были спасены

от ответа. Солдат прибежал со стороны пляжа. Он заговорил с офицером. Мы стояли слишком далеко, чтобы услышать, что он сказал, но мы видели, какой эффект произвела на офицера новость — у него дернулся уголок рта, а рука хлопнула по бедру. Мы видели, как он пошел с солдатом по направлению к пляжу. Через пару минут он вернулся, широко шагая. Его игривое настроение улетучилось. Он прошелся вдоль нас, пристально всматриваясь в наши лица. Когда он дошел до конца и встал перед нами, он сомкнул руки за спиной и стал раскачиваться на ногах.

— Кто из вас Пип? — спросил он.

Никто не ответил.

— Я просил дать мне все имена, — сказал он. — Вы дали не все. Почему?

Те, кто ходил в класс мистера Уоттса, знали ответ. И мама знала. Но она закрыла глаза и уши. Я думала, что она молится. Поэтому она не видела, как мы переглядываемся. А одного — так просто разрывает от знания ответа.

— Пип принадлежит мистеру Диккенсу, сэр, — пробормотал Дэниэл. Офицер подошел к нему. — Кто такой мистер Диккенс? — язвительно усмехнулся он.

И Дэниэл, который выглядел таким гордым, ответив на вопрос, указал в направлении школы. Мы все знали, что он имел в виду — речь шла не о школе, а о старом доме священника, скрытом из виду густой растительностью. Офицер сказал что-то на пиджине нескольким своим солдатам. Они, как один, посмотрели, куда указывал Дэниэл. Офицер не забыл о нем. Он щелкнул пальцами, чтобы Дэниэл вышел из строя. Дэниэл подбежал трусцой, подражая солдатам. Офицер как-то странно посмотрел на него. Мне показалось, что он ударит Дэниэла за дерзость. Вместо этого он положил ему на плечо руку, и приказал Дэниэлу идти с солдатами и привести мистера Диккенса.

Мы привыкли видеть мистера Уоттса в костюме. Мы привыкли к его глазам, готовым выпрыгнуть из орбит, и к стройному тощему силуэту, на котором висела одежда. Мы уже забыли, какое впечатление производит белый в нашем потном зеленом мире. И мы снова испытали это, когда увидели мистера Уоттса и его жену в окружении солдат.

Офицер стоял спиной к нам, и когда процессия стала приближаться, он сложил руки на груди. Дэниэл шел впереди. Он выглядел таким гордым.

Он шагал, размахивая руками. Теперь я видела мистера Уоттса глазами краснокожих. Я увидела то, к чему мы так привыкли, свежим взглядом. Мистер Уоттс возвышался над солдатами. Он щурился на солнце, хотя в это время дня свет не был сильно ярким. Но, все же, не думаю, что его прищур имел какое-то отношение к солнцу. Я поняла, что мистер Уоттс делал что-то, что моя мама называла оскорбительным. В те минуты мне казалось, что он сдерживает оскорбленные чувства.

Но я могла ошибаться, потому, что когда он пришел на поляну, я поняла, что он щурился, избегая прямого взгляда. Он смотрел куда угодно, только не на нас — людей, которых он знал. Если быть критичным, то можно было бы сказать, что он выглядел, как выглядят важные и самолюбивые белые, частью живой пирамиды которых стал мой дед. Он выглядел, будто готовился сказать речь, будто просто ждал, пока его пригласят выступить.

Произошли еще кое-какие маленькие изменения. Прошло какое-то время с тех пор, как мы в последний раз видели на нем галстук. Его левая рука беспокойно теребила галстук у шеи. Он на-

шел рубашку с пуговицами. На нем были туфли. Он был одет так, словно спешил на самолет.

Похоже, краснокожие солдаты забыли о нас. Они таращились на мистера Уоттса, окружив его своими пристальными взглядами. Мы еще раз убедились, какую же странную рыбу вынесло на наш берег.

Они, наверное, видели белых и раньше. В Морсби полно белых. В Лае и Рабауле тоже. Долгие годы, пока не начались военные действия, белые из Австралии приезжали, чтобы управлять шахтой. Мы часто видели их вертолеты и легкие самолеты. Мы видели их прогулочную яхту в море. И если бы я была постарше в те времена, я бы заметила, как заметила мама, что когда бы наши мужчины ни возвращались из мира белых, они приходили немного изменившимися.

Офицер подошел к мистеру Уоттсу. Он встал на полшага ближе, чем было нужно, и уставился ему в лицо.

— Ты — мистер Диккенс.

Ответ мистера Уоттса представлялся очевидным. Я ожидала, что он спокойно прояснит путаницу с Пипом. Даже Грейс могла что-то ска-

зать. Но так же, как моя мама, она закрыла глаза, она отключилась до такой степени, что, даже присутствуя физически, она была где-то далеко.

Какой бы мистер Уоттс не собирался дать ответ, все изменилось в тот момент, когда он посмотрел на Дэниэла, с довольным видом стоящего в шаге позади офицера. Я думаю, именно тогда мистер Уоттс понял, откуда взялось непонимание, и этот ряд обстоятельств привел к тому, что он ответил:

— Да, это я.

Это была ложь, которую любой из нас, детей, мог опровергнуть, и я осознавала, мы все осознавали, насколько сильно мистер Уоттс полагался на нас в тот момент. Дэниэл был единственным, кто не понимал, что было поставлено на карту. Он либо не понимал, либо попросту не услышал, как мистер Уоттс осторожно превратился в величайшего английского писателя девятнадцатого столетия.

У мамы тоже был шанс раздавить своего врага, но она промолчала. Ее глаза оставались закрытыми. Те из взрослых, кто мог прояснить ситуацию, боялись обратить на себя внимание. Между нами и мистером Уоттсом разверзлась бездна — между

его белизной и нашей чернотой, и никто из нас не хотел оказаться там, где сейчас стоял мистер Уоттс, совсем один.

— Где мистер Пип? — спросил офицер.

Другой белый сейчас рассмеялся бы в голос, но мистер Уоттс отнесся к вопросу уважительно.

— Сэр, позвольте я объясню. Пип — выдумка. Это персонаж из книги.

Офицер пришел в ярость. Допрос выходил из-под контроля. Ему нужно было спрашивать, что за персонаж, из какой книги, тем самым выявляя свое невежество. Я прямо видела эти вопросы на его лице.

— Я понимаю, откуда путаница, — в конце концов, произнес мистер Уоттс. — Если позволите, сэр, я могу показать вам книгу, и вы убедитесь, что Пип — действительно персонаж из «Больших надежд». В первый раз за все это время мистер Уоттс посмотрел в нашу сторону. Он выбрал меня:

— Не поможешь, Матильда? Книга на столе.

Я не двинулась с места, пока офицер не кивнул мне. Я думала, что он пошлет со мной солдата, но он этого не сделал. Один солдат, обнимающий

винтовку, повернулся и смотрел, как я побежала в школу. Все то короткое расстояние, что я бежала, у меня не выходили из головы его налитые кровью глаза и дуло его винтовки. Я знала, что мне нужно сделать. Мне нужно было выполнить задачу так быстро, насколько это вообще было возможно.

Я вбежала в класс и остановилась. «Больших надежд» не было на столе мистера Уоттса. Я прошлась в проходах между партами. Посмотрела на партах. Нагнулась, чтобы глянуть, не упала ли книга на пол. Я посмотрела на потолок. Семейство бледных гекконов замерло неподвижно над тем местом, откуда мои торопливые ноги забежали в класс. Их черные глазки, которые видели меня столько раз, были пустыми и спокойным. Эти ящерицы не помогли бы мне, даже если бы знали, где книга.

Теперь я понимала тот страх, который испытал Пип, когда Мэгвич угрожал вырвать его сердце и печень, если он не вернется утром с едой и пилой. Я чувствовала, будто мрак, который опустился на наши жизни, выбрал меня. Выйдя из школы, я увидела всю деревню, солдат, офицера и мистера Уоттса. Я чуть не оговорилась и не назвала его

мистером Уоттсом.

— Книги там нет, сэр, — сказала я.

Если бы мистеру Уоттсу довелось выказать свой страх, то это был тот самый момент.

— Ты уверена, Матильда?

— Ее нет на столе, сэр.

Мистер Уоттс выглядел слегка удивленным. Он смотрел в сторону деревьев, обдумывая, где же могла быть книга.

Офицер сердито посмотрел на меня.

— Нет книги?

— Книга есть, сэр, но я не могу ее найти.

— Нет, вы мне соврали. Нет никакой книги.

Офицер приказал своим людям обыскать каждый дом. Мистер Уоттс попытался что-то сказать, но краснокожий быстро прервал его. Он ткнул пальцем в грудь мистера Уоттса.

— Нет! Ты останешься здесь. Все вы останетесь здесь.

Он выбрал двух солдат, чтобы те приглядывали за нами, наставив на нас оружие, а сам пошел со своими солдатами искать Пипа.

Мы смотрели, как они заходят в дома. Мы слышали, как они ломают наши вещи. Она начали выбрасывать наши пожитки из домов. Наши

спальные циновки. Нашу одежду. Ту малость, что у нас была. Они сложили все в большую кучу. Когда они закончили, офицер приказал двум солдатам не спускать с нас глаз. Они должны были пригнать нас к куче. На лице офицера появилось новое зловещее выражение. Прежняя ярость улетучилась. Ее место занял холодный и расчетливый взгляд. Так и или иначе, но последнее слово останется за ним. Он заставит нас заплатить за отказ сотрудничать. Как только мы снова собрались в группу (и наша группа включала мистера Уоттса и Грейс), он зажег спичку. Он поднял ее, чтобы мы все видели.

— Я дам вам еще один шанс. Приведите мне этого человека, Пипа, или я сожгу ваши вещи.

Никто из нас не произнес и слова. Мы смотрели на землю. В тот момент я услышала, как мистер Уоттс прокашлялся. Я знала, что это означало, как знали и другие. Когда мы подняли глаза, мистер Уоттс подходил к офицеру.

— Позвольте объяснить, сэр. Человек, которого вы ищете, выдуман. Это придуманный персонаж. Он из романа… — и тут он привычно продолжил бы «… написанный величайшим английским писателем девятнадцатого столетия, имя которого

— Чарльз Диккенс». Но потом он сообразил (и я видела это по его лицу), и как раз вовремя, что Дэниэл уже назвал его мистером Диккенсом. Он назвался этим именем, чтобы защитить Дэниэла. Он сделает только хуже, если признается теперь, что он — не мистер Диккенс.

В первый раз мистер Уоттс выглядел взволнованным. Что он мог сказать, чтобы краснокожий офицер понял? Правда выставит офицера дураком перед его же людьми. Все возможные стороны этой проблемы отражались на лице мистера Уоттса. И теперь краснокожий принял колебания мистера Уоттса за отсутствие убедительности.

— Почему я должен тебе верить? Ты просил меня поверить, что этот человек из книги. Когда я захотел увидеть книгу, книги не оказалось.

Это мистер Уоттс мог объяснить, но когда он открыл рот, чтобы ответить, офицер поднял руку, чтобы он замолчал.

— Нет. Ты будешь говорить, когда я скажу. Мне больше не интересно твое вранье.

Он повернулся к нам.

— Вы скрываете человека по имени Пип. Я даю

вам последний шанс выдать его. Если вы этого не сделаете, я буду подозревать вас в укрывании повстанца. Это ваш последний шанс. А теперь, приведите этого человека.

Мы бы выдали Пипа, если бы могли, но мы не могли выдать то, чего у нас не было — по крайней мере, в том смысле, каком ожидал офицер.

Он зажег вторую спичку и поднял, чтобы мы видели. В этот раз никто не смотрел на землю. Мы смотрели, как пламя подбирается к его пальцам. Дэниэл увидел в куче что-то свое. Он, как ни в чем не бывало, стал подходить к куче. Он хотел достать пластмассовый мяч, словно кто-то совершил глупую ошибку, бросив его туда. Об этом он думал, когда солдат перегородил ему дорогу винтовкой и заставил вернуться в строй. Я посмотрела на маму. Она притворилась, что у нее в руке заноза. Она смотрела на руку и что-то бормотала. Она наклонила голову, поднесла запястье к лицу, и стала изучать рану, видимую только ей одной.

Офицер выкрикнул приказ. Двое солдат вылили керосин на наши спальные циновки и одежду. Офицер зажег другую спичку и бросил ее в кучу. Пламя занялось и побежало по дорожкам горю-

чего. Вначале огонь был слабым. Потом появился дым. Несколько секунд спустя куча была охвачена сильным огнем. Наши пожитки потрескивали и искрились, как свиной жир. Не прошло и пяти минут, как наши вещи превратились в угли. У нас осталось только то, что было на нас.

Офицер не выглядел довольным или мстительным. Он выглядел, как человек, вынужденный исполнять свои обязанности. Его плечи опустились. Он будто ушел в себя, возможно, место еще более мрачное. Все стало намного серьезнее. Каким-то торжественным голосом, который я в последний раз слышала у священника, он объявил:

— Вы — глупцы. Вам не провести меня своим враньем. Даю вам две недели подумать о вашем решении. Когда мы сюда придем снова, я ожидаю, что вы предоставите мне Пипа.

Офицер взглянул на нас еще раз, а потом пошел в сторону пляжа. Его солдаты следовали за ним, как свора собак за хозяином.

Глава тринадцатая

Мы немного постояли возле затухающих углей. Кажется, я слышала, как женщина всхлипывала, давя слезы по чему-то потерянному в огне. Отец Гилберта копался в куче палкой, пока не нашел рыболовную катушку. Он вытащил ее. Она была из пластика и частично расплавилась. В таком состоянии было большинство наших вещей. Очертания остались, но вещи были безнадежно испорчены.

От наших циновок не осталось и следа. В деревне были бездетные, поэтому они не знали о «Больших надеждах». Эти взрослые понятия не имели, кто такой Пип, и из-за чего был весь этот шум. Они предполагали, что его приняли за кого-то другого. Или что человек, разыскиваемый краснокожими живет выше по побережью. Я слышала эти сплетни, и даже некоторые самодовольные утверждения о его местонахождении. Но те, чьи дети ходили в класс мистера Уоттса, знали, кого винить в своих бедах. И к этим людям обратился мистер Уоттс, он говорил таким печальными и полным сожаления голосом, какого

я никогда у него не слышала, кроме того дня, когда он читал пятьдесят шестую главу «Больших надежд», в которой Мэгвич, пойманный снова, больной и старый, лежит в тюрьме и ждет суда. Голос мистера Уоттса не оставлял сомнений в том, кого следует пожалеть.

Теперь ему предстояла невыносимая задача принять на себя ответственность за пожар и потерю жителями их пожитков. Люди все еще ворочали серые дымящиеся угли в тщетной надежде найти что-то маленькое, вроде заколки для волос, когда мистер Уоттс медленно побрел к тлеющим останкам. Это был один из тех моментов, когда объяснения не нужны, когда люди легко впадают в состояние обиженных. Мистер Уоттс не пытался отрицать свою вину. Но его извинение имело неожиданно странное начало, и позже я все размышляла, сделал он это специально, чтобы смягчить гнев, который, как он подозревал, мог обрушиться на него.

— Вчера была десятая годовщина, как мы с Грейс впервые приехали сюда. У нас столько замечательных воспоминаний, столько интересных моментов. Я не знаю, как могло случиться то, что случилось сегодня. Я не знаю, что сказать вам,

потому что никакие слова не смогут заменить то, что вы потеряли. Но, прошу вас, поверьте, Пип — это ошибка, о которой я не подозревал, пока не стало слишком поздно. Мне очень, очень жаль.

Те, к кому он обращался, не могли смотреть ему в глаза. Те, кто смотрел, включая мою маму, заставили белого человека жариться под палящим солнцем, не удостоив его ответом.

Некоторые отправились в свои опустевшие дома. Другие предпочли покопаться в пепелище на случай, если что-то уцелело. Раз или два я видела, как люди улыбались, держа что-то в руке. Третьи, вооружившись мачете, пошли в джунгли нарезать листьев для новых циновок.

Мистер Уоттс ждал ответа, хоть какого-нибудь ответа, но его не было. Только Грейс взяла его за руку и повела к старому дому священника. Я видела, как они уходили, один — белый и тощий, другая — черная с широкими бедрами.

Мне хотелось побежать за ними и сказать что-то, чтобы поддержать мистера Уоттса. Я хотела, но не сделала ничего.

Вместо этого я пошла в наш дом, чтобы проверить, не пропустили ли краснокожие что-нибудь.

Пропустили. В углу торчал карандаш, которым я вела календарь. А на одной из балок — спальная циновка моего отца. Не думаю, что солдаты пропустили ее по какой-то причине, просто не увидели. Мама будет довольна. Это уже хоть что-то, и это последнее, что осталось ей в память об отце. Я хотела расстелить циновку на полу. Было бы здорово сделать маме такой сюрприз.

Когда я вытащила циновку, в ней было что-то тяжелое и небольшое, размером с речной камень. И даже когда я думала о камне, мои мысли перескочили к другому варианту. Я быстро развернула циновку и увидела том «Больших надежд», принадлежащих мистеру Уоттсу.

Трудно объяснить словами то чувство предательства, что я испытала в тот момент.

Я вспомнила маму, стоящую в нашем дрожащем строю с закрытыми глазами. Где были ее уши? Разве она не слышала, что краснокожий офицер требовал книгу, и не один раз, много раз? И где были ее глаза и уши, когда тот же краснокожий стоял с горящей спичкой, когда в последний раз потребовал, чтобы ему выдали Пипа или книгу, из которой, как ему сказали, он появился?

Даже задавая себе все эти вопросы, я знала, какой была ее цель. Ее молчание было направлено на уничтожение Пипа и позиций мистера Уоттса, безбожного белого, который намеревался вдолбить в голову ее дочери, что выдуманный человек имеет такое же положение, что и ее предки. Она смолчала, когда могла спасти вещи жителей деревни.

Но теперь я видела, в чем ее проблема, потому, что теперь это была и моя проблема. Если бы она побежала в дом, чтобы принести книгу, ей пришлось бы объяснять, как она туда попала. По этой же причине я не могла вернуть книгу мистеру Уоттсу. Мне пришлось бы сказать, где я ее нашла. Сделать это означало предать маму. Она попала в трудное положение, и я тоже. Мне ничего не оставалось, как свернуть циновку с потрепанными «Большими надеждами» внутри, и засунуть ее обратно на балку, чтобы мама нашла ее на прежнем месте.

Мы нашли способы утешиться. Мы напоминали себе о том, что у нас осталось. В море все еще была рыба. На деревьях — фрукты. Краснокожие солдаты оставили нам воздух и тень.

Если бы я была на мамином месте, я бы спроси-

ла саму себя, какая польза мне от всего этого, если я потеряла свою дочь? Сразу после ухода краснокожих ее нигде не было видно. Я не слишком искала, но позже я увидела ее на пляже, я была рада просто найти ее.

Мне не хотелось подходить к ней. Я бы этого не вынесла. Часть меня все же хотела, чтобы она знала, что она натворила. Я хотела, чтобы она знала, что я тоже знаю.

В ту же ночь, когда мы пытались устроиться поудобнее на досках, она притворилась, будто не заметила циновки отца, она закуталась в напряженное молчание. Она определенно не хотела говорить о краснокожих. Похоже, наш дом был единственным, где не говорили об этом. Как только она улеглась, то тут же отвернулась от меня. Не думаю, что кто-то из нас спал.

Утром, чтобы убежать от этой удушливой атмосферы вины, я пошла на пляж и обнаружила, что мой храм Пипа был разрушен. Раковины и Сердечные семечки были разбросаны вокруг. После той беды, что вызвал первый, я не хотела создавать второго «ПИПа» на песке.

Мы потеряли вещи, незаменимые вещи, такие,

как открытки отца. Я помню одну такую с попугаем. Другую — с кенгуру. Была еще одежда отца, которую мама хранила сложенной в углу, словно он мог вернуться в нашу жизнь в любую минуту. Однажды я увидела, как она прижимала к лицу рубашку отца. И все это пропало, вместе с моими кроссовками. Они пришли в последней посылке перед блокадой. Я не носила их, потому, что у меня от них болели ноги. Когда я размышляла, почему отец прислал мне не тот размер, я поняла, что в его памяти я была меньше, чем теперь. Кроссовки были бесполезными, но я не могла отдать их; я не могла, потому что они были от отца.

Наши несколько фотографий тоже погибли в огне, включая те немногие, что папа сделал на острове. Фотографии исчезли, но я до сих пор помню их. На одной они с мамой сидят в рыбацком клубе в Киете во время рождественской вечеринки. На фотографии мама намного моложе. У нее за ухом цветок.

Ее нижняя губа слегка опущена, словно бутон, вот-вот готовый распуститься в улыбку. Отец обнимает ее. Они наклонились вперед, будто заинтересованы в вопросе их дочери, держащей фотографию спустя годы: как вы достигли такого

счастья? И что с ним случилось теперь?

Вы никогда бы не подумали, что расческа и зубная щетка могли быть такими важными и необходимыми. Вы не считаете кастрюлю или тарелку важными, пока не лишитесь того и другого. С другой стороны, вы и не догадывались, сколько есть способов использовать кокос.

Все это имело один любопытный результат. Молчание мамы означало, что, пока книжка мистера Уоттса была в безопасности, ее любимая Библия на пиджине сгорела на пожарище.

Люди много дней избегали мистера Уоттса. Они либо сбивались в кучки, как гроздья бананов, либо исчезали, как только он подходил ближе. Мистер Уоттс не преследовал их. Ему было не интересно доказывать свою невиновность. Можно было подумать, что он вовсе не замечал той холодности, которая исходила от людей. Но я знала мистера Уоттса. Теперь, когда я знала значение слова «мамонт», я бы сказала, что мистер Уоттс был одинок, как мамонт.

Люди снова вспомнили о Пипе. К тому времени все в деревне знали его или думали, что знают, и некоторые горячие головы начали собственные

поиски. Я стояла рядом с мамой и смотрела, как группа глупых мужчин, вооруженных мачете, исчезает в джунглях, чтобы поймать его.

Те, которые знали о книге и месте Пипа в ней, удивлялись, куда могла подеваться книга. Краснокожие должны вернуться, и единственное, что могло бы спасти их дома, это книга с именем Пипа, рассыпанным по страницам. Моя мама знала об этом. Мне кажется, именно это тяготило ее совесть. Она, должно быть, думала спрятать книгу где-нибудь вне дома, чтобы ее нашли.

Она была неглупой. Она наверняка обдумывала варианты, когда слышала, как перепуганный сосед рассуждал о том, когда придут краснокожие. И когда на нас опустилась ночь, долгая и напряженная, она, наверное, лежала и думала — она знала, что нужно сделать, однако, также раздумывала, есть ли другой путь. Если бы она хоть что-то сказала мне. Она могла бы признаться и попросить моей помощи или просто попросить выслушать ее. Но я была слишком далеко, чтобы она могла довериться мне или спросить моего мнения. Даже когда я лежала рядом с ней, в темноте мое молчание проложило между нами пропасть, через которую она не могла дотянуться.

Из всех людей, которых она не могла себе позволить разочаровать, я была на первом месте. Дочь, которая винила ее не только в том, что соседи потеряли все свои вещи, но и в обвинении мистера Уоттса. Если бы я хотела или могла прервать свое молчание, то я бросила бы ей в лицо ее же слова. Я бы сказала, что она одержима дьяволом.

Глава четырнадцатая

Ночью мы прислушивались к звукам выстрелов. Это были не перестрелки, а беспорядочная пальба пьяных от сока джунглей партизан, пытающихся напугать краснокожих. Они целились в небо и разносили в клочья листву на верхушках деревьев. Но случались и другие ночи с пальбой, когда на рассвете мы видели столбы дыма, свидетельствовавшие, что произошло нечто, о чем мы не хотели задумываться.

Мы снова начали ждать солдат краснокожих, и, как и раньше, напряжение нарастало. Люди пререкались между собой. Голоса срывались на крик. Жены ссорились с мужьями и наоборот. На детей орали. Маленькие дети писали во дворах, где раньше бродили петухи.

И однажды утром мы увидели, как мистер Уоттс тащит свою жену Грейс в тележке. Для этого случая мистер Уоттс надел красный клоунский нос. Он опять превратился в Пучеглазого, и это стало шоком: увидеть, как он снова скользнул обратно в эту роль, а также то, как быстро мы вернулись

к тому, что думали о нем раньше.

Когда люди увидели, как он тащит Грейс, до них внезапно дошло, что дом Уоттсов не пострадал. У мистера Уоттса и Грейс все еще оставалось их добро. Этот дурацкий клоунский нос и тележка служили тому доказательством. Никто не помнил, чтобы их вещи тоже тащили в костер. Но никто и не рассчитывал на это, ведь мистер Уоттс был белым, а следовательно жил не в том мире, где происходили подобные вещи.

Внезапно они осознали, что пропавшая книга, которая может спасти их дома, наверное, у мистера Уоттса.

Я не пошла с теми, кто ринулся в дом мистера Уоттса и Грейс. Конечно, нет. Я не хотела, чтобы мистер Уоттс посмотрел и увидел свою Матильду в этой толпе. Я знала, что они лишь зря теряют время. «Большие надежды» были вложены в скрученную спальную циновку моего отца, спрятанную на балке над тем местом, где спала мама. Никогда в жизни, даже сейчас, спустя столько лет, я не обладала более важной информацией.

Теперь я понимаю, какое моральное смятение переживала тогда моя мама. Когда наши соседи бросились к дому мистера Уоттса, я знала нечто,

что могло остановить их, но ничего не сказала и ничего не сделала.

Так рассуждают трусы: если я останусь у себя дома, мне не придется смотреть, как обшаривают дом Уоттсов.

Я не хотела видеть, что произойдет. Я не знаю точно, искали ли они в доме книгу, а затем, перерыв все вокруг, почувствовали разочарование и злобу. Невозможно точно угадать, как поведет себя толпа.

Но когда я подошла к порогу и выглянула наружу, то увидела как люди несли все вещи, которые принадлежали Уоттсам. Они не пропустили ни одной мелочи. Среди них были бесполезные приборы со шнурами и штепсельными вилками, подскакивающие по грязи. Одна женщина несла пластиковую корзину для белья. У нее был такой вид, будто она хочет забрать ее себе. Но никто ничего не взял. Большие вещи тащили по земле. Часть какой-то мебели двое мужчин волокли как свинью на убой. Я заметила одну или две усмешки. Но, к моему облегчению, радости я не услышала.

Раньше я никогда не видела ничего подобного, ничего, столь пропитанного местью. Я снова хочу

сказать, что люди будто знали, что делать. Им не нужно было говорить куда что положить. Они принесли очень много вещей. Весьма ценных для нас вещей, но никто ничего не взял. Там была одежда. Фотографии. Стулья. Украшения из дерева. Резные фигурки. Маленький столик. И книги. Я никогда не видела столько книг. Я подумала, что мистер Уоттс мог бы дать их нам почитать.

Все полетело в огонь.

Это костер оказался более зрелищным, чем предыдущий. Было больше дерева. Мы молча смотрели на языки пламени. Никто не пытался скрыть свое участие, а Уоттсы не старались потушить костер. Ни одного гневного или обвиняющего слова.

Мистер Уоттс стоял возле костра, одной рукой обнимая Грейс за плечи. Казалось, будто они с кем-то прощаются. Хоть он и не дошел до того, чтобы казаться участником происходящего, но сделал так, будто оно казалось необходимым и приемлемым.

В следующий раз краснокожие будто просочились сквозь джунгли. Они подкрались к нам как кошки. Последним из джунглей появился командир.

На нескольких солдатах были повязки с пятнами крови. Часть повязок была сделана из разодранных на полосы рубашек. Офицер выглядел так, будто его мучила лихорадка. Его кожа отливала желтизной. Глаза его людей были красными и воспаленными, а у него — желтыми. Пот стекал по лицу командира, он просто сочился из него. Он выглядел слишком уставшим и больным, чтобы злиться.

Мы снова собрались вместе без всякого приказа. Некоторые солдаты принялись бродить по деревне, оружие мягко покачивалось у них на плечах. Я увидела, как один из них зашел в дом и спустил штаны, чтобы помочиться.

Мы все взглянули на офицера. Наверняка же он должен что-то сказать по поводу одного из своих людей, который справляет нужду в нашем доме. Но он то ли не захотел, то ли ему было все равно. Когда он заговорил, его голос звучал утомленно, только теперь я заметила, что ему трудно стоять. Он был очень болен.

Он сказал нам, что ему нужны еда и медикаменты. Отец Мейбл поднял руку, чтобы говорить от нашего имени.

— У нас нет медикаментов, — сказал он. Это было правдой. И это было плохо. Очень плохо. Костер явно выветрился из памяти офицера, потому что теперь мы увидели по его больному лицу, что он вспомнил, почему у нас нет медикаментов.

Он повернул голову назад и уставился в голубое небо. У него не было причин злиться на нас. Отец Мейбл ответил вежливо и никак не упомянул костер. Однако эта новость разочаровала офицера. Он устал быть тем, кем он являлся: устал от службы, устал от этого острова, от нас и от той ответственности, которую нес.

Один из его людей принес ему ананас. Возможно, чтобы порадовать его. Солдат нес его в обеих руках как подношение. Офицер одобрительно кивнул, но отложил ананас в сторону. Когда он поднял на нас воспаленные от лихорадки глаза, мы поняли, что последует дальше.

— Когда мы были здесь в прошлый раз, вы спрятали одного из вас. Вы видели, к чему привела ваша глупость. Я решил дать вам время передумать. Поэтому мы ушли. Чтобы дать вам время поразмыслить. Теперь мы снова здесь и требуем ответа.

Моя мама закрыла глаза, и на этот раз я последовала ее примеру. Так что я только слышала, что происходило дальше.

— Должен всех вас предупредить, — услышала я слова офицера, — я уже не столь терпелив, как в прошлый раз.

Повисла пауза. По мере того, как она росла, я все больше ощущала жар полуденного солнца. Я услышала радостное карканье ворона. Затем краснокожий сказал:

— Приведите мне того человека, Пипа.

Были люди, которые могли ему ответить. Во-первых, мистер Уоттс, будь он здесь. Солдаты, наверное, забыли, где искать его дом. Или они решили не делать этого. Я знала, что Грейс слегла с лихорадкой и понимала, что мистер Уоттс изо всех сил ухаживал за ней.

Другим человеком, который мог спасти нас, была моя мама. Но она не могла отдать книгу. Не после костра, который случился из-за того, что она не отдала книгу в первый раз. Она не могла этого сделать, как и я не могла предать ее и направить солдат к спальной циновке моего отца.

В таких обстоятельствах молчать посреди большого количества людей — не самое приятное

занятие. Чувство вины постепенно охватывало всех, даже тех, кому не за что было винить себя. Многие затаили дыхание. Или, как мне рассказали позже, многие поступили так же как и мы с мамой и закрыли глаза. Мы зажмурились, желая исчезнуть.

Помню, как слышала ласковый плеск волн на берегу. Никогда мне еще не приходило в голову, что океан может быть настолько бесполезен.

— Отлично, сказал офицер без энтузиазма. Можно было легко представить, что он предпочел бы этого не говорить. Можно было также легко представить, что мы заставляем его поступить так, не оставляя ему иного выбора. Что это мы виноваты в том, что произойдет.

То же самое можно было сказать и о солдатах. Они собрались поджигать наши дома с должной серьезностью. Никаких диких криков восторга. Они не сняли с себя патронташи. Но это было не то, чего можно было ждать. Нет. Они попросили нас самим сжечь свои дома. Солдаты плескали керосином в дверные проемы. А затем отходили назад, чтобы хозяин дома сам бросал в дверь горящий факел. Моя мама сделала это, зная что экземпляр «Больших надежд» мистера Уоттса

будет утрачен навсегда.

Когда мы смотрели, как пламя уничтожает наши дома, мы будто прощались с частью нашей жизни. Нам не хватало своего места. Раньше мы не осознавали этого. Теперь часть из нас поняла, что нам пытался объяснить мистер Уоттс. Люди закрывали глаза и пытались вызвать в памяти запахи готовящейся еды, старые ароматы, разговоры, возможно споры, а еще важные решения, праздники — все, что происходило под этими крышами. Некоторые из наших соседей говорили о полном спокойствии. Вещи, которые помнишь, можно найти и в другом месте. Спокойствие есть и в море, и под высокими деревьями, но я не думаю, что они осознавали эту сторону спокойствия, пока их дома не разрушили.

В первом костре люди потеряли подарки и любимые вещи. Мяч. Счастливый крючок. Я — кроссовки, которые прислал отец. Открытки. В этот раз люди потеряли свою приватность. Где они теперь будут прятаться? Меня беспокоило то же самое.

Я обнаружила, что даже самый простой дом может стать прибежищем для фантазии или мечты. Можно позволить себе не закрывать окно.

Или даже дверь. Но я осознала ценность четырех стен и крыши. Некое закрытое место, которое одновременно дает возможность сбежать.

Я переживала за мою секретную жизни с Пипом. Смогу ли я снова найти его под деревьями или на берегу? Я беспокоилась, что мир вокруг меня будет разговаривать слишком громко и слишком настойчиво требовать моего общества.

Мы спали возле дымящихся руин наших домов. Мы обнаружили, что без них жизнь кажется лишенной смысла. У нас была лишь одежда, в которой мы спали. Однако, есть вещи, которые нельзя отобрать, сжечь или расстрелять. У нас оставался воздух. У нас все еще были ручьи, полные рыбы. У нас были фрукты. У нас остались наши огороды. Нам даже оставили свиней. И каким-то чудом солдаты краснокожих не заметили лодку отца Гилберта. Она осталась на дне пересохшего ручья, куда он обычно ее затаскивал. Когда я увидела ее голубой корпус, перевернутый килем кверху, мое сердце затрепетало как пойманная рыба. Мы ухватили его сеть и рыбацкие снасти как настоящий подарок, каким они и являлись. Это были маленькие, важные победы в нашем стремлении выжить.

Отец Гилберта выглядел как человек, который внезапно осознал свою ответственность. Он был опытным рыбаком, который знал, где нужно закинуть сети, и где можно ночью поймать рыбу. У него было врожденное умение чувствовать рыбу. Он знал рыбу лучше, чем она знала саму себя, что было прекрасно, так как ночь была единственным временем, когда он мог рискнуть порыбачить. Если бы патруль краснокожих заметил лодку, они бы сразу открыли огонь. Мы знали это, потому что слышали, что такие случаи происходили выше по побережью.

Через два дня тление прекратилось, и мы увидели, что ничего не осталось. Скоро уже можно было услышать удары мачете. Люди сходили в джунгли и вернулись. Они несли молодые листья и ободранные длинные ветки. Двое мужчин вместе тащили тяжелое бревно.

За неделю мы построили новые дома. Они были не так хороши как старые. Не было резных балок и деревянных полов. Но это было лучшее, что мы могли сделать, с учетом того, что у нас было. Мы стянули и соединили их вместе. Всем доводилось видеть, как птицы строят гнезда, вот и мы так же.

Помещение школы было одним из двух сохранившихся зданий. Это было странно. Мама решила, что это потому, что школа была собственностью властей. Краснокожим не было смысла ее разрушать. Это как будто разрушить частицу Морсби. Вторым был дом мистера Уоттса. И снова моей матери казалось, что она знает причину, она говорила: потому что он белый. Краснокожие не будут делать ничего того, что не понравится белым. Порт Морсби зависел от помощи из Австралии, которая оказывалась по разному: учителя, миссионеры, рыбные консервы и вертолеты, с которых повстанцев сбрасывали в море.

На этот раз никто не бросился поджигать дом мистера Уоттса. Людям было известно, что у Грейс лихорадка, но дело было не в этом. Думаю, они поняли еще в первый раз, после того, как бросили вещи мистера Уоттса в огонь, что это не принесет им никакого облегчения.

Возможно, это объясняло и то, почему никто не запретил своим детям ходить в класс мистера Уоттса.

Но кое-что изменилось. В нашем классе осталось не более половины учеников. Некоторые из старших мальчиков сбежали к повстанцам.

И одна девочка, Женевьева, которую, наверно меньше всех интересовали школа и «Большие надежды», ушла вместе с братьями и сестрами к родственникам в деревню в горах.

Глава пятнадцатая

Мистер Уоттс начал с того, что поблагодарил нас за то, что мы пришли. Он был не уверен, что придет сам. Миссис Уоттс была очень больна. Но вот он здесь, и мы здесь, совсем как в старые добрые времена, как он бы выразился. Однако, то, что мы потеряли, и то, что забрали у мистера Уоттса и его жены, встало между нами, хоть и не в значительных, но заметных мелочах. Теперь мы предпочитали отводить глаза в сторону, а не встречаться взглядом с мистером Уоттсом. И он в задумчивости не отрывал глаз от дальних углов комнаты. Мы тайком подсматривали за его руками. Мы приготовились выслушать любую трагическую речь — просто следовать за его голосом.

— Все мы потеряли наше имущество, а многие из нас и дома, — сказал он. — Но эти потери, какими ужасными бы они не казались, напоминают нам о том, чего ни у кого нельзя отнять. Это наш разум и наши фантазии.

Дэниел поднял руку.

— Да, Дэниел?

— Где наши фантазии?

— Там, Дэниел.

Мы все повернулись посмотреть, на что мистер Уоттс указывает за дверью.

— Здесь.

Мы мотнули головами назад, чтобы увидеть, как он легко постукивает себя по макушке.

— Закрой глаза, — сказал он Дэниелу, — и тем голосом, который можешь слышать только ты, произнеси свое имя. Скажи его только себе.

Я перешла на вторую парту за Дэниелом, так что могла видеть, как шевелились его щеки, когда он произносил свое имя.

— У тебя получилось, Дэниел?

— Да, мистер Уоттс, получилось.

— Давайте попробуем все вместе, — сказал мистер Уоттс.

— Закройте глаза и беззвучно произнесите свое имя.

Звучание моего имени позволило мне заглянуть далеко вглубь моего сознания. Мне уже было известно, что слова могут открыть для меня новый мир, но я еще не знала, что властью всего одного слова, произнесенного про себя, я могу

оказаться в комнате, о которой больше никто не знает. Матильда. Матильда. Матильда. Я повторяла это снова и снова. Я произносила его на все лады, играя со словом то так, то эдак, и одновременно расширяя границы комнаты. Ма тиль да.

— И еще, — сказал мистер Уоттс, — никто за всю вашу короткую жизнь не обладал тем же голосом, которым вы произнесли свое имя. Он ваш. Ваш особый дар, который никто не в силах у вас отобрать. При его помощи наш друг и коллега мистер Диккенс и создавал свои истории.

Мистер Уоттс остановился посмотреть на нас, проверяя, не излагает ли он все слишком быстро, и поняли ли мы то, что он сказал.

Я кивнула в ответ и мистер Уоттс продолжил.

— Когда в 1860 г. мистер Дикккенс сел писать «Большие надежды», первое, что он сделал, это освободил место для голоса Пипа. Мы сделали то же самое. Мы нашли в себе то место, где наш голос звучит чисто и свободно. Мистер Диккенс закрыл глаза и подождал, пока не услышал первую строчку.

Мистер Уоттс зажмурился, и мы ждали. Наверное, он подумал, что может нас таким образом

испытать, потому что он резко распахнул ресницы и спросил, помнит ли кто-то из нас первую строчку. Никто не помнил. И он вспомнил для нас. И когда он зажмурился во второй раз, то прочитал на память строку, которая сейчас для меня значит не меньше, чем собственное имя. Я унесу с собой в могилу слова, которые мистер Уоттс прочитал нам, детям:

«Фамилия моего отца была Пиррип, мне дали при крещении имя Филип, а так как из того и другого мой младенческий язык не мог слепить ничего более внятного, чем Пип, то я называл себя Пипом, а потом и все меня стали так называть».[2]

В другое время все эти разговоры о голосах и комнатах могли сбить нас с толку. Но потеря наших домов помогла нам понять, что они хранили в безопасности нечто большее, чем наши вещи, они охраняли наши сущности, которые никто не мог видеть, пока лежали на спальных циновках. Теперь мистер Уоттс дал нам другое место, где можно было остаться наедине с собой. Теперь следовало обустроить его.

---

[2] Примечания: 2
(пер. М. Лорие)

В конце мистер Уоттс дал нам специальное задание. Мы должны были восстановить «Большие надежды».

Некоторые из нас не были уверены, что мистер Уоттс понимает под словом «восстановить». Это стало ясно благодаря вопросу Дэниела — мы не были уверены, что поняли правильно. «Большие надежды» погибли в огне, и их нельзя было восстановить из пепла. Разумеется, мистер Уоттс имел в виду нечто другое.

— Давайте посмотрим, сможем ли мы их вспомнить, — сказал он.

И мы это и делали, не только в течении этого часа, а на протяжении многих недель, даже месяцев. После того, как мой календарь и карандаш погибли в огне, я уже не отмечала ход времени. Один день переходил в другой.

Мистер Уоттс сказал нам вспоминать то, что придет в голову. Мы не должны были вспоминать историю в каком-либо порядке и даже не обязательно именно то, что там в действительности происходило, а то, как нам это запомнилось.

— Вы не всегда сможете вспомнить, когда это будет нужно, — предупредил он. — Воспомина-

ние может прийти к вам посреди ночи. В таком случае запомните фрагмент до нашей встречи в классе. Здесь вы сможете поделиться им с нами, и добавить к остальным. Когда мы соберем их все, мы будем знать всю историю. Она будет как новенькая.

Мы уже делали нечто подобное раньше. В прошлом, когда у нас еще были сети и удочки, мы делили улов на пляже. Теперь мы должны были проделать это с «Большими надеждами». В тот день в классе нам не удалось много вспомнить. Было сложно сконцентрироваться.

Так просто было глянуть за дверь и увидеть идущего цыпленка, или вдруг заметить новые белые волоски в бороде мистера Уоттса. Подобные вещи могут полностью завладеть вами. Все, о чем вы вдруг способны думать, это о вкусе цыпленка или о том, что мистер Уоттс стареет как-то очень быстро.

Когда я начала собирать фрагменты «Больших надежд», то приходилось лишь удивляться тому, когда и где я их находила. Чаще всего это происходило ночью, когда мне нужно было сбежать в другой мир, но иногда воспоминания приходили в самые неожиданные моменты. Я могла глядеть

на море, ни о чем особенно не думая, и вдруг обнаруживала, что иду рядом с Пипом в Сэтис Хаус с его паутиной, мраком и желанием смотреть лишь в прошлое.

Я вспомнила, что чувствовала, как пыталась защитить Пипа. Мне не нравилось то, как Эстелла с ним разговаривала, и то, как Сара Покет дразнила его сплетнями. Я никогда не могла понять, почему Пип позволил им так издеваться над собой и ни разу не дал отпор.

Итак. У меня было два фрагмента. Первый — решение мисс Хэвишем остановить часы — я рассказала в классе. Я так боялась, что забуду его, что не позволяла себе ни с кем заговаривать. Я отворачивалась от других детей, не желая рисковать своим фрагментом, давая место другим мыслям и разговорам. Я спрятала фрагмент в маленькой комнатке, как нам велел мистер Уоттс. И закрыла дверь. Но я не знала, насколько надежна эта дверь, и что случится, если на меня обрушатся голоса других людей.

Все это время мистер Уоттс хранил секрет вместе с нами. Это произошло после того, как Селия рассказала свой фрагмент: сцену, в которой Пип пришел домой после того, как отдал Мэгвичу

пирог сестры, и обнаружил в кухне вооруженного констебля. Селия заявила, что Пип чувствовал себя виноватым. Она не могла понять, откуда она знает, что полиция пришла арестовать Пипа.

— Откуда это взялось? — громко спрашивала она. Как неким волшебным образом она может знать что-то, чего не было в книге?

Она мне всегда нравилась, но теперь я ею восхищалась. Я никогда не могла отделаться от мысли, что кто-то еще столь же сильно восхищается книгой и активно заселяет тот мир, как и я. Глубина вопроса Селии свидетельствовала о том, что она очень много думала о книге. Возможно, и о Пипе тоже.

Мистер Уоттс поблагодарил Селию. Ее замечание, сказал он, дает нам интересную возможность заглянуть в параллельный мир, который читатель создает на основе прочитанных слов.

— Спасибо. Спасибо тебе, — сказа он, и Селия растаяла от этой похвалы.

Мистер Уоттс обратился к остальной части класса.

— Как мы должны поступить с фрагментом Селии? Как мы можем сохранить его так, чтобы быть уверенными в том, что мы его не забудем?

Мы начали размышлять вслух. Вверх взметнулись руки с предложениями. Мы можем найти палочку и записать его на песке — идея Дэниела. Мы промолчали. Гилберт поднял руку. Мы можем записать его в каком-то секретном месте. Мистеру Уоттс понравилась эта идея. Он поднял вверх палец, так что мы начали обдумывать предложение Гилберта.

— Секретное место — это хорошая идея. Но оно должно быть полностью безопасным, предупредил он.

Мы согласились.

— Это должно стать нашим секретом.

Не приходилось сомневаться в том, на каком слове он сделал ударение. Он оглядел наши лица. И мы увидели, насколько он серьезен. Думаю, что такой секрет, каким бы он ни был, должен был ассоциироваться с опасностью.

— Нашим секретом, — повторил он.

Он залез в нагрудный карман пиджака и достал оттуда тетрадь. Она была сложена вдвое, чтобы поместиться в карман. Мистер Уоттс разгладил ее на столе, затем поднял, чтобы мы все ее увидели. Второй рукой он залез в другой карман за карандашом. Много лет спустя я видела по телевизору,

как фокусник доставал белого кролика с тем же выражением. Это было прекрасное зрелище, но далеко не столь захватывающее, как получилось у мистера Уоттса. Захватывающее — не достаточно сильное слово, учитывая то, какой жизнью мы жили. Про себя, тем не менее, каждый из нас недоумевал, как мистеру Уоттсу удалось уберечь эти вещи от огня.

Мистер Уоттс улыбнулся, глядя на наши удивленные лица.

— Какая ответственность лежит на нас. — сказал он. Какая ответственность. Мы должны убедиться, что самая великая книга мистера Диккенса не утрачена навсегда.

Он принялся расхаживать взад-вперед по центральному проходу.

— Вы можете представить, что будет, если мы потеряем ее навсегда? Лишь подумайте. Будущие поколения смогут указать на нам пальцем и обвинить нас всех в том, что мы не усмотрели за тем, о чем должны были позаботиться.

Мы попытались выглядеть так, как по-нашему мнению должны были выглядеть в подобной ситуации. Торжественно. Серьезно.

— Хорошо, — сказал он. — Я принимаю ваше

молчание как знак согласия. Первый вклад сделала Селия.

Мистер Уоттс вернулся к своему столу, сел и начал писать.

Когда он посмотрел вверх, мы решили, что он что-то забыл, и я увидела, как Селия приподнялась со стула. Мистер Уоттс продолжил писать и она села обратно. Когда он закончил, то взглянул на то, что у него получилось.

— Я не уверен, что все запомнил правильно, — сказал он. — Давайте проверим.

Он начал читать вслух. Селия покраснела. Было понятно, что мистер Уоттс добавил пару строчек от себя. Он взглянул нас и отыскал взглядом Селию. Она быстро кивнула, и мистер Уоттс изобразил облегчение. Затем он оглянулся в поисках следующего вклада.

— Матильда, что у тебя есть для нас?

Когда я пересказала сцену, в которой Пип направляется в Сэтис Хаус, мистер Уоттс улыбнулся сам себе, и еще до того, как я закончила, он наклонился, начав писать в тетрадке. Когда я начала рассказывать второй фрагмент, он прекратил писать, поднял глаза и стал смотреть в сторону. Он выглядел таким озабоченным, что я расте-

ряла всю уверенность. Возможно я вспомнила неправильно.

— Безжалостное подтрунивание Эстеллы над Пипом, — сказал он наконец. — Это важная часть их отношений. Он любит то, чего не может получить.

Он замолчал и откинулся на стуле. Его большие глаза разглядывали гекконов, застывших на потолке. Затем он резко встал и пошел к двери. Он посмотрел на великолепный зеленый закат.

Что он там нашел? Куда перенесся в мыслях? Лондон? Австралия? Его белое племя? Дом? Мы увидели, как он снова кивнул, как будто только что понял, что ему нужно. Он повернулся к нам лицом, и его взгляд уперся прямо в мою парту.

— Нам нужны слова, Матильда. Мы должны вспомнить, что именно Эстелла сказала Пипу.

Те, кто сидели впереди повернулись, чтобы посмотреть на меня. Вместе с мистером Уоттсом они ждали, что я восстановлю эти слова. В голове у меня было пусто. Я не могла вспомнить слово за словом то, что Эстелла сказала Пипу, и, когда они это поняли, то один за другим стали поворачиваться обратно. Мы ждали, что мистер Уоттс вернется к своему столу. Он выглядел как

человек, огорченный дурной вестью.

— Должен предупредить вас, — сказал он, — это станет самой сложной частью вашей задачи. Но и самой важной. Мы должны постараться изо всех сил, чтобы вспомнить, что одни персонажи говорили другим. Когда он произнес это, его явно захватила другая мысль.

— Однако, если мы сможем вспомнить суть того, что говорилось, это уже будет что-то, по крайней мере.

Суть. Это требовало объяснений. Мистер Уоттс попробовал так.

— Если я скажу «дерево», то подумаю об английском дубе, а вы — о пальме. И то, и другое — дерево. И пальма, и дуб являются прекрасным примером того, что такое дерево. Но это разные деревья. Вот это и означает суть. Мы можем заполнить пустые места собственными словами. Я видела, как Гилберт почесал голову, прежде чем решиться поднять руку.

— Как насчет дерева для каноэ?

Митер Уоттс не был уверен, что такое дерево для каноэ.

— Гилберт, как еще его называют?

— Просто дерево для каноэ, — ответил тот.

Мистер Уоттс решил рискнуть.

— Дерево для каноэ тоже подходит.

Гилберт, довольный, сел на место. Я понимала, чего мистер Уоттс хотел. Он хотел правильных слов. Но чем усердней я пыталась вспомнить жестокие слова, которые Эстелла говорила Пипу, тем дальше они уплывали от меня. Дневной мир как будто смеялся над моими попытками вспомнить.

Мама куда-то запрятала свое чувство вины и снова обрела голос. И теперь, будто желая наверстать упущенное время, она вернулась к излюбленному занятию — постоянным упрекам в адрес мистера Уоттса, или Пучеглазого, как она снова начала его называть.

Пучеглазый. Она вкладывала в это прозвище все свое презрение. Пучеглазый из тех, кто будет стоять под кокосовой пальмой, не веря, что кокос упадет, пока тот не приземлится ему на голову. Он станет есть рыбу-солнце, дай ему волю. Чертов дурак. Сможет ли он распознать бородавчатку, когда увидит ее? Его невежество делает его опасным. Чему ты, Матильда, собираешься научиться у этого ничего не знающего и опасного человека? Вот до чего докатился мир. Может ли твой мистер

Уоттс построить дом? Может ли он отправиться на риф на рассвете и незаметно подплыть к косяку рыб-попугаев? Без посторонней помощи твой мистер Уоттс не в состоянии прокормить себя и свою жену. Сам по себе он просто пустое место.

Когда-то давно я бы ушла прочь от этих нападок на мистера Уоттса, теперь же я слушала. В ее насмешках я слышала Эстеллу. Я бродила за ней как паршивый пес, привлеченный запахом объедков. Я следовала за ней от нашего убогого жилища до огорода, а затем к реке, пока она не попыталась прогнать меня.

Она обзывала меня. Я была москитом. Занозой в собачьей заднице.

— Что такое с тобой девчонка? У тебя что, нет собственной тени, чтобы играть с ней?

Большую часть времени ее слова никак не задевали меня. Кроме этой последней фразы. У тебя что, нет собственной тени, чтобы играть с ней? Я улыбнулась маме. Я хотела поблагодарить ее, но не знала как. Я подошла, чтобы обнять ее, но она поняла и отступила назад. Она выставила вперед руки, как будто я вдруг превратилась в демона. Я молчала, чтобы то, что она сказала, не выскользнуло из моего рта вместе с другими словами. Я

была похожа на птичку с червяком в клюве.

Я помчалась к дому мистера Уоттса со своим отрывком. Я не хотела, чтобы он ускользнул из моей памяти. Я пробежала мимо здания школы и направилась дальше по наполовину заросшей тропке. Одной из самых больших претензий к мистеру Уоттсу было то, что он не способен позаботиться о своей собственности. И это говорила не только моя мама.

Но так как все остальные дома были сожжены дотла, я все гадала, была ли у небрежности мистера Уоттса какая-то цель, ведь, в конце концов, он оказался умнее остальных.

Уже в самом конце пути я вдруг почувствовала себя как Пип, который направляется в Сэтис Хауз. Я немного нервничала. Все-таки Пипа пригласила мисс Хэвишем. Я надеялась, что мистер Уоттс спокойно отнесется к тому, что я ворвусь вот так. Я подумала, что он не станет сердиться, учитывая ответственность нашей задачи и качество моего отрывка.

Тут я увидела дом и застыла на мгновение из-за нахлынувших воспоминаний. Вид деревянных ступеней, деревянных фронтонов и двери. Эти ве-

щи были прекрасным напоминанием о внешнем мире. Я поднялась по ступеням на небольшую веранду и заглянула в большую комнату через открытую дверь. Жалюзи на этой стороне дома были наполовину прикрыты, и свет рисовал на деревянном полу неровные тени. В углу я заметила миссис Уоттс. Она лежала на своей циновке. Ее почти не было видно за мистером Уоттсом. Он стоял на коленях возле больной жены, поглаживая ее волосы и обтирая ее лоб влажной тряпкой.

Мои глаза жадно уставились на потолочный вентилятор и еще один, стоявший на полу (ни один не работал, конечно). На дальней скамейке я заметила большую банку солонины. Я уже и не помнила, когда в последний раз видела такую банку с чем бы то ни было. Но все равно, я уверена, что не смогла бы тогда представить такой день в будущем, когда бы такая обычная вещь, как банка, означала столь большую надежду.

Я отбросила в сторону эти мысли и вошла в комнату. Я больше не могла держать в себе свой фрагмент. Двери распахнулись, и я выпалила:

— У тебя что, нет собственной тени, чтобы играть с ней?

Мистер Уоттс медленно обернулся, и в этот момент я поняла, что мой приход был ошибкой. Он не был рад меня видеть, как я надеялась. И мой фрагмент не произвел того впечатления, на которое я рассчитывала. Он взглянул на меня, ожидая объяснений.

— Это суть, — сказала я. — То, что Эстелла сказала Пипу.

Я привыкла к паузам мистера Уоттса, к тому, как он идет к открытой двери класса, как будто все ответы на все вопросы находятся снаружи, и стоит там, на краю, отвечая, являются ли наши дикие предположения правильными или нет, в зависимости от того, что он там увидел.

Я все ждала и ждала, и, наконец, с громадным, как мне казалось, усилием, он смог собраться достаточно, чтобы снова стать моим учителем, и сказать:

— Думаю, это передает главное, Матильда, — на секунду он взглянул на потолок. — Да, я уверен в этом.

Только теперь я услышала, как тяжело звучит его голос, но не заметила печали. Я чувствовала только разочарование от его не слишком воодушевляющего ответа. Он посмотрел на меня, и я

подумала, не ожидает ли он большего.

— Ты хочешь записать это, Матильда?

Он взглянул туда, где на колышке висел его пиджак. С близкого расстояния и не отвлекаясь на мистера Уоттса, когда он носил его, я, наконец, увидела, каким грязным был его пиджак, он просто лоснился от грязи. Подкладка липла к рукам.

Я нашла тетрадь и карандаш. Потом присела на пол и начала записывать мой фрагмент.

Мои пальцы с трудом справлялись с карандашом. Я уже давно ничего не писала. Буквы разъезжались в стороны. Мне показалось, что мистер Уоттс подумал, что я слишком долго вожусь со своим фрагментом, потому что он окликнул меня:

— Когда закончишь, Матильда, положи тетрадь на место, если тебе не трудно. И карандаш тоже.

Я оглянулась посмотреть, откуда звучит этот утомленный голос, или что его вызвало. Я не видела глаз миссис Уоттс. Мистер Уоттс прикрыл их рукой. Я закончила записывать фрагмент, вернула тетрадь и карандаш в их надежное место и ушла, мягко прикрыв за собой дверь.

Глава шестнадцатая

Я не сказала маме, что была в доме Уоттсов. Она бы посчитала этот визит предательством. Тот факт, что я считала себя сторонницей мистера Уоттса, не означал, что я хотела тыкать им маме в лицо. Я знала, что всему есть границы и старалась не преступать их.

И иногда я ловила мимолетный взгляд кого-то по имени Долорес — собственной персоной, а не просто чьей-то матери.

Однажды, ранним утром я подкралась к ней, когда она стояла одна на пляже и смотрела на море; по неподвижности ее плеч я знала, что она что-то высматривала. Или, возможно, то, что она высматривала, качалось на волнах прилива надежд в ее голове, а не там, в этом загадочном голубом океане, отделяющем нас от остального мира. Может, если бы мы умирали с голоду, мир пришел бы нам на помощь. Мы стали бы проектом благотворительности. Но у нас была еда. У нас были огороды и фрукты, и, пока то, что у отца Гилберта была лодка, держалось в секрете, у нас

была рыба.

Секреты были последним, что мы выдали бы. Наши родители перестали скрывать от нас то, что слышали. Им было все равно. Благоразумие требовало усилий, а какой в этом был смысл? Какое это имело значение, когда у тебя ничего не осталось и не на что надеяться? Мы были практически в том состоянии, в каком, как говорит Библия, человечество пришло в этот мир.

Мы стирали одежду, что была на нас, сидели голыми и ждали, пока она высохнет под солнцем. Мы ходили босиком. Наша крыша пропускала свет звезд, солнца и проливные дожди. Ночью мы лежали на постели из песка, принесенного с пляжа в пригоршнях. Но нам не было холодно или неудобно. Самым тяжелым было пережить тоску ночи.

Мамина Библия сгорела в огне, поэтому ночью, пока я пыталась вспомнить отрывки из «Больших надежд», она делала то же самое с Библией. Я слышала, как она бубнила в темноте, и мне приходилось отворачиваться от нее и закрывать уши руками, чтобы сосредоточиться на собственных воспоминаниях. В классе это было проще. Почему-то, когда кто-нибудь из нас ни выдавал

бы отрывок, я почти всегда могла вспомнить следующий или его часть. То же самое происходило и с остальными. По мере того, как список увеличивался, было ясно, что Виктория, Гилберт, Мейбл и даже Дэниэл думали о «Больших надеждах» так же много, как и я.

Когда мистер Уоттс читал нам отрывок о том, как Пип пришел к миссис Хэвишем, Гилберт внезапно вспомнил мистера Памблчука. Он назвал его лягушкой-быком, а Виктория вспомнила имя «Памблчук». Виолет замахала рукой как сумасшедшая. Она тоже что-то вспомнила. А не мистер ли Памблчук отвез Пипа в мэрию, чтобы оформить над ним опекунство Джо Гарджери, кузнеца? Мистер Уоттс улыбнулся. Он радовался нашим стараниям так же, как и мы. Мы расшумелись от волнения. Иногда ему приходилось поднимать руку, чтобы успокоить нас, пока он записывал отрывки в свою тетрадь. Под каждой записью мистер Уоттс ставил наши имена.

Я лежала в темноте и пыталась дать названия звукам, которые слышала в ночи. Ленивые шлепки моря — намного громче, чем днем. Странный резкий голос, выделяющийся из хора безрадостного кваканья лягушек. Какого-то ребенка

шлепнули по уху за непослушание, или просто за то, что не спит. Низкий лошадиный смех старика. Бодрствование мамы.

— Эй, Матильда, — прозвучало совсем не шепотом. Она хотела разбудить меня. — Эй, — повторила она, и в этот раз я почувствовала ее дыхание на своем лице. Она дернула меня за руку. — Я хочу тебе кое-что сказать.

Я не пыталась придумать, как ответить ей. Я не спала, конечно, но мне было неудобно признавать это в тот момент. Я думала о приезде мистера Джеггерса к Пипу и пыталась вспомнить, как отреагировал Пип, когда тот сказал о везении Пипа. Я уже почти вспомнила этот момент, когда мама продолжила, и то, что она сказала, вдребезги разбило все, что строилось в моей голове.

— Полагаю, ты уже слышала. Грейс Уоттс умерла.

Должно быть, птицы еще не проснулись, когда я услышала топот мужских ног, пробегающих мимо нашей хижины. Это были отец Гилберта и еще несколько человек. Я видела их спины, исчезающие за школой. Они выкопали на склоне холма могилу для миссис Уоттс. У них не было лопат. Они использовали палки и мачете, чтобы

взрыхлить землю. Потом они выгребали ее руками и сломанным веслом.

Когда пришло время хоронить миссис Уоттс, все мы — дети, старики, все, кто мог ходить — забрались на холм, чтобы поддержать мистера Уоттса. Я помню мягкую поступь ног и тишину присутствующих. Я помню влажный воздух, тянувшийся из леса, и журчание горных ручьев, впадающих в сияющие бассейны. Мир продолжал жить своей жизнью.

Мы, дети, могли спокойно глазеть на своего учителя. Нам не нужно было гадать, о чем он думал или что чувствовал, потому что мистер Уоттс не сводил глаз с ямы в земле. На нем был костюм и та же белая рубашка, в которой мы всегда его видели. Только он постирал ее и надел еще влажной. Поэтому мы видели, как просвечивают розовые участки его груди сквозь влажный хлопок. Он надел зеленый галстук, который мы видели впервые. На нем были носки и туфли. Его лицо было бледным. Его борода свисала, когда он наклонялся над миссис Уоттс.

Она была с головы до пят завернута в рогожку, сплетенную женщинами деревни. Я заметила, как Гилберт обошел изголовье миссис Уоттс, что-

бы украдкой посмотреть на нее. Он быстро отвел взгляд, когда понял, что я вижу его любопытный взгляд. Я злилась не на Гилберта. Я злилась на себя.

Я не могла не думать о том, была ли миссис Уоттс уже мертва, когда я забежала к ним в дом. Что если она уже умерла к тому моменту, когда я гордо бухнулась на колени, чтобы записать свой отрывок в тетрадь мистера Уоттса? Мне было стыдно вспоминать то разочарование, которое я испытала, когда мистер Уоттс не удостоил меня похвалы. Бедный мистер Уоттс. Когда я подняла глаза, Гилберт что-то говорил мне движением губ.

Я оглянулась на собравшуюся толпу. Лица мужчин потели на солнце. Женщины скорбно смотрели на миссис Уоттс. Когда маленькая ветвь отломилась от верхушки дерева и упала вниз, никто не обратил на это внимания. Но упавшая ветка напомнила нам, что нужно что-то сказать. Вот тогда я услышала, как мама предложила молитву за упокой души Грейс. Она процитировала Божью Молитву, хотя и не всю. На одном месте она запнулась. Она закрыла глаза, закусила губу и стала ворошить свою память, пока не нашла

пропущенную строчку. В конце концов, она произнесла молитву полностью.

Возможно, потому, что тишина была слишком гнетущей, мистер Масои попросил маму прочесть молитву еще раз. На этот раз она прочла ее без запинки и с открытыми глазами. Мистер Уоттс кивнул и произнес тихое «спасибо». Кто-то вспомнил строчку «… прах к праху…», но на том и умолк. И снова повисла тишина. Мы ждали, опустив головы, и потом услышали: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма… повсюду…». Миссис Сиеп снова потеряла нить. Когда мистер Уоттс кивнул в знак благодарности, она перебила его.

— Нет, подождите! — почти выкрикнула она, и мы наградили ее неодобрительным взглядом за то, что позволила себе кричать над саваном мертвой женщины. — Нет, — произнесла она спокойнее, уронив руку вдоль тела — Я вот что хочу сказать… Я хочу сказать…

Она ждала, что мистер Уоттс повернет к ней свое бледное лицо.

— Я знала Грейс, когда она была еще маленькой. Вот такой. — И она показала на свою коленку. Миссис Сиеп оглянулась в поисках моей мамы.

— Верно, — сказала она. — Мы все ходили в одну школу.

— И к монашкам. Немецким монашкам. — Сказала другая.

— Мистер Уоттс, — сказала мама Мейбл, — Ваша Грейс была самой умной среди нас, девочек.

— Спасибо, — пробормотал мистер Уоттс.

Теперь заговорил один из стариков. — «Я знал ее мать. Она тоже была красивой…» — Мужчина, сказавший это, посмотрел на небо, но его глаза наслаждались старыми воспоминаниями о женской красоте.

Начали говорить и остальные. Они поделились своими воспоминаниями с мистером Уоттсом. Они дополняли картину образа его умершей жены. И вот так он узнал о девочке, которую никогда не встречал. Девочке, которая могла задерживать дыхание под водой дольше, чем остальные. Девочке, которая могла говорить с монашками по-немецки. Маленькой девочке, которая однажды потерялась. Ее искали повсюду. И где ее нашли? Свернувшейся калачиком под перевернутой лодкой. Маленький пухлый крабик испугался солнца. Кто-то сказал это, и все начали смеяться, пока не вспомнили, где находятся.

Большие и маленькие воспоминания стали возвращаться к нам. Мистеру Уоттсу было не важно, насколько маленькие — он узнал, какого цвета ленты носила его жена, когда была девочкой. Он узнал, как она потеряла передний зуб. Это произошло, когда она лежала ничком в каноэ, представляя, что она рыба, когда нос лодки подскочил и разбил ей губу. Он узнал, как она гордилась своей первой парой туфель. Так гордилась, что носила их с собой везде, хотя и предпочитала ходить босиком.

Мистер Уоттс откинулся назад, его рот приоткрылся. Я думала, он вот-вот рассмеется. Мы все надеялись. В конце концов, он всего лишь улыбнулся. Но, все же, он посмотрел на нас, и мы посчитали это первым шагом к лучшему будущему. Теперь он смотрел на верхушки деревьев, и ему не было дела до того, что все видели его глаза, полные слез. Какое-то время мне казалось, что он захочет присоединиться к своей жене, но теперь я видела, что он с радостью останется с нами. Особенно теперь, когда он услышал столько интересных историй о Грейс. Это было сродни подбрасыванию лучин в огонь. Мы хотели сохранить эту легкую улыбку на его бледном лице. Мистер Масои вспомнил, как Грейс бежала по

пляжу и орала что есть мочи. Она подняла палец, в котором застрял рыболовный крючок. Дэниэл, который тогда еще и не родился, захлопал в ладоши и сказал, что тоже помнил миссис Уоттс девочкой.

— Она забиралась на дерево, а я карабкался за ней.

Мы все посмотрели на мистера Уоттса, чтобы увидеть его реакцию.

— Спасибо, Дэниэл, — сказал он. — Спасибо за чудесные воспоминания, — сказал он ему и всем остальным.

Истории все приходили и приходили, пока он не поднял руки и не сказал:

— Благодарю вас. Благодарю за ваши теплые слова. За ваши замечательные воспоминания. Теперь она знает, что ее любили. — Он остановился, но я ожидала услышать «несмотря ни на что».

Потому, что, насколько я помнила, Грейс Уоттс никогда не принимали в деревне. Она жила с белым мужчиной — человеком, к которому наши родители не питали теплых чувств. Отчасти из-за этого, отчасти из-за того странного зрелища, когда она стояла на тележке, которую тащил мистер Уоттс с красным клоунским носом на лице.

Мы не понимали причины этому, мы понятия не имели, что это значит, а потому нам было удобно думать, что миссис Уоттс была сумасшедшей.

Моя мама держала свои воспоминания при себе до последнего момента. Она не поделилась ими со всеми на холме, над открытой могилой. Я была единственной, кто услышал ее рассказ. Это произошло позже ночью, спустя много часов после похорон миссис Уоттс. Она лежала, уставившись в грубо сколоченную крышу, что удерживала ночь.

— Грейс была самой умной из нас, детей, Матильда. Она всегда поднимала руку. Поди ж ты, умница какая! Похоже, она знала все наперед. Бывают такие люди. Они рождаются со словарем в голове. Или энциклопедией. Или шестью языками. Не знаю, как это происходит, но такое случается. И когда Грейс выиграла свою стипендию в Австралию, мы все были счастливы. Мы радовались тому, что Грейс могла показать белому миру, какими умными могут быть черные дети. Она поехала в школу в Брисбене. Потом мы узнали, что она поехала учиться на стоматолога в Новую Зеландию. Она собиралась вернуться сюда и лечить наши зубы. Как мы ждали этого дня. Но

она вернулась совсем другим человеком.

Мама остановилась, и стало понятно, что «другим» не означало «лучшим». Я думала, может осторожность не позволяла ей сказать больше. Но она всего лишь вызывала в памяти болезненные воспоминания.

— Она сказала, что не может лечить нам зубы. Она бросила учебу. Вместо зубного врача мы получили Пучеглазого. Она потратила свою стипендию, чтобы подцепить белого. Мы не знали, что сказать ей, не знали, как с ней общаться. Но я скажу тебе другое, Матильда: мы не знали, насколько больна была Грейс. Мы уже не понимали, была она белой или черной. Вот так вот. Это все, что я могу сказать, потому, что теперь она мертва.

Мамина рука глухо стукнула о землю между нами. Через несколько секунд я уже слышала ее тяжелое сонное дыхание.

Глава семнадцатая

Я не знала, сколько продлится траур мистера Уоттса. Некоторые из нас переживали, что он больше не выйдет из дома — что он закроется, как мисс Хэвишем. Поэтому я удивилась, когда через три дня мистер Уоттс послал Гилберта найти меня и узнать, почему я не в школе.

В классе мистер Уоттс ждал, пока все рассядутся за парты. Его улыбка ясно давала понять, что траур окончен. Когда мы сели, он поднял палец.

— Вы помните сцену, в которой весьма неучтивая Сара Покет встретила Пипа у ворот дома мисс Хэвишем…? — Он посмотрел на нас, чтобы понять, помнит ли кто. — Вы помните, я уверен. Мисс Хэвишем злорадно сообщает Пипу, что Эстелла уехала в другую страну, чтобы выучиться и стать настоящей леди. «Чтобы все ею восхищались», говорит она бедному Пипу. И ошеломив его этими новостями, она спрашивает, не чувствует ли Пип, что потерял Эстеллу.

Мы всегда сидели тихо, когда мистер Уоттс говорил. Мы никогда не перебивали его. Но теперь

мы впали в еще более глубокую тишину. Мы были тише тихого.

Мы были мышами, прислушивающимися к звукам торопливых лап кошек. Мы понимали, что он говорит о миссис Уоттс. Он злился из-за страданий Пипа, но за этим стояла его собственная потеря. Мы ждали, пока он выйдет из этой обители траура. Мы видели, что он приходит в себя у нас на глазах. Он заморгал, и, казалось, ему было приятно видеть нас.

— Итак. Что мы еще помним?

Наши руки взлетели вверх. И моя тоже. Мы все хотели отвлечь мысли мистера Уоттса от смерти его жены. В последующие несколько дней мы изо всех сил старались восстановить кусочки исчезнувшего мира. Мы постоянно прищуривались.

— Да что такое с вами, чертовы детишки? Солнце глаза жжет? — говорили наши матери. Конечно, я не рассказала маме о нашем задании. Она не преминула сказать: — Это не поможет поймать рыбу или очистить банан. — И она была права. Но нам не были интересны рыба и бананы. Мы занимались чем-то бОльшим. Мы пытались добыть себе другую жизнь. Более того, мистер Уоттс напомнил нам о наших обязанностях,

да таким тоном, что заставил нас вытянуться по струнке. Нашей обязанностью было спасти замечательнейший труд мистера Диккенса от исчезновения. Мистер Уоттс тоже присоединился к мероприятию, и, разумеется, его усилия превзошли наши.

Он стоял перед нами и цитировал:

— Пип должен быть воспитан, как джентльмен — буквально, как молодой человек, подающий большие надежды.

Мы слышали Диккенса. Мы чувствовали прилив радости. Мистер Уоттс усмехался в бороду. Он только что воспроизвел целый отрывок. Слово в слово. В точности, как написал мистер Диккенс. Не то что наши несчастные, полу-успешные попытки. Он посмотрел на наши восхищенные лица.

— Кто-нибудь помнит, кто сказал это?

Гилберт ответил: — Мистер Джеггерс.

— Мистер Джеггерс — кто?

— Адвокат!

Мы ответили хором, и мистер Уоттс улыбнулся.

— Верно, — сказал он. — Мистер Джеггерс, адвокат.

Я закрыла глаза и уложила слова в голове: «Пип должен быть воспитан, как джентльмен — буквально, как молодой человек, подающий большие надежды». Каким-то чудом я запомнила еще предложение. Я помахала рукой, чтобы привлечь внимание мистера Уоттса.

— Да, Матильда?

— Моя мечта сбылась.

Мистер Уоттс направился к двери. Мучительное ожидание повисло в классе, пока он обдумывал мои слова. Он закивал, и я снова задышала.

— Да, — сказал он. — Да. Думаю, ты права. Кто помнит следующий отрывок? Мистер Джеггерс выдвигает условия. Первое, Пип должен всегда носить имя Пип. Второе, имя его благодетеля должно держаться в секрете.

Дэниэл поднял руку, но мистер Уоттс угадал его вопрос.

— Ах, да. Снова благодетель. Ну, это человек, который содержит или одаривает другого.

— Как дерево? — спросил Дэниэл.

Мистер Уоттс так не думал.

— Уверен, ты подумал о пальмовом масле, Дэниэл, но, думаю, мы запутаемся, если станем слишком углубляться в это. Скажем так, благодетель — это тот, кто дает кому-то деньги или

предоставляет возможность…

Наши лица выдали нас.

— Возможность. Шанс. — Сказал мистер Уоттс. — Окно открывается и птица вылетает.

Мы измеряли время по-разному. Мы могли начинать отсчет с того дня, когда краснокожие стояли над нами, пока мы поджигали свои дома. Или могли считать от первого костра. Другие, менее удачливые, вели отсчет от смерти своих детей от малярии. Некоторые навсегда запомнят тот день.

Если бы я очень постаралась и сосредоточилась, то могла бы вспомнить, когда видела своего отца в последний раз. Он стоял на краю взлетной полосы, пристально глядя на маленький белый самолет, словно он сам и его потрепанный чемодан не имели друг к другу никакого отношения.

Мама редко говорила об отце. Вероятно, она считала, что так будет проще для нее и для меня. Но я не сомневалась, что он занимал ее мысли даже больше, чем ее попытки вспомнить отрывки из Библии. Она вспоминала отца только тогда, когда что-то шло не так, и для того, чтобы заклеймить его позором. — Если бы твой отец только видел нас теперь. — Говорила она.

После того, как мистер Уоттс воспроизвел отрывок об удачных переменах в жизни Пипа, я поняла, что некий человек, вроде мистера Джеггерса, вошел в жизнь моего отца. Он слышал, что на медном руднике нужны люди, умеющие управлять грейдерами и тракторами. Грузовики, взбиравшиеся по горе Пангуна, возили грузы между шахтой и нижним бьефом. Вот этим отец и занимался, только грузовик моего отца возил машины и запчасти из депо в Араве.

Через шесть месяцев после начала работы он стал новым кладовщиком в депо. Мама говорила, что это благодаря тому, что ему доверяли. Белые не доверяли краснокожим. Краснокожие всегда урвут свое, а когда их прижимают, они делают такие невинные лица, словно понятия не имеют, что произошло. Так говорила мама.

Новая работа отца означала больше контакта с белыми австралийцами. Он хорошо говорил по-английски. Я знала это, потому, что во время нашей поездки в Араву я видела, как он разговаривал и смеялся с австралийцами. У белых были усы, солнечные очки, шорты и носки. Их животы были большими.

И мой отец очень старался быть таким, как

они, когда выставлял вперед свое брюшко. Он так же клал руки на бедра и становился похожим на чайник. Но именно тогда я заметила у него хитрую улыбку, улыбку белого, которую я хорошо знала. Да, видимо, я действительно дочь своей матери, если так думаю. Я ничего не могла с этим поделать. Я видела, что отец отдаляется от нас. Мистером Джеггерсом в жизни отца был его босс, горный инженер, один из сотрудников шахты. Он был австралийцем, но его имя было похоже на немецкое. Я слышала, как мама и папа обсуждали его. Папа называл его «мой друг». А мама говорила, что друг напоил его. Это было правдой. Она сказала, что того позора, когда он стоял там и слушал обвинения в неподобающем поведении, хватит ей до конца дней. С нее хватит. Его пьянство началось, когда он устроился кладовщиком. Это стало одной из причин, почему она не захотела уезжать из деревни. Она не хотела уезжать в Араву и наблюдать, как отец превращается в белого.

Я помню, она куда охотнее слушала новости, которые он приносил с Пангуны. Ситуация на шахте была серьезной и, видимо, становилась все хуже с каждым днем. Она вышла из-под контроля, когда повстанцы добрались до взрывчатки,

которой они стали взрывать дороги. Прошло еще время. Мы услышали, что повстанцы были вооружены. Японцы оставили большие склады оружия во времена Второй мировой войны. Мы слышали, что повстанцы отремонтировали ружья. Слышали, что в джунглях работали подпольные мастерские, где они реставрировали винтовки. Вскоре мы узнали, что они стали обстреливать грузовики, которые двигались по Пангуне.

Пока краснокожие не прибыли на остров, мы услышали достаточно, чтобы понять, какое будущее нас ожидало. Белые покинут остров, пока солдаты правительства окружают повстанцев. Но за это время шахта закроется. Не будет работы. Не будет денег. Человек с немецким именем предложил отцу и нам выход. Он предложил отцу свое покровительство. Он использовал слово «покровительство». Помню, я спросила мистера Уоттса о нем, а он, похоже, думал, что значение это слова ближе к «усыновить». Это значение имеет еще больший смысл теперь, когда я вспоминаю, что предлагал тот человек, и что происходило с отцом, когда он старался подражать австралийцам.

Я пыталась представить, какой жизнью он жил

в Таунсвилле. Моим путеводителем была Англия мистера Диккенса. Я гадала, были ли там нищие. Я гадала, были ли там дымовые трубы и воры, и добрые души, как у Джо Гарджери, которые, могли бы подумать вы, были пьяными, из-за той бессмыслицы, что они говорили.

Я гадала, вырос ли у отца живот. Пил ли он пиво, носил ли шорты и кривую собачью ухмылку. Я гадала, как часто он вспоминает о нас — своей Матильде и моей маме. Я старалась представить школу, в которую я могла бы ходить в Таунсвилле, если бы мы уехали, пока не началась блокада. Но я не смогла представить больше, чем классная комната, которая занимала всю мою жизнь. Я не приблизилась к Таунсвиллю больше, чем к чему либо, о чем могли мне рассказать мистер Уоттс и мистер Диккенс.

Мама надеялась когда-нибудь присоединиться к отцу. Но она принимала желаемое за действительное, потому что в ее жизни не было мистера Джеггерса. Мы попали в ловушку без какой-либо возможности покинуть остров.

Когда я видела маму на пляже, я знала, о чем она думала — море предлагало всего лишь один путь покинуть эту жизнь. Вот так, день за днем,

оно указывало нам этот путь.

Мир, в который нам предлагал сбежать мистер Уоттс, не был Австралией или Морсби. Он не был даже другой частью острова. Это была Англия девятнадцатого века «Больших надежд». Мы проделывали наш путь туда по легальному каналу, каждый со своими отрывками, а мистер Уоттс вел нас, собирая и расставляя эти отрывки в правильном порядке.

Во мне развился дух невероятного соперничества. Для меня было важно вспомнить больше отрывков, чем остальные дети. Это доказало бы, что я, Матильда, переживала за Пипа больше, что кто бы то ни было. Я помню, где я была и что делала, когда воспроизводила в памяти каждый отрывок. По-другому я не чувствовала движения времени. Вместе с лекарствами и свободой блокада украла наше время. Поначалу вы не замечаете этого. Но потом вам в голову приходит мысль: ведь уже давно никто не праздновал дни рождения. Теперь я гораздо тщательнее хранила свои отрывки. Мне уже не нужно было бежать в дом мистера Уоттса со сценой, в которой Пип на рассвете покидает свою деревню ради новой жизни в Лондоне. Я могла сидеть на пляже, в

тени пальм, и четко видеть этот момент: Джо сердечно прощается с Пипом. Бидди утирает глаза передником. Но Пип уже далеко. Он смотрит вперед. Уже слишком поздно и слишком далеко, чтобы вернуться назад, и я продолжила… Вот, я вспомнила одну строчку мистера Диккенса.

Через час спустятся сумерки. Если я возьму палочку и запишу отрывок на песке, я могу не волноваться о нем и прибежать сюда утром и прочесть. Я так и сделала.

Утром, пока мама не проснулась, пока его никто не увидел и не украл, или неправильно понял, я побежала на пляж, чтобы забрать свой отрывок.

Мир сер в это время дня; он движется медленнее. Даже морские птицы спокойно сидят и размышляют. Если вы посмотрите внимательно, то заметите то, что ускользало от вас в более позднее время. Так всегда советовала мама. Отправляйся на пляж до того, как проснется мир, и ты найдешь Бога. Я не нашла Бога, но на дальнем конце пляжа я увидела двух мужчин, плывущих в лодке вдоль берега. Они передвигались слишком быстро для этого часа. Одним из них, без сомнения, был мистер Уоттс. Другой, покрупнее, был отец Гилберта. Я смотрела, как они затащили

лодку в сухое русло ручья. Они не теряли времени, не хотели быть застигнутыми рассветом. Они не хотели, чтобы их кто-то видел. И, так как я не хотела, чтобы мистер Уоттс видел, где я хранила свои отрывки, я подождала, пока они не скрылись за деревьями.

Позже единственным звуком был хруст песка под моими ногами. Я нашла предложение мистера Диккенса, закрыла глаза, и доверила отрывок своей памяти, прежде чем замести следы.

На пути к «стиральному» ручью я, не думая, забрела в места, где находилась могила миссис Уоттс. Видимо, я замечталась. Не помню. В любом случае, моя голова была пуста. Серый туман. Я слышала попугаев и каких-то других птиц в зарослях и больше ничего, пока до меня не донесся голос:

— Матильда, ты куда-то идешь?

— Нет, сэр, — сказала я, — просто гуляю.

— В таком случае, почему бы тебе не присоединиться к нам с миссис Уоттс.

Он поднялся на ноги, и я увидела, что могила миссис Уоттс стала более ухоженной — края были украшены кусочками белых кораллов, пурпурные и красные бугенвиллеи были рассыпаны

по могиле.

Я раздумывала, стоит ли поздороваться с миссис Уоттс. В конце концов, меня пригласили присоединиться к нему и миссис Уоттс. Я не знала, что я должна сделать или сказать, особенно миссис Уоттс, и я неуклюже присела. Мистер Уоттс улыбнулся. Я смотрела, как большая бабочка села на ствол дерева, а потом упорхнула. Я украдкой глянула на мистера Уоттса. Он все еще улыбался, глядя вниз, на миссис Уоттс. Мне нужно было что-то сказать, и поэтому я спросила его, читала ли миссис Уоттс «Большие надежды».

— К сожалению, нет, — ответил он. — Она пыталась. Но знаешь, Матильда, ты не сможешь притвориться, что читаешь книгу. Тебя выдадут глаза. А также дыхание. Человек, завороженный книгой, просто забывает дышать. Дом может загореться, а увлеченный читатель не заметит этого, пока не заполыхают обои. Для меня, Матильда, «Большие надежды» — именно такая книга. Она дала мне возможность изменить свою жизнь. — Он откинулся назад, словно не хотел, чтобы миссис Уоттс слышала.

— Грейс столько раз откладывала книгу, что забывала, где остановилась. Если звонил телефон,

для нее это было словно услышанная молитва. В конце концов, она наотрез отказалась ее читать. Хотя, не совсем так. Она сказала, что дочитает «Большие надежды» до конца, если я прочту Библию. Вот так.

Меня приободрила разговорчивость мистера Уоттса и секреты, которыми он со мной поделился. Я сгорала от нетерпения задать еще один вопрос и понимала, что сейчас самое время. Если бы я только могла собрать всю свою смелость. Но я не могла найти способа перейти от темы разочарования мистера Уоттса из-за нелюбви его умершей жены к «Большим надеждам» к тому, почему он тянул за собой тележку с миссис Уоттс. И почему носил тот красный клоунский нос. Момент прошел. Ветка упала к его ногам, и к тому времени, когда он наклонился, чтобы поднять ее, возможность была потеряна.

Глава восемнадцатая

Партизаны пришли без предупреждения. Их глаза сверкали на черных лицах, космы длинных липких волос были перевязаны цветными веревками. Эти бунтари носили подрезанные джинсы. На некоторых были ботинки, отобранные у краснокожих солдат. Те мне сразу не понравились. Но большинство их ходило босиком. Их майки липли к тощим торсам. На некоторых были рубашки без пуговиц или рукавов, оторванных на плечах. Как и краснокожие, они прижимали к себе свои ружья и винтовки, словно те были близкими родственниками.

Двое появились на краю джунглей. Еще трое пришли со стороны берега. Один вышел из-за угла нашей хижины. Еще двое — из-за угла школы. Они выползали из-за деревьев. Их было не больше дюжины.

Мы не знали, как к ним относиться, не смотря на то, что это были наши ребята. Беда в том, что они тайком подобрались к нам, что было совсем не дружественным жестом. Но это не все. Похоже,

они знали о нас. Они наблюдали за нами? Стояли ли они в тени гигантских деревьев, слушая, как мистер Уоттс рассказывает о том, что его жена так и не прочла книгу, которую мы, дети, изо всех сил пытались вернуть к жизни? Ничего из того, что они увидели, не удивило их. Ни наши грубо сколоченные хижины; ни школа, которая задержалась в наших краях, словно четкий отпечаток старого и знакомого мира, который мы когда-то знали и в котором жили.

Это были наши ребята, но их лица уже были не те, что мы знали. Мы смотрели, как они собирались на краю джунглей, некоторые из них сгибались под винтовками. Мы видели, что они тоже не знали, как быть с нами. И их сомнения заставляли нас бояться. Было столько неопределенности.

Похоже, они знали, что краснокожие нанесли нам визит. Но партизаны не знали, что мы им дали или рассказали. Мы знали, что случилось с деревнями, которые сотрудничали с краснокожими. В головах партизан мы могли быть такой деревней.

Отец Гилберта поднес им кое-каких фруктов. Партизаны и не подумали пойти ему навстречу.

Они стояли с винтовками в руках и смотрели с подозрением. Они стояли слишком далеко от нас, чтобы мы могли слышать, что они говорят. Через несколько минут один из сидящих партизан поднялся, чтобы угоститься гуавой. Другие смотрели, как он ест, и когда он не упал замертво, они оторвались от своих мест, сняли оружие и подошли к угощению. Они были голоднее, чем хотели показать. Мы видели, как они выплевывают семена и кожуру.

Мистер Масои привлек их внимание и указал на нас, наблюдавших за ними, как зрители. Мы поняли, что отец Гилберта предлагал им еду и кров. Хотя, я думаю, он не меньше нашего надеялся, что они уйдут, просто испарятся, потому что их присутствие делало нас мишенью краснокожих солдат. Я уже говорила, что мы потеряли счет времени. Но я попытаюсь угадать. Скажу, что шахта закрылась за три года до того, как партизаны вошли в нашу жизнь. Это значит, что эти парни жили в джунглях, убивая краснокожих и скрываясь от них, три года. Мы были одного цвета. Мы были с одного острова. Но их образ жизни изменил их. Они отличались от нас. Мы видели это по их глазам и движениям головы. Они превратились в лесных существ.

Не доверяя открытым пространствам, они организовали лагерь под деревьями и подальше от свиней. Они сидели тихо до темноты. Позже я услышала, как они попросили лекарства, хотя я не заметила среди них больных или раненых. Я видела, как люди приносили им еду. Нас послали произвести на них приятное впечатление.

Дети поменьше подталкивали друг друга к ним все ближе и ближе. Один из партизан поворачивал голову, хлопнув в ладоши или свистнув, и дети бросались врассыпную как рыбки. Партизаны закидывали головы и хохотали, и их смех был самым успокаивающим знаком для нас. Если не считать их измазанных бетелем губ и безумных взглядов, может, они и не сильно отличались от нас.

В ту ночь они разожгли небольшой костер. Мы видели их силуэты, которые поднимались и отходили в темноту, но они нас не видели. И не слышали наш шепот. Я лежала рядом с мамой и чувствовала, как она напряжена. Я слышала, как сдавленно она дышит. Ей хотелось пойти к ним и сказать, чтобы они поубавили тон. Те, что помоложе, пытались уснуть. Голоса партизан разносились в темноте. Они были в семидесяти

метрах от нас, но, казалось, что они были совсем рядом.

Некоторые из них пили сок джунглей; они становились все громче и буйнее. Настоящие солдаты сидели бы тихо и передвигались, словно тени — точно так, как эти парни вошли в нашу деревню. Но сок джунглей имел такой вот эффект. Они забывали, кто они есть.

Я смотрела, как мама поднялась и подошла к двери нашей хижины. Я спросила, куда она собралась. Сначала она не ответила.

— Они хотят девушек, — в конце концов, произнесла она.

Странно. Я не представляла, что речь идет и обо мне, пока мама не забаррикадировала нашу хижину. Теперь я чувствовала себя странно, как кусочек фрукта, который не знает, что он — фрукт, а значит — объект чьего-то аппетита.

На следующий день, к вечеру, они нашли мистера Уоттса. Мама и другие женщины несли им еду, когда мы увидели, как мистер Уоттс идет в нашу сторону. По обе стороны от него шли два партизана. Они поверить не могли тому, что нашли. Они использовали приклады винтовок, подталкивая ими свой приз. Мистер Уоттс

выглядел рассерженным. Его вовсе не нужно было толкать в спину. Я видела, как он поправил очки.

Один за другим партизаны вскочили на ноги. Мистер Уоттс сделал вид, что не замечает эту суету. Один подвыпивший партизан подбежал и своим пьяным от сока джунглей голосом заорал мистеру Уоттсу в лицо:

— Я трахну тебя в задницу!

Я видела, как мистер Уоттс замер, его голова осторожно повернулась. Он снял очки и стал изучать их. Словно его мысли были где-то далеко, будто он думал о том, чем занимался, пока его не перебили. Пьяный партизан танцевал вокруг мистера Уоттса и показывал грубый жест пальцами. Некоторые из партизан смеялись, включая тех, что нашли мистера Уоттса. Пьяный партизан начал расстегивать штаны:

— Я тебя трахну.

Мистеру Уоттсу надоело это слушать, и он очень твердым голосом произнес:

— Ничего подобного ты не сделаешь.

И, указывая на то место, откуда выпрыгнул партизан, добавил:

— Ты сядешь там и будешь слушать.

Мистера Уоттса не интересовало, убедил ли он того партизана. Для него парень просто перестал существовать. В наших глазах пьяный выглядел смехотворно. Он тоже это понял, потому что отвернулся и стал застегивать ремень. Другие встали и отошли от своего компаньона. Затем партизан, которого мы посчитали за главного, хотя и не были уверены в том — солидный мужчина с прикрытым глазом — поднялся со своего места, подошел к мистеру Уоттсу и спросил, как его зовут. Он говорил любезно, и мистер Уоттс ответил, не колеблясь:

— Меня зовут Пип.

— Мистер Пип, — сказал партизан.

Многие из нас могли тогда сказать, что мистер Уоттс врет. Мы могли поднять руку, как в классе. Вместо этого мы ничего не сказали и ничего не сделали. Но когда тот человек спросил у мистера Уоттса его имя, нам показалось, что ответ вертелся у него на кончике языка, что он готов был к этому вопросу. Конечно, партизаны не понимали, какое значение имел его ответ. Они никогда не слышали о Пипе, мистере Диккенсе или «Больших надеждах». Они вообще ничего не знали. Для них это было всего лишь еще одним именем белого человека.

Партизан повторил слово «Пип» и оно прозвучало как что-то неприятное, словно он его хотел выплюнуть. Затем мистер Уоттс стал цитировать строки из «Больших надежд»:

— «Мне дали при крещении имя Филип, а так как из того и другого мой младенческий язык не мог слепить ничего более внятного, чем Пип, то я называл себя Пипом, а потом и все меня стали так называть».

Я не могла понять, было ли это невероятной отвагой или абсолютной глупостью. Человек с прикрытым глазом начал задавать вопросы. Откуда он родом? Что делает здесь? Был ли он шпионом? Послало ли его австралийское правительство? Я слышала вопросы, но не слышала ответов мистера Уоттса. Мама крепко держала меня за руку и тащила меня прочь. Мы оставляли мистера Уоттса одного. Я была уверена, что мы больше его не увидим, и так же, как и мама, была очень напугана.

Мы добежали до края берега. Но куда мы бежали? Море распростерлось до самого дальнего уголка неба. Мы были в безвыходной ситуации. Нам некуда было бежать, кроме как в свои хижины.

В темноте мы приползли обратно, как капризные детишки, раскаивающиеся в том, что думали, будто смогут сбежать сами. Может, не совсем так. Мы не чувствовали облегчения. Скорее, мы лежали и ждали, что случится что-то ужасное.

Чуть позже я услышала, как отец Гилберта зовет меня у входа в хижину.

— Матильда, ты здесь? Пойдем.

Мама ответила за меня. Она сказала, что меня нет. И в этот момент большая голова отца Гилберта протиснулась внутрь.

— Матильда, — сказал он. — Мистер Уоттс зовет тебя.

Мама ответила, что я останусь здесь. Отец Гилберта сказал, что все в порядке. Что он присмотрит за мной. Он пообещал ей. Это не то, что она подумала. Он сказал:

— Долорес, я позабочусь о Матильде. — Я почувствовала, как мама ослабила хватку на моей тощей лодыжке.

Отец Гилберта держал мою руку, но я знала, что это могла бы быть та же рука, что вела доверчивую козу на бойню.

Огонь в лагере партизан мерцал и вспыхивал на фоне неровной черноты. Я замечала подобные

мелочи, как замечала бешеное биение своего сердца и нервный пот. По мере того, как мы приближались, стало ясно, что что-то изменилось. Мистер Уоттс стоял и разговаривал с человеком с прикрытым глазом. Когда мистер Уоттс увидел меня, на его лице отразилось облегчение. Он извинился и подошел ко мне. Выражение его лица стало слегка озадаченным. Таким оно было, когда Гилберт поднял руку и спросил, почему Пип не похитил Эстеллу, если она так нравилась ему. Он положил руку мне на плечо. В этот момент отец Гилберта передал меня на попечение мистера Уоттса.

— Спасибо, Матильда. Надеюсь, ты не возражаешь. Я попросил тебя прийти на случай, если нужно будет кое-что перевести.

Что-то случилось с того момента, как мы убежали на берег и позже проскользнули в свою хижину, как улитки, прятавшиеся от мира. Во время нашего отсутствия мистер Уоттс утвердился в своем естественном авторитете. Теперь я заметила — когда он говорил, голоса у костра стихали. Держа руку на моем плече, он повернул меня к блестевшим лицам.

— Вы просили меня рассказать, что я здесь

делаю, — сказал он, — в каком-то смысле, вы просите рассказать мою историю. Я с удовольствием это сделаю, но при двух условиях. Первое, я не хочу, чтобы меня перебивали. Второе, моя история займет несколько ночей. Всего их будет семь.

В ту первую ночь собралась толпа, включая того партизана, что грозился трахнуть мистера Уоттса в задницу, и всех нас, детей, наших родителей, которые вышли из теней и стояли за нашими спинами.

Весть о том, что мистер Уоттс собрался рассказать свою историю, разлетелась тут же. Многие из нас пришли послушать о мире, которого никогда не видели. Мы жаждали того мира. Любого мира, отличного от нашего, который надоел нам до смерти, надоел тем страхом, в котором держал нас. Люди пришли по разным причинам. У каждого была своя теория насчет мистера Уоттса. Моя мама пришла, чтобы послушать о его жизни с Грейс и о том, как произошло это, по ее мнению, несчастное событие. Первая ночь была самой страшной, потому что мы не знали, насколько глубок интерес партизан и насколько хватит их терпения. Они пригласили мистера Уоттса рассказать о себе, и он собирался сделать это своим

приятным голосом и в той манере, которую мы, дети, знали так хорошо. Его первым условием было то, что никто не должен был его перебивать.

Эти партизаны уже много лет не слышали голоса, которым рассказывают истории. Эти парни сидели с открытыми ртами и ушами, чтобы уловить каждое слово, их оружие лежало на земле перед их босыми ногами, как бесполезные реликвии.

Решение мистера Уоттса представиться повстанцам Пипом было рискованным, но было легко понять, зачем он это сделал. Мистеру Уоттсу было удобно входить в роль Пипа. Если он хотел, он мог рассказать историю Пипа, написанную мистером Диккенсом, как свою, или мог взять ее элементы, и использовать их как ему будет угодно, вплетая их в новую историю. Мистер Уоттс предпочел второй вариант. Последующие шесть ночей я стояла рядом с мистером Уоттсом, пока он пересказывал свои большие надежды. Это был медленный рассказ.

Когда бы его рассказ не отходил от знакомого нам сюжета — к слову, того самого, который мы старались вспомнить — я слышала изменение в голосе мистера Уоттса. Когда я поднимала гла-

за, я видела, как он посматривает на меня, что было безмолвной просьбой просто продолжать переводить то, что он говорил, и не спорить. Иногда он поражал нас, детей, воспроизводя целые строки из книги — строки, которые мы узнавали тут же. Это были строки мистера Диккенса, которые мы еще не записали в тетрадь, и мне приходилось сдерживаться, чтобы не поздравить мистера Уоттса. Он знал гораздо больше, чем казалось тогда, когда он ставил перед нами задачу восстановить книгу. По какой-то причине я не чувствовала досады или обиды за то, что мы так доверчиво закрыли глаза на предложение вспомнить кусочки истории, которую наш лукавый учитель все это время знал.

История мистера Уоттса должна была стать такой же захватывающей, как и «Большие надежды» для нас, детей. На этот раз с интересом слушала вся деревня, сидя перед небольшим огнем на забытом острове, где происходили самые невообразимые вещи, ни разу не вызвав гнева внешнего мира.

Глава девятнадцатая

Пип мистера Уоттса вырос на кирпичном складе, который находился по дороге на медный рудник. Он совсем не помнил своих родителей. Его отец исчез без следа, «потерялся в море». Его мать перепила сока джунглей и упала с дерева во дворе дома. Когда она упала на пол, ее глаза выскочили из орбит. Когда она потеряла глаза, то потеряла и память. Она не помнила того, чего не видела, поэтому она забыла мистера Уоттса. Ее ближайшими родственниками были плантаторы сахарного тростника в Квинсленде, там она и провела остаток своих дней, в темноте, бродя среди потрескивающего тростника.

К счастью, с практикой мои переводы улучшились, и я начала расслабляться, когда видела, что люди слушают, не замечая меня. Они внимательно наклоняли головы, они навостряли уши, как собаки, только что услышавшие звук метлы, движущейся в их направлении.

Сирота мистер Уоттс был воспитан мисс Райан, старой затворницей, живущей в большом доме

с темными комнатами, затянутыми паутиной. Мистер Уоттс мало рассказал о своем детстве. Мы ничего не услышали о его школьных годах. Мы слышали о большом саде. Он помогал старушке полоть сорняки и сажать деревья. Он рассказал всего лишь об одном приключении.

На двенадцатый день рождения мистера Уоттса мисс Райан организовала для них полет на воздушном шаре над домом и садом. Когда они поднялись высоко над деревьями, он с изумлением раскрыл для себя форму сада. То, что он всегда считал дикой растительностью, оказалось аккуратной посадкой, призванной отразить узор ирландского кружева, подаренного мисс Райан для свадебного платья мужчиной, который обещал жениться на ней. Но он не явился на брачную церемонию. Мужчина был пилотом. За все те годы, что мистер Уоттс рос под опекой мисс Райан, ее прекрасная посадочная полоса так и не привлекла его самолет.

За два дня до своего восемнадцатилетия мистер Уоттс пришел домой и обнаружил мисс Райан распростертой на цветочной клумбе, которую она пропалывала: садовые перчатки на опухших пальцах, соломенная шляпа завязана под подбо-

родком, по лбу ползет божья коровка, которую мистер Уоттс тут же смахнул листом.

У старушки не было близких родственников, и хотя она так и не усыновила мистера Уоттса формально, она оставила ему свою собственность.

Прошло какое-то время, и мистеру Уоттсу надо было заняться домом. Я уже не помню, что он рассказывал, или что рассказывала я от его имени. Многое из того не так уж важно. Поэтому я перейду к решению мистера Уоттса разделить дом на две квартиры. Он сдал переднюю часть дома красивой черной женщине с нашего острова. Мистер Уоттс еще никогда не видел кого-то настолько черного. Никогда не видел таких белых зубов или глаз, которые сверкали каким-то дьявольским весельем. Молодой мистер Уоттс был околдован ею, ее чернотой, ее белоснежными зубами, и она, похоже, догадывалась, думал он, потому что дразнила его нещадно. Она бросала ему улыбки. Она поддразнивала. Она приближалась и, в то же время, ускользала прочь.

Они делили дом. Их жизни разделяла всего лишь стена, но если он приникал ухом к этой стене, он слышал ее движения. Когда было включено радио, он знал, что она готовит. Он знал,

когда она принимает ванну. Он знал, когда включался телевизор, и представлял ее, сидящей на полу с ногами, согнутыми под округлой попкой — именно такой он увидел ее однажды, когда пришел за рентой. Мистер Уоттс представлял ее жизнь, но не мог приблизиться, так как стена разделяла их.

Прислушиваясь по ночам к ее движениям по ту сторону тонкой стены, мистер Уоттс с нетерпением ждал суббот. В этот день Грейс мыла волосы и стирала белье, и мистер Уоттс точно знал час, когда эта мокрая процессия пройдет мимо его окна.

В холодную страну пришла зима. Сильные ветры ударяли в стену дома. Деревья облетели. Крыши срывало с домов как пробки с бутылок. В эту самую погоду мистер Уоттс открыл дверь Грейс, стоящей под проливным дождем.

У моей мамы была своя теория на этот счет. Она говорила, что все потому, что Грейс было одиноко, и что дело было вовсе не в мистере Уоттсе, он был всего лишь бесплатной чашкой чая.

Грейс пришла, чтобы попросить у мистера Уоттса совета. Она думала бросить учебу на

стоматолога. Ей это не нравилось, и все из-за бормашины. Все эти открытые рты и перепуганные глаза. Особенно глаза, сказала она. Словно снимаешь рыбу с крючка, только — это же люди. В ту зиму стена, что была преградой, была заменена деревянным столом; мистер Уоттс сидел с одной его стороны, а Грейс — с другой. К тому времени они уже полностью привыкли к обществу друг друга. Только стол разделял их, пока однажды вечером Грейс не поднялась и не перенесла свой стул на его сторону. Она села рядом с мистером Уоттсом, взяла его руку и положила на свое колено.

Кто-то из зрителей рассмеялся. Кто-то присвистнул. Мистер Уоттс кивнул и застенчиво улыбнулся. Нам это понравилось. Вероятно, затем последовали ухаживания, но мистер Уоттс предпочел не делиться с нами этим. Кроме того, мы и так знали, что мистер Уоттс и Грейс были парой, так что не было никакой загадки в этой части истории. Но у него действительно было нечто новое для нас.

Глядя на наши улыбающиеся лица, он, должно быть, решил, что более подходящего момента, чтобы рассказать об этом, не будет. Он коснулся

пуговицы воротника. Белизна его костюма сияла в свете огня.

— Моя дорогая Грейс подарила мне большое счастье, — сказал он. — Не было большего счастья для меня, чем когда она подарила мне дитя, девочку, которую мы назвали Сарой.

Мистер Уоттс остановился, но это не было обычной паузой, чтобы я могла перевести то, что он сказал. Он сделал это, чтобы прийти в себя. Он смотрел куда-то в ночь, высоко над пламенем костра.

Все видели, как он сглотнул, и наше молчание стало еще глубже. Он кивнул той малышке. Он улыбнулся, и мы улыбнулись вместе с ним. Он почти рассмеялся, и мы были готовы рассмеяться вместе с ним, когда он сказал:

— Мы не могли перестать смотреть на нее. Мы стояли у края колыбели и смотрели на ее личико.

Он кивнул воспоминанию, потом посмотрел на собравшихся.

— Кстати, вот так белый превращается в мулата, а черный — в белого. Если вам такое не по душе, все претензии к небу.

Те из нас, кто поняли его шутку, рассмеялись;

некоторые из партизан последовали хору из-за страха, что они чего-то не поняли. А мистер Уоттс продолжил.

— Я уже говорил вам, что пришел в этот мир сиротой. Я не помню своих родителей. У меня нет их фотографий. Я понятия не имею, как они выглядели. Но в чертах ребенка я видел черты моих родителей. Я видел глаза матери, я видел ямочку на подбородке, как у отца. Я помню, как стоял у колыбели, смотря не нее глазами исследователя, который видит новую территорию впервые. Это была знакомая, но запутанная территория. Я видел признаки англо-валлийского наследия на коже цвета кофе с молоком. Я и Грейс, мы создали между нами новый мир.

Мне нравилась эта идея. Она заставила меня задуматься о моем отце. Может, он и не потерялся. Или мы не потерялись. Если бы у меня было зеркало, я бы глядела в него, чтобы отыскать след моего потерянного отца. Тихие пруды в горах не дают увидеть все в таких деталях. Мое лицо мерцало и темнело. Так что я садилась на камень и водила руками по лицу. Я думала, что смогу найти какой-то явный след моего отца.

У моего отца был резиновый рот — видимо, от

сильного смеха. Мои губы были тоньше, как у мамы, и жесткие от высказываемых суждений. Я потрогала глаза, но они были просто моими глазами. Я нашла уши. У меня были большие уши, и я никогда их не потеряю. Это уши, чтобы слушать… Мама говорила, что отец пользовался своими, только чтобы слышать свой собственный раскатистый смех.

Я решила, что если у меня и были черты моего отца, то они были не на поверхности, а глубже. Может, они в сердце или в голове, там, где собираются воспоминания. И я подумала, что могла бы пожертвовать любым физическим сходством ради надежды, что он не забыл меня, свою дочь, Матильду, где бы он ни был там, в белом мире.

Глава двадцатая

Мы собирались каждую ночь. Кто-то сидел на земле, скрестив ноги, кто-то лежал, подложив руки под голову, чтобы считать звезды, когда они появятся одна за одной подобно рыбам, выныривающим из своих норок в рифах. Некоторые оставались стоять, как будто собирались уйти в любую минуту (но всегда оставались).

Мама всегда приходила последней. Для нее это было вопросом гордости. Ей нравилось делать вид, будто у нее полным-полно других, более важных занятий.

Именно это впечатление она надеялась произвести на тех, кому было до этого дело. Ей приходилось ждать, пока последний человек не присоединится к слушателям. Только тогда она позволяла себе передумать, решая, что, возможно, у нее найдется время, чтобы послушать рассказы мистера Уоттса, особенно теперь, когда выяснилось, что и он способен чем-то удивить.

Если бы вы внимательно посмотрели на мистера Уоттса, то заметили бы, что он погружен в

себя. Его глаза были закрыты, как будто он пытался разглядеть далекие слова, слабо мерцающие как отдаленные звезды. Он никогда не повышал голос. В этом не было нужды. Было слышно лишь потрескивание костра, шепот моря и ночную жизнь деревьев, пробуждающихся от дневной дремы. Но когда раздавался голос мистера Уоттса, умолкали и все эти создания. Даже деревья слушали. И старухи тоже. И даже с тем почтением, которое они приберегали только для молитвы еще в те времена, когда у них была крыша, под которой можно было сидеть, и немецкий пастор, на которого можно было смотреть.

И партизаны были так же очарованы, как и все мы. Три года в джунглях, проведенных в охоте на краснокожих, сделали их опасными, но когда я увидела их спокойную сосредоточенность возле костра, то поняла, что они соскучились по классной комнате. Они сами были еще детьми. Одному, с прикрытым глазом, было не больше двадцати, остальным и того меньше.

Теперь я понимаю, что это были всего лишь дети в изодранной одежде и с оружием, оставшимся с другой войны. Но у них была власть. Они задали вопрос, которые другим даже в голову

не приходил. Вопрос был достаточно простым. Кто ты? Итак, в первую очередь им требовалась информация. А затем они обнаружили, что очарованы историей мистера Уоттса. К третьей ночи все определилось. Мистер Уоттс был Пипом, а они — как и все мы — стали слушателями.

Мистер Уоттс говорил так, что никто не оставался в стороне. Когда бы он не упоминал имя Грейс, мы наклонялись вперед, что стать ближе к истории одной из нас в белом мире. Когда голос мистера Уоттса начинал запинаться, мы знали, что ночной рассказ подходит к концу. Его голос мог остановиться в середине предложения, и в этот момент некоторые из нас начинали вместе с ним вглядываться в темноту. Это была хитрость, потому что, взглянув на него снова, вы могли лишь заметить, как он исчезает в темноте на пути к своему дому.

Я не буду стараться подражать ему больше, чем делала тогда. Но костяк его истории, которую я теперь воспринимаю как тихоокеанскую версию «Больших надежд», остался со мной. По сравнению с оригиналом, версия мистера Уоттса чем-то напоминала сериал, поделенный на определенное количество ночей с запланированным

финалом.

На это время мистер Уоттс объявил каникулы, так что мы, дети, видели его только по ночам. Это означало, что мы снова были вынуждены чем-то заполнять тянущиеся дни.

Поэтому, когда однажды утром я увидела, как мистер Уоттс направляется к холмам, я последовала за ним. Не потому, что хотела что-то спросить или вспомнила еще один фрагмент «Больших надежд», и даже не затем, чтобы понять, доволен ли он тем, как я до сих пор справлялась со своей задачей. Я последовала за мистером Уоттсом с тем же бездумным ощущением преданности, с каким собака поднимается и идет за хозяином, а прирученный попугай прилетает на плечо владельца.

Я столкнулась с ним у могилы миссис Уоттс. При моем приближении он повернул голову ровно настолько, чтобы увидеть, кто это, и не найдя повода для беспокойства, снова стал глядеть на могилу. Я увидела, как ему на шею сел москит. Мистер Уоттс то ли не заметил его, то ли ему было все равно. Я стояла позади него, глядя на последнее пристанище миссис Уоттс.

— Умеешь ли ты хранить секреты, Матильда? — спросил он. И продолжил, не дожидаясь

моего ответа.

— В ночь после полнолуния придет лодка, — сказал он. — Еще пять ночей и отец Гилберта отвезет нас к ней. Несколько часов в открытом море и мы окажемся на Соломоновых островах, и здесь, осмелюсь предположить, ты уже сама сможешь принять решение.

Когда я ничего не ответила, мистер Уоттс подумал, что знает причину моего молчания.

— И твоя мама тоже, — добавил он. Но я думала в тот момент не о маме, а об отце, ведь я, наконец, смогла бы его увидеть.

— И еще, Матильда, и это очень, очень важно. Не говори Долорес, пока я не скажу, что можно.

Я не отрывала взгляда от могилы миссис Уоттс, так что скорее почувствовала, что мистер Уоттс смотрит на меня.

— Ты ведь поняла, Матильда, не так ли? Просто кивни, если поняла.

— Да, — ответила я.

Он приглашал меня покинуть единственный мир, который я знала. Хотя я могла мечтать об этом, я никогда на самом деле не представляла, что покину остров, я не представляла мир, который ждет, чтобы принять меня.

Он сказал:

— Тебе нечего бояться.

— Нет, — ответила я.

— Это правильно. Тебе не следует. Пожалуйста, помни, что я сказал тебе, Матильда.

— Я понимаю.

— Не пойми неправильно. Я собираюсь поговорить с Долорес. Но сейчас, тем не менее, это наш секрет. Только ты, я и эти деревья. О, и миссис Уоттс.

И снова я лежала, раскинувшись в темноте без сна, думая о своей тайне и прислушиваясь к сонному дыханию мамы. Мистер Уоттс не доверял ей. И как следствие этого, я теперь тоже не могла доверить ей то, что знала; что меньше чем через неделю она покинет остров со мной и мистером Уоттсом. И кто знает, может, пройдет всего пара недель, и я увижу своего отца.

Я отчаянно хотела рассказать ей. Как-то она спросила меня, хочу ли я ей что-то сказать, потому что, по ее словам, она слышит, как это хлопает крыльями у меня в голове.

— Просто думаю, — сказала я.

— О чем? — спросила она

— Да ни о чем таком, — ответила я.

— В таком случае ты можешь сходить к мистеру

Масои и попросить рыбы.

Я чувствовала себя не лучшим образом, зная, сколько надежды могут дать ей мои новости. Это может заставить ее по-другому думать о моем отце. Она может начать думать о внешнем мире, попытаться, наконец, представить себя его частью. Но я также понимала — и мистеру Уоттсу не нужно было это мне разжёвывать — рассказывать маме было рискованно. Я понимала, причем куда больше чем мистер Уоттс, насколько далеко она может зайти, стараясь свести с ним счеты.

Когда я была с другими детьми, мои щеки горели от скрываемой тайны, и в то же время я чувствовала печаль. Они понятия не имели, что пройдет меньше недели, и я уже никогда не увижу их снова. Часть меня уже прощалась с окружающим миром: с раскинувшимся небом, с ручьями в горах, щебетанием птиц, хрюканьем свиней.

Но секретный план побега мистера Уоттса начал беспокоить меня. Если мы собирались покинуть остров, то мою маму следовало предупредить заранее — а не так, как это собирался сделать мистер Уоттс. Получалось, что у нее почти не будет времени на раздумья. Я боялась, что

она скажет нет, и боялась предстоящего мне в таком случае выбора.

Я не собиралась нарушить обещание мистеру Уоттсу, но я чувствовала, что маму нужно как-то подготовить. Единственным доступным для меня способом помочь ей, было рассказать ей о том, как мистер Джеггерс приехал к Пипу на болота. Эта была та часть истории мистера Диккенса, которую я запомнила навсегда. Мысль о том, что иногда твоя жизнь может измениться без всякого предупреждения, была очень привлекательной. Я подозревала, что мама назовет это по-другому. Она скажет, как это сделал и Пип, что ее молитвы были услышаны. Именно об этом я и поговорила с мамой, когда мы проснулись и лежали на рассвете как снулые рыбы.

Я говорила быстро и со знанием дела о мире, в котором никогда не была, но который понимала столь ясно, как и тот кусок тропического побережья, где мы жили, и мама слушала, как стал бы каждый, кто хочет узнать больше о мире. Она услышала о готовности Пипа оставить все, среди чего он вырос — ужасную сестру, старину Джо, напыщенного мистера Памбчука, болота, блуждающие огоньки — все, что называлось домом.

Тот мир, который мистер Уоттс открывал для нас возле костра партизан, находился не на острове, не в Австралии или Новой Зеландии, и даже не в Англии середины девятнадцатого века. Нет. Мистер Уоттс и Грейс создали совершенно новое место, которое они назвали запасной комнатой.

Запасная комната. Я не совсем понимала, как это перевести. Я рассказывала о лоне, которое нужно наполнить, лодке, которую нужно наполнить рыбой. Я говорила о кокосе, из которого вынули белую мякоть и молоко. Запасная комната, сказал мистер Уоттс, нужна была, чтобы однажды их ребенок с кожей цвета кофе смог назвать ее своей.

До рождения Сары они использовали запасную комнату как свалку для вещей, которыми не пользовались. Теперь они решили освободить ее, чтобы начать заново. Они хотели, чтобы там не осталось давно сказанных слов. Они хотели населить комнату своими представлениями о месте, которое жило в их мечтах. Зачем давать шанс вещам, думали они. Зачем упускать возможность, которую дает чистая стена? Зачем покрывать стены обоями с зимородками и стайками птичек, когда они могут поместить на стены что-то полез-

ное? Они договорились собрать свои миры рядом и позволить дочери выбрать, что ей хочется.

Однажды ночью Грейс написала на стене имена членов своей семьи, всю историю, которую шаг за шагом можно было проследить до мифической летающей рыбы.

Первый раз, с тех пор, как я начала переводить для мистера Уоттса, меня прервали. Полуслепая прабабушка Грейс спросила у мистера Уоттса, не забыла ли ее своенравная правнучка написать ее имя на стене?

Мистер Уоттс закрыл глаза. Его рука поглаживала подбородок. Он начал кивать.

— Да, написала, — сказал он, и старая женщина перевела дух. Теперь еще кто-то — тетка Грейс — поднял руку, чтобы задать тот же вопрос. И так же поступили еще пять или шесть родственников, пока все не получили удовлетворяющие заверения, что их имена оказались на стене дома, который находился где-то далеко в мире белых.

Они покрасили стены комнаты в белый цвет, как предложил мистер Уоттс, и Грейс написала: «История белого цвета на острове, где я родилась».

И теперь, к удивлению нас, детей, мы принялись слушать все те истории, которые наши матери, дяди и тетки приносили в класс мистера Уоттса. Что мы думаем о белом цвете. Что мы думаем о голубом цвете. Мистер Уоттс сплел свой рассказ из нашего опыта, наших жизней, всего того, что приносилось в класс, чтобы поделиться с нами. Мистер Уоттс добавил и что-то новое, например, мысли Грейс о коричневом цвете.

Коричневого мороженого не существовало, пока не изобрели замороженной колы; оно появилось и тут же исчезло со скоростью кометы. Когда больше не осталось ни одного, Грейс спросила у продавца в магазине, почему, и тот ответил, что никто не хотел коричневого мороженого. Она сказала:

— Мы хотели.

И он ответил:

— Вы, чертовы дети, не в счет. А теперь убирайся.

Партизаны вокруг костра пихали друг друга, свистели и смеялись, так что на зов прибежал бродивший вдали одинокий пес.

Я начала переводить еще одно сложное место: рассказ мистера Уоттса о белом цвете. Мисс Райан

однажды рассказала ему, что воспользовалась белой жвачкой, чтобы закрепить белый зуб, которым она ударилась о питьевой фонтанчик перед свиданием с пилотом самолета, которого она запомнила по запаху ваксы на его черных ботинках!

Мистер Уоттс остановился и посмотрел на меня. Он казался очень довольным собой. Очевидно, он думал, что его слушатели будут очарованы, когда я переведу его слова. Но что, черт подери, такое эта «вакса на черных ботинках»?

— Ведь в те дни, — продолжил мистер Уоттс, — все пахли белым мылом.

Я поймала взгляды Селии и Виктории. Я поняла, что не одинока в своих ощущениях. Мы начали нервничать из-за мистера Уоттса. Он говорил какую-то ерунду. Я вдруг обнаружила, что думаю о «Больших надеждах», Джо Гэрджери и бессмыслицах, которые он постоянно рассказывал.

Я вспомнила, как слушала как читает мистер Уоттс, и слышала слова, которые сами по себе были мне понятны, но когда они складывались в предложения, то в этом не было никакого смысла. Когда мы попросили объяснить смысл наблюдений Джо, мистер Уоттс сказал, что нам

необязательно это понимать. Когда кузнец говорил всякую ерунду, еще можно было понять. Но так как это происходило на самом деле, я переживала, что мистер Уоттс так перемешал своих персонажей, что каким-то образом выскользнул из образа Пипа и перевоплотился в Джо Гэрджери. Мой перевод не смог так впечатлить слушателей, как на то рассчитывал мистер Уоттс, если судить по его довольной усмешке. Вместо этого он по-прежнему смотрел на слушателей, которые подобно псам сидели в ожидании обещанной кости.

Он быстро опомнился и заговорил о соседе мисс Райан, который отвозил экипажи летающих лодок к берегу на островах. Когда он умер от сердечного приступа, его нашли возле наполовину расписанной коробки для писем, и он все еще держал кисточку, которую обмакнул в белый цвет. Слишком много сахара, как нам сказали. Или соли?

Он снова вернулся к рассказу о белом цвете.

— Самый белый цвет, — сказал он, — находится в середине унитаза. Белизна соседствует с чистотой. Чистота соседствует с набожностью.

Белый, сказал он, раньше был цветом только

пилотов и стюардесс. Ребенком вы сначала узнаете о белых странах.

Хлеб — белый, как и пена, жир и молоко.

Белый — это цвет резинки, которая удерживает все в надлежащем месте. Белый — это цвет скорой помощи, бюллетеня для голосования и курток парковых смотрителей.

— Но самое главное, — сказал он, — белый — это ощущение.

Я уловила ритм мистера Уоттса и перевела все без колебаний.

Мимолетная мысль может просто удивлять. Слова, написанные или произнесенные вслух, требуют пояснений. Когда я переводила мнение мистера Уоттса о том, что «белый — это ощущение», могу поклясться, что весь остров затих. Мы давно это подозревали, но не были уверены. Теперь мы могли это услышать.

Мы ждали и ждали, и пока мы ждали, мистер Уоттс застыл и не смотрел на нас. Сначала, как мне казалось, с сожалением, что вообще открыл эту дверь. Но затем я увидела, как он кивнул сам себе, и самым открытым и честным голосом, который я только слышала от него, он сказал:

— Это правда. Мы чувствуем себя белыми людь-

ми рядом с черными.

Это заявление вызвало всеобщее замешательство, и, хотя я подозревала, что всем хотелось бы услышать больше, Дэниел внезапно заговорил.

— Мы чувствуем то же самое, — сказал он. — Мы чувствуем себя черными рядом с белыми.

И это разрядило напряжение. Все засмеялись, а один из партизан, исполняя по дороге буйный танец, направился к Дэниелу с возгласом «Дай пять». Дэниел сиял. Они понимал, что сказал что-то важное, но не был уверен, что именно.

Глава двадцать первая

Вначале Грейс написала имена своих родственников на стенах комнаты для гостей. Дальше в ход пошли и другие темы. Мистер Уоттс и Грейс каждый записали свою историю и идеи. Они ссорились как два петуха. Они писали названия мест. Киета, Арава, Грейвсенд — задний проход Англии, через который она испражняется своими эмигрантами. Я услышала такое описание этого места много лет спустя.

Юные партизаны не знали, что идеи Грейс на самом деле принадлежали нам — сидящим рядом. Я не могу сейчас вспомнить их все. Я помню жалобы мистера Уоттса на то, что иногда она забывала как-то заканчивать предложения. Фраза просто прерывалась, и взгляд упирался в пустое место. Когда он сказал об этом, Грейс спросила его: «Что ты предпочтешь? Сидеть и болтать ногами на краю причала или засунуть их в жесткие кожаные туфли?»

Подозреваю, что мне запомнились лишь самые причудливые и странные записи из тех, что по-

крывали стены. Некоторые перепутались между собой. Обычные, но, возможно, наполненные более глубоким подтекстом истории, стерлись из памяти. Но вот эти я помню.

Вещи, которые говорят тебе, где находится дом.

За что цепляется память. Окно того дома. Дерево перед домом.

Красногорлая птица-перевозчик, легкая как авиа-письмо, которая перелетает Тихий океан с севера на юг и обратно, всегда верит, что найдет свой дом.

Непринужденность незнакомцев, которые спрашивают: Что вы знаете?

Рык автобуса, переключающего передачу в двух улицах отсюда, там, где дорога начинает взбираться вверх обратно в детство.

Сильный ветер, который придает индивидуальность всему, что подхватывает на пути (бумагу и листья).

Карта древнего моря, которая выглядит как веревочная сумка для покупок, включая верёвки, чтобы справляться с текущими и преобладающими ветрами.

Запах гнилых фруктов.

Запах свежескошенной травы и масла газонокосилки.

Священный покой человека, который прожил семьдесят пять лет на одном острове, и которому больше нечего сказать.

История мира

Шаг первый. Вам нужно много воды — и сверху, и снизу. Вода небес наполняет озера и реки. Теперь добавьте поровну темноты и дневного света. Пока светло, солнце вытягивает воду обратно, чтобы вновь наполнить небеса.

Шаг второй. Человек рождается из праха. И в конце жизни обращается в прах. И снова: то, что берется, возвращается обратно.

Шаг третий. Самый важный из всех. Возьмите ребро и создайте женщину, чтобы мужчина был не одинок, благочестив и сыт. Добавьте полную ложку сахара для удовольствия и горьких трав для слез. И того, и другого будет в достатке, а остальное просто следует за ними.

История памяти

Я скучаю по тому, как смеются на острове. Белые люди смеются совсем не так. Они сдержанно посмеиваются, это смех только для себя.

Я пыталась научить твоего отца правильно смеяться, и он учился. Но он не достаточно практикуется. Я скучаю по теплому морю. Раньше

каждый день мы, дети, прыгали с причала. Но никогда по воскресеньям. Ты знаешь почему. Мне не хватает голубого цвета и летучих собак в сумерках. Я скучаю по звуку падающего кокоса.

Разбитые сны

Девушка, жившая по соседству в том месте, где я выросла, ходила во сне. Было просто удивительно, как далеко она могла добираться — все это время не прекращая спать. Однажды она отправилась на каноэ до рифа, добралась туда и вернулась обратно на свою циновку. Или иногда можно было заметить, как она быстро идет по пляжу, как будто опаздывает в церковь.

Однажды мы обнаружили ее в своем доме, сидящую за столом, ее глаза были закрыты, однако во всем остальном она выглядела так, будто ждала, чтобы ей подали охлаждающий напиток. Я собралась разбудить ее, но мама остановила меня. Что, если она видит сон… Сны — это личное, сказала она. И была права. Сон — это история, которую никто другой не может услышать или прочитать.

Благодаря снам, за всю историю галактики этот мир изобретался заново больше раз, чем звезд на небе.

Девушке в нашем доме, конечно, могло просто сниться, что она прыгает с причала, но это тоже считалось.

Как найти свою душу

Если ты солжешь матери, то, возможно, лишь почувствуешь, как румянец разливается жаром под кожей. Но позже, часа в два ночи, сидя в этой дурацкой машине, ты начинаешь чувствовать себя коварной обманщицей. Это ощущение должно откуда-то браться, и это так и есть. Оно прячется где-то глубоко в твоем теле. Бесполезно просить врача найти его. Он так же ничего не знает об этом, как и твой отец. Ты должна помнить об аде. Не стоит спрашивать отца. Его познания в географии не так уж глубоки. Ад для него куда менее важен, чем Лондон или Париж. Все. Что ты делаешь в таких местах — это ешь, гадишь и фотографируешь. Рай и ад — эти города находятся в твоей душе. Именно там ты выросла!

Твои шнурки для ботинок

Шнурки для ботинок бесполезны сами по себе. Нужна обувь, чтобы их можно было использовать. Человек без Бога — лишь плоть и кровь. Дом без Бога — пустой дом, ожидающий вселения дьявола. Ты должна осознавать границы.

Границы

Косы напоминают нам, что иногда тяжело понять, где заканчивается добро и начинается зло.

Мистер Уоттс и Грейс договорились собрать свои миры рядом, соединить их на стенах этой пустой комнаты и позволить своему ребенку самому выбирать, что ей захочется.

Но никто из них не хотел признать, что они оба хотят, чтобы дочь переняла именно их идеи и позиции, которые зачастую противоречили друг другу. Я знала — как и почти все — что мистер Уоттс не верил в Бога. Ему не нужно было заявлять об этом. Достаточно было посмотреть на него, когда моя мама приходила читать нам лекцию о дьяволе.

В классе он встал позади нее, подбородок склонен к груди, глаза закрыты, руки скрещены на груди, как будто он отвергал от себя все то, что слушали мы, дети. Теперь же, перед слушателями у костра, он явно показал, что не верит в Бога. Но сделал это с расстояния запасной комнаты. Если бы все пошло плохо, он всегда бы мог сказать, что изменился. Спас свою душу.

В голосе Грейс звучала отвага — и юмор, ко-

торый ей удалось перенести на стену. Мистер Уоттс переживал, что Сара услышит веселый голос своей матери, и это уже само по себе заставит ее поверить в Бога. Грейс была убедительна, но, кроме этого, не поверить в него — означало предать свою маму. Мистер Уоттс оказался в затруднительном положении. Что делать? Его собственные записи выглядели как исследования. Они не были забавными. А они должны были быть забавными, чтобы конкурировать с интересными историями Грейс о душе и дьяволе.

Однажды ночью, очень-очень поздно, он прокрался в комнату и нанес белила везде, где на стене было написано слово дьявол. Вскоре цвет слова «дьявол» стал превращаться в бледно-коричневый. Мистер Уоттс воодушевился. Казалось, что угрожающее слово может исчезнуть навсегда. Через несколько дней он застал Грейс за наклеиванием малярной ленты, отделяющей имена его любимых, почти живых для него персонажей, от имен ее родственников. Когда мы услышали это, то один или два старших родственника Грейс тихонько захлопали. Остальные одобрительно закивали.

Мы знали, кому желаем победы в битве за за-

пасную комнату, особенно моя мама. И когда все свелось к смеху, это уже не было соревнованием. Вот примечание, которое Грейс добавила к своим мыслям о разбитых снах:

Вздрогнувшая собака— это знак. Иногда собака поднимается и смотрит по сторонам, как будто ее блоха укусила за задницу. На самом деле она ищет, куда убежал сон. Иногда она просто ложится снова, кладет морду на лапы и ждет, когда он вернется.

Когда партизаны слушали эти маленькие истории, они смеялись, сверкая белыми зубами в отблесках огня. Настоящим авторам этих рассказов и анекдотов оставалось лишь улыбаться в тени самим себе. Одним их них была моя мама. На самом деле, большая часть того, что, как сказал мистер Уоттс, Грейс написала на стенах запасной комнаты, было маминым восприятием мира; много чего из этого мы, дети, слышали, когда она приходила в класс, чтобы обрушиться на наши головы.

На пятую ночь Мистер Уоттс представил на стене кусочек о Пипе против дьявола, который мы слышали в классе. Только мы, дети, знали историю этих дебатов. Теперь мы узнали, что

бы случилось, если бы это попало в запасную комнату.

Мистер Уоттс бросил вызов Грейс, предложив описать дьявола. Когда он объявил об этом у костра, я почувствовала, как моей шеи коснулось дыхание мамы, хоть она стояла в отдалении. Это был один из тех моментов, когда я чувствовала, что мистер Уоттс обращается к ней лично. В битве за запасную комнату он собирался использовать их давний спор в классе в свою пользу. И она была готова к этому.

Я беспокоилась, что может случиться, если мистер Уоттс воспользуется случаем взять реванш. Я боялась, что ее непоколебимая вера отделит ее от всех нас. Она будет защищать идею о Боге и дьяволе, даже если для этого нужно будет нарушить правила, установленные мистером Уоттсом. И я знала, что будет, если она раскроет рот слишком поспешно: все, что оттуда выйдет — это гнев.

— Итак, — начал мистер Уоттс, — как мы может узнать это создание? У него есть рога? Он покажет визитку? У него безгубый рот? Нет бровей? В его глазах светится разврат?

Задавая эти вопросы, мистер Уоттс создавал

дьявола перед нашими глазами. И так же быстро, как он создал этот образ у нас в головах, он разрушил его тем же объяснением, которое мы слышали от мамы.

— Мы знаем дьявола, потому что знаем себя. Как можем знать Бога? Мы знаем Бога, потому что знаем себя.

Маме должно было это понравиться.

Для тех парней среди слушателей, которым было известно, что такое однажды зарубить краснокожего, а затем тащить на себе раненного брата через горы, должно было стать облегчением услышать, что их кровь не такая уж и дурная. Эти парни, сидящие вокруг костра, были поражены тем, что мы, дети, уже слышали раньше в классе. Спор без победителя между мистером Уоттсом и моей мамой. Готовность мистера Уоттса поверить в одного созданного персонажа (Пипа), но не в другого (дьявола). Утверждение мамы, что дьявол более реален чем Пип. Припертая к стенке, она могла бы признать, что воплощенная версия дьявола — включая встречу с той ведьмой из ее детства, которая превратилась в отвратительную хищную птицу — это всего лишь шоу-бизнес.

То, что мы слушали, было вовсе не историей

мистера Уоттса. Это не была история его или Грейс. Это была история, которую создали все мы. Мистер Уоттс показал нам то, как мы воспринимаем мир. У нас не было зеркал. Все те вещи и все остальное, что могло бы сказать что-то о том, кем мы были, и во что верили, было брошено в огонь. Я начинала думать, что мистер Уоттс отдавал нам какую-то часть нас самих в форме истории.

На шестую ночь мистер Уоттс рассказал сказку, как я думаю, собственного сочинения, которая показала, что бывает с тем, кто не верит. Не знаю, назвал ли он ее как-то, но я это сделаю. Я назову ее «История мухи-однодневки». На месте моей мамы вы бы чувствовали себя так, будто слушаете признание безбожника в том, что все, что он говорил, и все, во что верил, было неправильным. Потом я решила, что это был его подарок для нее.

История мухи-однодневки

Некоторые местности хранят свою историю в собственном названии. Например, улица Вишбоун (дословно — кость желаний, грудная кость у птиц, используется для гаданий — прим. переводчика). На ней жила черная женщина, известная как миссис Саттон, которая считала фантазии и мечты своим главным богатством. У нее был

белый муж-всезнайка, который всего лишь учил работать по дереву. Это было бы не так уж плохо, не будь он никуда не годным учителем, который говорил, что ее богатство ничего не стоит. За что можно купить мечту? Сколько фантазий нужно отдать за мороженое или кусок мяса? Он смеялся и потешался над ней.

Мечты — очень впечатлительны, стоит сказать лишь одно жестокое слово в их адрес, как они начинают вянуть и погибают. Так и случилось. В самый важный момент своего рассказа она взглянула и увидела, как ее ни на что не годный муж вынимает стружку из волос на руках. Тогда миссис Саттон попыталась записать свою фантазию на бумаге. А чтобы перестраховаться, обернула ее вокруг маленького камешка, который носила в кармане.

Обычно после обидных слов она уходила в укромное местечко и там ждала, пока разрушенная мечта не вернется. Но не в этот раз. Когда она ушла из дома, ее муж даже не обратил внимания. Но позже, когда она не вернулась после наступления темноты, он забеспокоился.

Он ждал, когда она позвонит, потому что думал, что она так и поступит. Позвонит из какой-то

одиноко стоящей телефонной будки где-то в ночи и попросит его приехать и забрать ее домой. Он ждал и ждал звонка. Пока просто не смог больше ждать и выбежал, что найти ее.

Кто-то сказал, что видел, как она шла по направлению к реке. Что теперь кажется похожим на правду. Почему? Потому что через несколько дней после ее исчезновения на берег вынесло кусочек бумаги, и он запутался в ветках упавшего дерева. Текст, написанный от руки, еще можно было частично разобрать. Насколько можно было понять, миссис Саттон думала, что она — муха-однодневка. Ее муж, который раньше ни во что не верил, оказался единственным, кто принял это всерьез. Фактически, только муж, который раньше вел себя как глупец, связал эту мечту с исчезновением его жены.

Он даже пошел дальше. В библиотеке, где мистер Саттон собирался больше узнать о превращении своей жены, он выяснил, что муха-однодневка может жить до трех лет в иле на дне реки.

Следующую неделю он бродил по берегам реки, разыскивая след своей жены. Печальное зрелище. Представьте себе мужчину, вглядывающегося

в воду, чтобы разглядеть ил на дне. Он полагал, что его жена появится снова, когда решит, что пришло подходящее время. Тогда он вернулся в библиотеку, чтобы узнать больше о жизненном цикле мухи-однодневки.

То, что он прочел, не слишком его воодушевило. В день своей смерти муха выходит из реки и превращается в насекомое с крыльями. Затем ленивые негодяи самцы летят в тень деревьев на берегу. Когда самки воспаряют над рекой, самцы налетают на них. Забеременев, самки мух летят выше по течению и скидывают яйца в реку. Как только работа оказывается выполненной, то они в изнеможении падают в воду. А здесь уже их поджидают лягушки.

Сложно было сказать, какая стадия жизненного цикла больше всего привлекала миссис Саттон. Нетерпеливые самцы или голодные лягушки.

Мальчишка, которой ехал домой на велосипеде мимо реки, рассказывал, что видел, как мистер Саттон бродил вдоль реки, наклонив голову и полностью отдавшись поиску. Он старался разглядеть сквозь толщу воды то место, где, как он предполагал, его жена похоронила себя вместе с миллионами других личинок. Бедный мистер

Саттон. Он орал и ругался, пытаясь попасть в лягушек камнями, которые десятками носил в карманах.

Нам понравилась эта история. Я не знала, где мистер Уоттс ее выловил. Возможно, он придумал ее здесь же. Мы смеялись. Партизаны улюлюкали. Им особенно понравилось, как мистер Саттон пытался попасть в лягушек. Все так смеялись, что никто не заметил, как мистер Уоттс нашел взглядом маму и улыбнулся.

На шестую ночь мы также узнали, что Сара, будущий обитатель запасной комнаты, заболела. Менингит. Когда мистер Уоттс сказал это, его голос будто заледенел. Он пристально смотрел в огонь; в первый раз за все время маска Пипа почти сползла с него. У нас не было сомнений: то, что он сказал, не было выдумкой.

Когда мистер Уоттс справился с собой, он рассказал нам, как он и миссис Уоттс похоронили свое дитя. Долгое время они стояли, прижавшись друг к другу, над только что засыпанной могилкой. Мистер Уоттс сказал, что они простояли так, пока не настала ночь, и у них не осталось больше слез; они молчали, так как слов тоже не было. Никто еще, сказал он, не придумал подходящие

слова для таких моментов.

— Горе — сказал он, — и мотнул головой назад в темноту. Он описывал, как миссис Уоттс погружалась в депрессию. Мы слушали, как утром она не могла встать с кровати. Она не хотела разговаривать. Потеряв надежду на то, что она поправится, мистер Уоттс вспомнил о раке-отшельнике. Как часто за свою жизнь рак-отшельник меняет домик? Три, четыре раза? Мистер Уоттс полагал, что это может стать решением. Новый дом, новые окна с другим видом. Но что, если ее несчастье последует за ней? Нет. Мистер Уоттс решил, что единственным способом исцелить его возлюбленную Грейс станет, если она создаст себя заново.

В первый раз мистер Уоттс обратился к слушателям с вопросом.

— Знает ли кто-то из присутствующих, кто такая царица Шебы?

Он оглядел наши освещенные огнем лица. Я стояла рядом с мамой. Я слышала, как ее неглубокое дыхание участилось. Я чувствовала, как растет ее возбуждение, пока она уже просто не смогла сдерживаться. Она должна была сказать. И не поднимая руки, как было велено делать нам,

детям, она выпалила:

— Это из Библии.

Услышав ее голос, мистер Уоттс повернул голову ровно настолько, насколько было нужно, как будто точно знал, где она стоит. Мне казалось, он всегда знал, где среди слушателей стоит мама. Он улыбнулся старому врагу.

Как и когда-то в классе, он жестом предложил ей продолжать. Но теперь на нас смотрели и другие. Один из партизан поднялся и пошел вперед, разделяя слушателей своим мачете, чтобы увидеть, кому принадлежит голос. Теперь, когда к ней было приковано всеобщее внимание, мама испытывала несвойственную ей неуверенность. Она наклонила голову. Ее голос звучал слабее, чем раньше, и она скорее обращалась к земле под ногами, чем к тем, кто смотрел на нее.

— Царица Шебы была мудрейшей черной женщиной, которая отправилась на поиски Соломона, чтобы увидеть, может ли его легендарная мудрость сравниться с ее собственной.

Это то, что она сказала. Она и мистер Уоттс смотрели друг на друга, и именно мистер Уоттс решил закончить вот каким образом. Он обвел

взглядом остальных слушателей и начал читать по памяти отрывок из Библии короля Иакова (перевод Библии на английский язык, выполненный под патронажем короля Англии Якова I): «и беседовала с ним обо всем, что было у нее на сердце… и не было ничего… чего бы он не изъяснил ей».

Глава двадцать вторая

Некоторые люди могут смотреть на морской прилив и отсчитывать часы. Другие смотрят на зреющий фрукт и автоматически определяют месяц. На краю серебристого океана бледная полоска луны шептала мне: скоро придет новолуние.

Я терпеливо считала дни до двух событий — наш отъезд, конечно, но больше всего я ждала момента, когда мистер Уоттс решит посвятить мою маму в свои планы покинуть остров.

Я была уверена, что мистер Уоттс еще не поговорил с ней. Она бы обязательно что-то сказала мне. Был бы какой-то знак, что она знает. Какой-то подъем в ее настроении. Она бы захотела поделиться со мной новостью.

Я напоминала себе о том, что мистер Уоттс сказал насчет разговора с мамой. Он сам хотел сделать это. И это было правильным. Я просто хотела, чтобы он поторопился, потому что мама заслуживала больше времени на подготовку, чем отводил ей мистер Уоттс.

Должно быть то, что мистер Уоттс собирался рассказать о Царице Шебы — та часть, в которой она беседовала с ним обо всем, что было у нее на сердце — придало мне отваги, потому что как только зрители разошлись, я последовала за мистером Уоттсом в тень деревьев. Я хотела поговорить с ним наедине, поэтому я ступала осторожно, чтобы не потревожить землю или мистера Уоттса. Мы дошли почти до школы, когда он остановился и оглянулся.

Я увидела большое облегчение на его лице — это была всего лишь я, а не призрак, лязгающий мачете и следующий за ним по пятам.

— Матильда. Боже правый, — сказал он. — Не подкрадывайся так больше.

Но его облегчение испарилось так же быстро, как и пришло. Он выглядел раздраженным, словно знал, о чем пойдет разговор.

— Мистер Уоттс, вы поговорили с мамой?

— Нет, — ответил он и отвел взгляд, притворившись, что услышал что-то вдали. Затем он снова посмотрел на меня.

— Еще нет, Матильда.

Еще нет. Для меня «Еще нет» слишком задержалось после «Нет». И тогда я поняла или думала, что поняла.

— Я не поеду без мамы, — сказала я ему.

Он долго смотрел на меня, проверяя мою решимость. Он ждал, что я передумаю. Ждал, что я заберу свои слова назад. Я смотрела в землю, чувствуя себя неблагодарной.

— Разумеется, нет, — сказал он наконец.

Но что он имел в виду этим «разумеется, нет»? Он поговорит с мамой? Или примет мое решение? Я ждала, пока он объяснится.

— Разумеется, нет, — повторил он и ушел в ночь.

Я решила, что мистер Уоттс просто устал от разговоров, и что все совсем не так, как я подумала, и уж тем более не в таких выражениях. Я была несмышленым птенцом, выплюнувшим назад червяка. Может, он просто позволил мне плескаться в моей собственной луже дерзости, а на самом деле намеревался поговорить с моей мамой.

Я могла бы побежать за ним. Я могла вежливо попросить объяснения. Но я не стала. Я знала, что мне больше по душе, я не хотела знать, скорее, я хотела верить.

На следующее утро я проснулась от оживленного разговора. Мама стояла на четвереньках и

говорила с кем-то у входа в хижину, ее большая задница была у моего лица. Я слышала голоса людей на улице. Мама выбралась наружу, чтобы присоединиться к ним. Я быстро оделась и последовала за ней.

Мы пошли к краю джунглей, где каждую ночь спали партизаны. Мы смотрели на примятую траву и угли от вчерашнего костра. Они ушли, не сказав ни слова на прощание. Вся эта история разразилась и исчезла в ночи. Мы смотрели на край зеленых джунглей. Боязливая лесная птичка перепрыгивала с ветки на ветку, ее маленькая тревожная головка вертелась из стороны в сторону. Мы все думали, что могло их спугнуть.

Мама считала, что это хорошо. Несмотря на то, что мы привыкли к ним, да и они к нам, мы были рады, что они ушли. Мы думали, что сможем спать спокойнее. У некоторых из нас были другие опасения. Значило ли это, что мы не услышим финальную часть рассказа мистера Уоттса? Узнаем ли мы, что стало с той храброй девочкой, которая вернулась через много лет в тележке, которую тащил человек с красным носом?

Я решила поговорить с мистером Уоттсом об этой части. Я постараюсь, чтобы он понял, что у

него все еще есть слушатели. История на этом не заканчивается. Я знала, что у него есть еще ночь до того, как он и мистер Масои вытащат лодку из пересохшего ручья.

Я ждала, пока солнце не встанет из-за горизонта. Я решила дать мистеру Уоттсу время хорошенько проснуться, когда краснокожие солдаты вышли из темных джунглей. Их униформа была порванной, многие носили банданы. Их лица были изможденными. Теперь я знаю, каким людям принадлежат такие пустые лица. Их рты кривились в раздражении. Они едва глянули на нас.

Один солдат выдернул банан из руки маленького мальчика. Это был младший брат Кристофера Нутуа, а мистер Нутуа не смог ничего сделать, кроме как сомкнуть руки за спиной и отвернуться от стыда. Мы смотрели, как солдат жадно вцепился в банан и выбросил остатки. Их офицер наблюдал за этим краем глаза и ничего не сказал.

Мы всё ещё приходили в себя от этих неожиданных перемен, когда увидели, что с ними был пленный. Это был один из тех партизан, что были здесь. Его лицо было изуродовано, его сильно избили. Но я точно знала, кто это. Это был тот самый

пьяный, который грозился трахнуть мистера Уоттса в задницу. Один из солдат вытолкнул его вперед. Офицер пнул его в спину. Другим пинком он повалил его на землю. Вот тогда мы увидели, что руки партизана были связаны за спиной. Другой солдат быстро подбежал и ударил его ногой по ребрам. Рот пленного открылся, но мы не услышали ни звука. Просто беззвучно открывающийся рот, как у рыбы, которую ткнули ножом. Второй солдат поднял его и ухватил за горло так, что через месиво, в которое превратилось его лицо, были видны налитые ужасом глаза.

Мы все были там, послушная, хорошо выдрессированная толпа. Как обычно, мы собрались безо всякого приказа. Офицер не интересовался нами, как в прошлый раз. Мы ждали, пока он пройдется по своему списку и прикажет назвать наши имена. Но его интересовало только одно имя. Он подошел к партизану. Наклонился над ним и, достаточно громко, чтобы слышали мы все, сказал:

— Покажи, кто из них Пип!

Партизан поднял окровавленное лицо. Поднял дрожащую руку и указал в направлении школы. Офицер отдал приказ, и двое его солдат схватили

партизана за руки и, почти волоча, повели его в направлении, которое он указал. Нам же офицер сказал:

— Хватит с меня вранья.

Мы смотрели, как солдаты и партизан исчезали, я помню, у меня было чувство какого-то сверхъестественного спокойствия. Вот что делает с вами животный страх. Он повергает вас в состояние бесчувственности. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Потом двое краснокожих вышли из-за школы. Они несли ружья на плечах и выглядели скучающими. Межу ними шел партизан. Они, похоже, развязали ему руки, потому, что он тащил обмякшее тело мистера Уоттса в сторону свиней. Через секунду мы отвели глаза. Но некоторые из нас были слишком медлительными, чтобы не увидеть блеска поднятого мачете. Они изрубили мистера Уоттса на куски и бросили его свиньям.

Я вспоминаю это без эмоций; мое тело уже не дрожит. Я уже не чувствую физической боли. Я обнаружила, что могу вспоминать мистера Уоттса по желанию и в любое время, когда захочу; и мой рассказ пока что, надеюсь, тому доказательство. Но в тот момент… нет, это совсем другая

история. Думаю, у меня был шок. Все произошло так быстро — с момента, как мы обнаружили, что партизаны ушли, до появления краснокожих, и потом убийства мистера Уоттса. События, похоже, прибыли пакетом. Их ничто не разделяло. Между ними не было времени вздохнуть.

Офицер посмотрел на наши шокированные лица. Его злобный взгляд говорил каждому из нас, что его не беспокоит то, свидетелем чего мы стали. Он поднял подбородок. Еще раз сказал, что больше не будет никакого вранья. Он его не потерпит. Его взгляд говорил, что он ищет страх в наших лицах. Он искал кого-то, кто привлечет его внимание. Может, он убил бы ту несчастную душу за дерзость.

Мы смотрели в землю, будто нам должно было быть стыдно. Я слышала, как он облизывал губы — настолько близко он находился, но он знал, что ему не нужно повышать голос. Мы были так напуганы, что он мог шептать, и мы бы его услышали.

— Поднимите головы, — сказал он.

Он ждал, пока все мы не оторвали взгляд от земли. Он ждал, пока последний ребенок не поднимет глаз, и родитель не подтолкнет его.

— Спасибо, — почти вежливо, наконец, произнес он. И таким же тоном спросил:

— Кто видел это?

Он пристально всматривался в наши лица, и мне стыдно признаться, что я была одной из тех, кто снова опустил глаза к земле. Только когда один из нас заговорил, я, вопреки собственному желанию, подняла голову.

— Я видел, сэр.

Это был Дэниэл, он выглядел довольным собой. Он быстрее всех в классе ответил на вопрос. Офицер смотрел на него долго и пристально. Он не знал, что Дэниэл был туповатым. Он отдал приказ солдатам, они кивнули и двое из них увели Дэниэла в джунгли. Он пошел без возражений, размахивая руками. На мгновение показалось, что никто из нас не станет возражать. Заговорила бабушка Дэниэла, та самая женщина, что приходила к нам в класс рассказать о голубом цвете.

— Сэр, позвольте мне пойти с внуком. Пожалуйста, сэр.

Краснокожий кивнул, и старушка, благодарно кивнув в ответ, похромала, волоча больную ногу, за другим солдатом, который выглядел раздосадованным тем, что ему пришлось вести старую

женщину в джунгли.

В нашем строю заплакал маленький мальчик. Офицер шлепнул его, чтобы он заткнулся. Руки матери прижали сына. Она хотела успокоить его, но не хотела двигаться без разрешения офицера. Всхлипы затихли сами собой. И когда офицер повернулся к нашему концу строя, мать опустила руки и уткнула малыша себе в ноги.

Офицер выглядел довольным этими событиями. Все шло хорошо, пожалуй, даже лучше, чем он предполагал. Он шаркнул ботинками и сомкнул руки за спиной. Когда он говорил, то ни на кого особо не смотрел.

— Еще раз спрашиваю вас, дураки — кто видел, как умер белый? Кто видел?

Тишина была долгой и жаркой, насколько я помню, даже птицы молчали.

Не было ни единого звука, пока я не почувствовала, как мама отошла от меня.

— Сэр. Я видела, как ваши люди изрубили белого человека. Он был хорошим человеком. Я здесь, как свидетель Господа.

Офицер быстрым шагом подошел к маме и ударил ее по лицу открытой ладонью. Сила удара

повернула ее голову. Но она даже не вскрикнула. Она не упала на землю, как слабая женщина. Наоборот, казалось, она стала еще выше.

— Я буду свидетелем Господа, — повторила она.

Офицер выхватил пистолет и выпустил несколько путь в землю у маминых ног. Она не пошевелилась.

— Сэр, я — свидетель Господа.

Командир отдал приказ и двое солдат схватили и потащили ее на край деревни. Она не кричала. Я не слышала ни единого слова.

Я хотела пойти с ней, но боялась. Я также хотела вступиться за мистера Уоттса, но была слишком напугана. Я не знала, как заговорить или побежать за мамой, чтобы не навредить себе.

— Ты. Как тебя зовут?

Вблизи я видела пленку пота на лице офицера, и его желтые глаза, чувствующие мой страх так, как чует его собака.

— Матильда, сэр.

— Ты как-то связана с этой женщиной?

— Она моя мать, сэр.

Как только он услышал это, то заорал своим людям. Солдат подбежал и толкнул меня прикладом винтовки.

— Пошла. — сказал он. Он все толкал меня прикладом. Но я знала, куда идти.

Когда я обогнула хижины, мама лежала на земле. На ней был краснокожий. Другой солдат застегивал штаны — этот глянул на меня. Он что-то крикнул солдату, который привел меня. Этот человек сказал что-то в ответ, и тот, который застегивал штаны, улыбнулся. Человек, который был на маме, посмотрел через плечо, а тот, что привел меня, сказал: «Ее дочь». И мама очнулась.

Она скинула с себя солдата. Я увидела ее наготу и устыдилась за нас обеих так, что начала плакать. Мама молила солдат.

— Прошу. Будьте милосердны. Посмотрите. Она же совсем девочка. Моя единственная дочь. Прошу. Умоляю. Только не мою дорогую Матильду.

Один из солдат выругался и велел ей заткнуться. Тот, которого я видела на ней, сильно ударил ее по ребрам, и она упала, задыхаясь, на землю. Солдат, который привел меня, схватил меня за руку и держал. Мама пыталась сесть, она хрипела и стонала. Она протянула мне руку. Я видела, как ее лицо исказилось ужасом. Ее мокрые глаза, бесформенный рот.

— Иди ко мне, — сказала она, — иди ко мне, моя

дорогая Матильда. Дай я обниму тебя.

Солдат немного отпустил меня, но потом дернул назад, как рыбу на крючке. Другие рассмеялись.

Я почувствовала облегчение, когда появился офицер с потным лицом. Похоже, ему не понравился вид моей мамы, валяющейся в пыли. Его глаза и губы кривились от отвращения. Он приказал ей встать. Мама с трудом поднялась. Она держалась за ребра. Я хотела помочь ей, но не могла пошевелиться. Я словно приросла к месту. Офицер, наверное, точно знал, что я чувствовала и о чем думала. Он окинул меня смешливым взглядом — не совсем улыбкой, но взглядом, который остался со мной по сей день. Он взял у одного из своих людей винтовку и стволом поднял подол моего платья. Мама бросилась к нему:

— Нет. Нет! Пожалуйста, сэр. Умоляю вас.

Солдат схватил ее за волосы и оттащил назад. Свидетель Господа снова превратилась в мать, но офицер не видел этого. Он видел только женщину, которая пообещала быть свидетелем Господа. Он заговорил тихо, как, наверное, должен говорить человек, владеющий собой.

— Ты умоляешь меня? Взамен на что? Что ты дашь мне за спасение своей дочери?

Мама выглядела сломленной. Ей нечего было дать. Офицер это знал и потому улыбался. У нас не было денег. Не было свиней. Те свиньи принадлежали кому-то другому.

— Я отдам себя, — сказала она.

— Мои люди уже поимели тебя. У тебя ничего не осталось.

— Моя жизнь, — ответила мама, — я отдам вам мою жизнь.

Офицер повернулся и посмотрел на меня.

— Ты это слышала? Твоя мать предложила свою жизнь за тебя. Что скажешь?

— Не отвечай, Матильда. Ничего не говори.

— Нет, я хочу слышать, — сказал краснокожий. Он сложил руки за спиной. Он наслаждался. — Что ты скажешь матери?

Пока он ждал моего ответа, мама глазами умоляла меня, и я поняла. Я ничего не должна была говорить. Я должна была притвориться, что мой голос был моей тайной.

— У меня кончается терпение, — сказал офицер. — Тебе нечего сказать своей матери?

Я покачала головой.

— Очень хорошо, — сказал он, и кивнул солдатам. Двое из них подняли маму и утащили прочь. Я хотела последовать за ними, но офицер

вытянул руку, чтобы остановить меня.

— Нет. Ты останешься здесь, со мной, — сказал он. Я еще раз увидела, какими желтыми и налитыми кровью были его глаза. Как сильно он был болен малярией. Как ему все опротивело. Как опротивело быть человеком.

— Повернись, — сказал он. Я сделала, как он велел.

Все самые прекрасные вещи на земле открылись моему взгляду — сверкающее море, небо, колыхающиеся зеленые пальмы. Я слышала, как он вздохнул. Слышала, как он шуршал, доставая из кармана сигарету. Слышала, как он зажег спичку. Я вдыхала дым, я слышала звук, похожий на поцелуй, когда он закурил. Мы стояли там почти плечом к плечу, как мне показалось, очень долго, но, конечно, не больше десяти минут. Все это время он молчал. Ему нечего было сказать мне.

Такая большая часть мира была где-то далеко. Не связанная с нашим существованием и тем, что происходило за нашими спинами. Те маленькие черные муравьи, что ползут по моему большому пальцу. Они выглядели так, будто знают, что делают и куда направляются. Они не знали, что были всего лишь муравьями.

Я снова услышала вздох офицера. Слышала, как он шмыгнул носом. Я слышала какое-то удовлетворенное бормотание; оно словно вышло из его нутра и было похоже на урчание в животе, и я подумала, что так он одобряет событие, которое видит только он.

Позже я узнала то, чего не видела. Они уволокли маму к краю джунглей, к тому самому месту, куда они приволокли мистера Уоттса, и там разрубили ее на куски и бросили свиньям. Это случилось, пока я стояла с краснокожим офицером, слушая, как море набегает на риф. Это случилось, пока я смотрела на небо и из-за яркого солнца почти не заметила, как собираются грозовые облака. День был таким разным, слишком много событий, противоречивых событий, которые смешались так, что мир утратил ощущение порядка.

Я вспоминаю те события и ничего не чувствую. Простите меня за то, что в тот день потеряла способность что-либо чувствовать. Это было последним, что у меня отобрали после моего карандаша, и календаря, и кроссовок, и тома «Больших надежд», и моей спальной циновки, и дома; после мистера Уоттса и моей мамы.

Я не знаю, что делать с такими воспомина-

ниями. Как-то неправильно хотеть забыть их. Возможно, поэтому мы их записываем, чтобы получить возможность двигаться дальше.

И при этом, я не могу не думать о том, что все могло обернуться по-другому. Была такая возможность. Мама могла бы смолчать. Я все время возвращаюсь к вопросу: было бы мое изнасилование такой уж высокой ценой за спасение маминой жизни? Не думаю. Я бы пережила это. Наверное, мы обе пережили бы.

Но в такие минуты я вспоминаю, что мистер Уоттс однажды сказал нам, детям, о том, что значит быть джентльменом. Это старомодный взгляд. Другие, а сегодня и я сама, захотят заменить слово «джентльмен» на «нравственный человек». Он сказал, что быть человеком, значит быть нравственным, и ты не можешь брать выходной, когда тебе вздумается. Моя храбрая мама знала это, когда вышла вперед, чтобы провозгласить себя свидетелем Господа перед хладнокровными убийцами ее старого врага, мистера Уоттса.

Глава двадцать третья

Полагаю, мы были живы. Это были мы, передвигающиеся как зомби, чтобы закончить свои похоронные обязанности, наши рты и сердца скованы молчанием. Наверное, я дышала. Не знаю, как. Наверное, мое сердце продолжало качать кровь. Я не просила его об этом. Если бы я знала, какой выключатель повернуть, чтобы отключить живую часть себя, я бы добралась до него.

Люди ждали, пока не убедились, что краснокожие ушли в джунгли. Как только убедились, они поубивали всех свиней. Это было единственное, что мы могли придумать, чтобы достойно похоронить мистера Уоттса и маму. Мы похоронили свиней.

Они нашли Дэниэла в джунглях ближе к вечеру, на склоне горы, на высоком дереве. Его конечности были растянуты, как на распятии, лодыжки и запястья привязаны к веткам сверху и снизу; кусок дерева держал его рот открытым, мухи роились над его телом с содранной кожей. Они похоронили его вместе с бабушкой.

Я осознавала, что люди следили за мной и присматривали за мной. Я видела кучу маленьких знаков внимания.

Когда пришла ночь, я легла, но сна не было. И не было слез. Я лежала на боку, смотрела на место, где должна была лежать мама, и лунный свет должен был сиять на ее белых зубах в ее безмолвном триумфе.

Должно быть, я все-таки заснула, потому что проснулась от ветра, дующего со странного направления. Он поднимался, он становился порывистым, он сошел с ума тысячью вспышками ярости, прежде чем ловко исчезнуть. После него загремел раскатистый гром такой силы, что, казалось, небеса упадут на землю. Не представляю, как можно спать при таком громе. Потом блеснула молния. После, как и до того, невероятная тишина сошла на все — нас, птиц, деревья.

Дрожь пробежала по морю, и начался дождь. Это был не обычный дождь. Не тот, который несется с моря и заставляет вас прятаться под деревом. Его капли падали, как брошенные кем-то камни. При бледном свете утра я смотрела, как он поднимает грязь на утоптанной земле. Словно боги старались стереть злодеяния, что

произошли здесь.

Тропический дождь теплый, и я была уверена, что, как другие дожди, он тоже пройдет. У меня были кое-какие неотложные дела. Мне нужно было сходить на холм и рассказать миссис Уоттс о смерти мистера Уоттса. Мистер Уоттс захотел бы, чтобы она знала. Под деревьями погода будет не такой плохой. Надо только перебежать через открытое пространство и эту пляшущую грязь.

Я не бежала, как бегала обычно в дождь. Я не бежала, потому что мне было все равно, намокну ли я. Пусть идет дождь. Неважно. Может, мне уже ничего и никогда не будет важно. Потом я увидела, куда иду, и сразу же изменила направление, чтобы не видеть того места, где похоронили свиней.

Да, урон нанесен. Мысли о свиньях оживили и другие мысли, и я еще раз увидела обмякшее тело мистера Уоттса. Я видела блеск мачете. Я видела тело партизана, скатившееся в яму к свиньям, так обыденно отброшенное в сторону за ненадобностью, потому что краснокожие нашли загадочного человека, мистера Пипа. Я видела краснокожего на маме, его блестевшую задницу, штаны, спущенные к лодыжкам. Я слышала, как

мама хрипела — этот звук до сих пор не покинул мою голову. Я чувствовала запах табака; и в грязи, хлюпающей вокруг меня, казалось, снова слышу тот посасывающий звук, который издавал офицер, стоя возле меня и глядя на прекрасный мир.

Вот так я шла, не особо думая о направлении, без особой заботы или понятия, куда я держу путь, кроме того, что шла я быстро. Я старалась уйти от этих мыслей. Вот, что я делала. Если бы я хоть немного соображала, то поняла бы, что иду к ущелью.

Я слышала сквозь гущу деревьев тяжелый поток раздутой реки. Я не связывала две вещи: дождь и реку. Дождь едва значил больше, чем «я намокаю». Но если подумать, этот дождь был мокрее и настойчивее, чем любой другой, который я знала. Этот дождь настаивал, чтобы вы воспринимали его серьезнее; обратите на него особое внимание.

Когда я пришла к реке, то совсем не обратила внимания на знаки, на быстрые перемены. Секунду назад река была в пятидесяти метрах слева от меня. А теперь уже была здесь, у моего локтя — пенистая коричневая волна щепок и деревьев с поломанными ветками неслась к открытому

морю.

Река во время наводнения — это вовсе не гладкое, подернутое алюминием явление, что показывают по телевизору. Она вспухает, она вращается. Она в ярости на саму себя. Она попадает в водовороты, потом выбирается оттуда; она освобождается из тесных изгибов, она выходит из берегов, жадно пожирая почву своими быстрыми водами. Она подхватывает все на своем пути. Она может подхватить даже меня.

Она может подхватить меня, и мне будет все равно. Мне будет все равно, потому что у меня отобрали все, что мне было дорого — мою маму и мистера Уоттса. Мой отец был где-то там, в мире, до которого у меня не было надежды добраться. Я была одна. Река может схватить меня, и мне будет все равно.

Я играла с мыслью быть подхваченной и унесенной, когда в этот самый момент стена воды, что была не выше моих колен, устремилась в мою сторону. Я могла бы подняться выше, если бы поторопилась. Но не сделала этого. Не потому, что решила умереть. Но потому, что никогда ничего подобного не видела.

Что-то твердое сильно ударило мне в коленку, вероятно, большой кусок дерева. Я не видела его. Вопреки всему, что я сказала о своей нечувствительности, боль была сильной. Я инстинктивно подняла ногу, ухватившись за колено, и в следующий момент поток подхватил меня, как остальные обломки, и затащил в реку.

Есть история о том, как отец учил меня плавать, бросая с причала. Вот почему мама говорила, что я родилась с подводными крыльями. Без них я бы камнем пошла на дно. Поэтому я не боялась воды. То, что я чувствовала, было чистым изумлением. Скорость. Еще несколько секунд назад я стояла на земле. Теперь я чувствовала, словно меня зачерпнули и бросили в сильное течение. Я была частью этого потока, стремящегося к морю. Мне стало любопытно.

Вдруг мне пришла мысль, что я могла бы покончить со всем таким вот способом. Я могла бы просто сдаться, уступить. Именно этого поток хотел от меня, а я подумала, как же мне легко, когда река вдруг, без предупреждения, изменила нрав. Внезапно она потащила меня под воду.

В конце концов, я поняла, что делать. Я должна была выжить.

Это то, что мы принимаем, как само собой разумеющееся, но как бы плохо не складывалась ситуация, в момент, когда вам отказывают в помощи, вы начинаете за нее бороться. В конечном счете, вы знаете, что вам нужно. Вам нужен воздух. Я ничего не видела из-за ила в глазах. Река была похожа на зверя. У нее были лапы и когти. Она хватала меня за ноги. Она тащила меня ко дну. Я должна была бороться, чтобы выплыть на поверхность и наполнить легкие воздухом. Затем, то же самое происходило снова. Она хватала мои ноги и тащила вниз. Она не оставляла меня в покое. Меня заталкивало вниз бессчетное количество раз, и я думала, какой же это тупой способ умереть. Как же безответственно с моей стороны. Как глупо.

Я уже видела, как поникла голова моего отца, когда ему сообщали новости о том, что я утонула. И когда последний воздух вышел из меня, я подумала о боли отца, и это вернуло меня на поверхность. Часом раньше мне было все равно, что со мной случится. Но это прошло. Теперь я чувствовала ответственность за свою жизнь.

В какой-то момент я наткнулась на что-то большое и твердое. В слепом замешательстве я

подумала, да, спасибо тебе, Господи, что меня вынесло на берег. На землю. Я уже чувствовала ее надежность. Ее прекрасную надежность. Я протянула руку и поняла, что карабкаюсь на какое-то чудовищное бревно.

Не знаю, каким деревом оно когда-то было. На нем не было ни листьев, ни веток. Вода сгладила его кору. На ощупь оно было как мочалка. Это было всего лишь бревно, но в той ситуации, в этой бурной воде, просто-бревно значило больше, чем просто-девочка. Хотя бы потому, что бревно выжило бы. Неважно, сколько раз его переворачивало бы или подбрасывало течением, оно неизбежно было бы вынесено на берег. И его история закончилась бы на том, что оно высохло бы на солнце, день ото дня все глубже погружаясь в песок. Оно выжило бы. Я подумала, что стоило бы взобраться на него.

В какой-то момент нас донесло до места, где река раздваивалась. Бревно и я поплыли по левому переулку (назовем так), что было улыбкой удачи, потому что этот поток вынес нас из сильного, ворчливого течения середины реки в спокойную коричневую воду, расширявшуюся от побережья.

Как бы вы назвали своего спасителя? Единственный, кого я знала, звался мистером Джеггерсом. И было естественным назвать моего спасителя, это бревно, именем того, кто спас жизнь Пипу. Лучше цепляться за суетность мистера Джеггерса, чем за скользкую шкуру промокшего бревна. Я не могла говорить с бревном. Но я могла говорить с мистером Джеггерсом.

Река впала в необозримую равнину спокойной, ровной воды. Я подумала, что мы выплыли возле старого летного поля, которое уже давно заросло. Это хорошо. Я уже не боялась. Мы выживем. Эта мысль пришла и ушла, но безо всякой благодарности, которую я проявила бы раньше, когда река изо всех сил старалась удержать меня под водой. Нет. Мы выживем, и теперь это было неизбежно, даже обыденно.

Я была одним из тех сердечных семечек, о которых нам рассказывали в классе. Я была на ранней стадии своего путешествия, которое приведет меня в другое место, в другую жизнь, в другой способ существования. Я просто пока не знала, куда и когда.

С близкого расстояния я могла различить здание школы. Если бы я только могла повернуть

мистера Джеггерса в том направлении, я могла бы соскользнуть и забраться на крышу.

Дождь прекратился. Тягучий воздух поднимался к высоким облакам. Я слышала звуки вертолетных лопастей надо мной. Я закрыла глаза и ждала, что краснокожие начнут стрелять. Я была уверена, что начнут. Они увидят меня и конец. Через секунду вертолет исчез за облаками с глухим влажным гулом.

Снова начался дождь. Медленный, спокойный дождь, и школа исчезла в серой мгле. Я вцепилась в мистера Джеггерса, теперь уже не уверенная в том, где мы и куда движемся.

Я начала волноваться, что нас снова вынесет к реке, и что поток утащит нас за собой. Потом нас вынесет в море, где я буду слишком уставшей, чтобы бороться. Вот о чем я думала, когда во мгле раздались шлепки весел, и показались темные очертания лодки. Один мужчина гребет — я знаю его! Теперь я увидела Гилберта и его маму, и кого-то еще, женщину постарше. Я помахала рукой и позвала.

В считанные минуты меня затащили в лодку, в замечательную легкость надводного мира. Меня

обнимали. Мое лицо похлопывали и целовали. Впервые я почувствовала, что у меня болят руки.

Я наклонилась через борт, чтобы увидеть своего спасителя. Мистер Джеггерс с грустью понимал, что он всего лишь бревно, и что неблагодарная Матильда, которая держалась за его спину в течение всего этого водного испытания, оказалась избранной, оказалась везучей.

Через несколько минут после того, как меня подняли в лодку, бревно проплыло мимо — подпрыгивая и держась рядом. Каждый раз, когда его конец поднимался волной, оно словно спрашивало, не найдется ли местечка и для него. Но больше никто в лодке не смотрел на бревно.

После того, как каждый из них обнял меня (и даже Гилберт), миссис Масои улыбнулась мне сквозь слезы. Она прижалась щекой к моей щеке. Мистер Масои ничего не сказал. У него на уме было другое. Он шептал, чтобы мы вели себя тихо. Затем он повернул лодку, и мы поплыли в открытое море.

Позже я узнала, что они дожидались темноты. И отец Гилберта на самом деле поклялся, что они вот-вот собирались выходить в море, когда заме-

тили меня, цепляющуюся за мистера Джеггерса.

***

Ночью я проснулась от мужских голосов. Низких, неторопливых, мягких голосов. Большая фигура с ослепляющим светом неясно вырисовалась рядом с нами в темноте. Этот свет был волшебным, но слишком уж ярким. Пара сильных рук подняла меня под руки. Возможно, они принадлежали отцу Гилберта или кому-то еще. Не знаю. Но я знаю вот что. Первая пара глаз, которую я увидела, смотрела на меня с черного лица. Я могла сказать по их выражению, что что-то было не так. Я всегда гадала, что увидел тот человек, или думал, что увидел. Я помню только, что он носил туфли. Туфли.

Я почувствовала, что расслабляюсь. Я была в безопасности. Должно быть, я была довольна. В конце концов, мы были спасены, выловлены из моря. Но я все еще пытаюсь вспомнить, потому что, как бы я ни чувствовала себя в то время, все это сузилось с тех пор до нескольких стойких деталей. Лодка, что принадлежала отцу Гилберта, та самая лодка, которую мистер Уоттс и отец Гилберта затаскивали на берег, оказалась такой

маленькой, когда я посмотрела на нее с палубы большого корабля. Я помню, как мне дали чашку чего-то сладкого. Это был горячий шоколад. После вида тех туфель, горячий шоколад был моим вторым опытом во внешнем мире. За ним вскоре последовал мягкий матрас подо мной и низкий гул двигателя.

Мы пристали к месту под названием Гизо. Восходящее солнце уже выжигало туман с холмов. Мы видели линию крыш домов между деревьями. Я слышала лай собаки. Когда мы выбрались на пирс, дюжина черных детишек, смеясь, бежали в нашу сторону. За ними следовало несколько фигур в униформе. Мужчины в щеголеватых рубашках. Мы провели в этом городе ночь. Мы должно быть разговаривали друг с другом. Мы, наверное, поздравляли друг друга с побегом. Мне хотелось бы думать, что мы воздали мистеру Масои особые почести. Если так и было, то я уже не помню этого.

На следующее утро мы отправились в Хоньяру, столицу Соломоновых островов. Нас приветствовали несколько полицейских и отвезли в изолятор. Там белый доктор осмотрел меня. Он просил открыть рот пошире и посветил мне в

горло. Затем он проверил мою кожу. Разделил мне волосы. Не знаю, что он искал. Он нашел другой фонарик, чтобы посветить мне в глаза. Помню, как он сказал:

— Матильда, какое славное имя.

А когда я улыбнулась, он спросил, чему я улыбаюсь. Я покачала головой. Мне пришлось бы рассказать ему о мистере Уоттсе, а я не была еще к этому готова. Я не хотела упоминать мистера Уоттса только потому, что белый человек прокомментировал мое имя.

Доктор измерил мне температуру. Послушал мои легкие и сердце. Он был уверен, что что-то не так. Он просто не мог найти, что. Его комната была набита столькими вещами. Бумага. Ручки. Папки. Шкафы. Была большая цветная фотография, на которой он играет в гольф. Он стоял, согнувшись над своей клюшкой с тем же застывшим видом сосредоточенности, с которым он осматривал мое тело.

Я заметила на стене календарь и спросила, могу ли я посмотреть его. Я выяснила, что был сентябрь. Иллюстрацией к месяцу была фотография белой пары, идущей рука об руку по пляжу. Был 1993 год. Я посчитала, что пропустила свой

пятнадцатый день рождения.

Доктор откинулся в своем кресле. Он оттолкнулся от стола, и теперь его белые колени поднялись над ним. Он сложил руки под подбородком. Он изучал меня.

— Где твой отец, Матильда?

— В Австралии.

— Австралия — большая страна. Где в Австралии?

— В Таунсвилле.

Он опустил ноги и наклонился, чтобы взять ручку.

— И полное имя твоего отца…

Я сказала ему и смотрела, как он записывает. Джозеф Фрэнсис Лаимо.

— Моя мама — Долорес Мэри Лаимо, — сказала я.

Затем он снова откинулся назад и стал изучать меня снова, поверх сложенных под подбородком рук и белых колен.

— Почему бы тебе не рассказать мне о своей матери, Матильда?

Глава двадцать четвертая

Помню рассказ отца о том, как он смотрел в окно самолета и видел, какими крошечными были наши дома. Теперь я знаю, что он имел в виду, когда сказал, что самолет накренился, но не упал с неба, и как окно наполнилось видом.

Я видела зелень Хоньяры и ее крыши, мы поднимались все выше, а они становились все меньше и меньше, пока все, что я могла видеть, не стало синим. Я улетала в Таунсвилль, к отцу.

Я все знала об отъезде. Я знала от Пипа, как уезжать откуда-то. Я знала, что не нужно оглядываться назад.

Мне не довелось снова увидеть Гилберта и его семью. Я не знаю, что с ними стало. Надеюсь, только хорошее. Мы так долго пробыли в воздухе. Прохладный салон был еще одним новым опытом, от него бежали мурашки. Я уверена, что задремала, потому что когда я посмотрела в окно еще раз, под нами была Австралия — ровная, растянутая и серая как кожа. В конце концов, она была не так уж и далеко. Я все ждала, когда

самолет приземлится, но прошло много часов, прежде чем он начал снижаться. Ком в моем животе не имел ничего общего со снижением. Я надеялась, что понравлюсь отцу. Я надеялась, что буду соответствовать его воспоминаниям обо мне. На мне были новые туфли, новая юбка и новая белая блузка. А в бумажном пакете лежала моя старая одежда, ставшая уже лохмотьями, и зубная щетка.

В Таунсвилле легко заметить черного мужчину, особенно в аэропорту. Он стоял там, в терминале, и размахивал руками, его лицо — одна сплошная улыбка. Еще на летном поле у меня было время заметить в нем некоторые перемены, и я почувствовала в себе критическую сторону мамы.

Превращение в белого вот-вот закончится. Он носит шорты и ботинки, которые поднимаются выше лодыжек. Белая рубашка почти не скрывала выступающего живота. Отец и пиво любили друг друга. Так говорила мама.

Человек с флажками направил самолет на место парковки. Теперь настала очередь отца стоять, как тот человек с флажками, с распростертыми руками, готовыми обнять меня. Я не знала, что делать со своим лицом. Я хотела улыбнуть-

ся, но вместо этого у меня защипало в глазах, и, прежде чем я опомнилась, полились слезы. Это были слезы счастья.

Отец носил на шее серебряную цепочку. После объятий, он снял ее и надел на меня. Думаю, он просто чувствовал необходимость что-то мне подарить, и цепочка оказалась под рукой. Я и сегодня ее ношу.

— Посмотри на себя, — сказал он. — Только посмотри. — Он повернулся к толпе с сияющим лицом и белозубой улыбкой, словно приглашая остальных повосхищаться мною. Он спросил, есть ли у меня багаж.

— Только я и это, — сказала я, подняв бумажный пакет. Он поднял меня под руки и закружил. Я не знала, рассказали ли ему о маме. Насколько я знала, он ожидал, что она спустится по трапу того самолета вместе со мной. Он ничего не сказал, и его поведение мало что выдало.

Отец положил руку мне на плечо и повел в терминал, подальше от палящего таунсвилльского солнца. Именно в тот момент я заметила, как он украдкой посмотрел через серое летное поле на самолет. А когда увидел, что я это заметила,

улыбнулся и сменил тему.

— Нам нужно кое-что наверстать, — сказал он. — Я купил по именинному торту на каждый твой день рождения, который пропустил.

— Это же четыре торта, — ответила я.

Он усмехнулся, и мы вошли в прохладу терминала; отец все еще держал руку на моем плече.

***

Я пошла в местную школу. Мне нужно было нагнать несколько лет, так что поначалу я училась в классе с белыми детьми младше меня.

На второй день я пошла в школьную библиотеку проверить, есть ли там «Большие надежды». Я нашла книгу на полке — не спрятанную и не «в безопасном месте», а свободно стоящую, и каждый мог подойти и взять ее. Она была в твердой обложке и выглядела неразрушимой. Я понесла ее к одному из столов и села читать.

Она оказалась более многословной, чем я помнила. Значительно более многословной, и более сложной. Если бы не имена, которые я узнавала на страницах, я бы подумала, что читаю другую книгу. Но позже неприятная правда осенила меня. Мистер Уоттс читал нам, детям, другую

версию. Упрощенную версию. Он придерживался «скелета» «Больших надежд», он сглаживал предложения, фактически выдавал их экспромтом, помогая нам получить более ясное представление. Мистер Уоттс переписал шедевр мистера Диккенса.

Я с трудом пробиралась через эту новую версию «Больших надежд», подчеркивая каждое слово каждого предложения кончиком пальца. Я читала очень медленно. И добравшись до конца, я прочла книгу еще раз, чтобы убедиться, что я поняла, что сделал мистер Уоттс, и разочарование не было просто моей ошибкой.

Наши детские попытки восстановить фрагменты были едва ли успешнее, чем попытки восстановить замок с помощью соломинки. Нам не удавалось правильно вспомнить; конечно, наш провал был гарантирован, потому что мистер Уоттс не дал нам полную историю в первый раз. Я была удивлена встретить персонажа Орлика. В версии мистера Диккенса Орлик соревновался с Пипом за благосклонность Джо Гарджери. В конце концов, Орлик нападет на сестру Пипа и превратит ее в бесчувственного, онемевшего инвалида. Он даже попытается убить Пипа! Почему

мистер Уоттс не рассказал нам этого?

И еще, оказалось, что в тот момент, когда Мэгвич испугал Пипа на кладбище, на болотах скрывалось два каторжника. Почему мистер Уоттс не рассказал нам о другом каторжнике? Когда Компесон появился на странице впервые, я в него не поверила. Я стала читать дальше и обнаружила, что он был заклятым врагом Мэгвича. Компесон оказался тем самым человеком, который расстроил мисс Хэвишем в день ее свадьбы. Годами позже именно Компесон выдаст Мэгвича, когда Пип и Герберт Покет сидели в лодке на середине реки, ожидая пароход, чтобы вывезти Мэгвича из Англии. Теперь картина прояснилась. Пип выступает в своей старой роли спасителя. Только на сей раз безуспешно.

В версии мистера Диккенса, когда Компесон направляет к ним полицейскую лодку, Мэгвич бросается на своего давнего врага. Противники сваливаются в реку. Под водой происходит борьба, из которой Мэгвич выходит победителем — обреченным победителем, в то время как Компесон спокойно уплывает по течению из этой переделки. Я полагаю, Мэгвич, победив Компесона, отстоял честь мисс Хэвишем, но какой ценой?

Столько жизней разрушено.

Поначалу пропуски мистера Уоттса разозлили меня. Почему он не придерживался версии мистера Диккенса? От чего защищал нас?

Возможно, от себя, или маминых упреков, что, в конечном счете, я думаю, привело к одному результату. Во время спора «дьявол против Пипа» возникла проблема подбора правильного языка. Всегда миролюбивый, мистер Уоттс пытался помочь маме, намекая, что порой человеческое воображение стоит на пути. А моя, вечно добивающаяся превосходства мама, парировала, говоря, что считает, будто дело и в чертовом Диккенсе тоже.

По такому случаю, она осталась, чтобы послушать, как читает мистер Уоттс, и сумела найти в «Больших надеждах» предложение, которое разозлило ее сверх всякой меры. «Понемногу свыкаясь со своими надеждами, я невольно стал замечать, какое действие они оказывают на меня и на окружающих меня людей»[3]. Мы, дети, пребывали в обычном состоянии трепетного волнения, наблюдая за спором между моей мамой и

---

[3] Примечания: 3
(пер. М. Лорие)

мистером Уоттсом. Мы не видели ничего дурного в том предложении. И правда, только посмотрите в окно и вы увидите, что утверждение о самореализации едва ли удивит траву, или цветы, или лиану, растущую повсюду.

Мама говорила, что у нее нет проблем с констатацией очевидного. Проблема была в этом треклятом глупом слове «невольно». Какой был смысл в этом слове? Оно только сбивало с толку. Если бы не это глупое чертово «невольно», она бы поняла предложение с первого раза. Вместо этого, «невольно» заставило ее заподозрить, что все не так просто.

Она заставила мистера Уоттса прочесть предложение еще раз, и мы неожиданно поняли, о чем она говорила. Может, и мистер Уоттс тоже. Она сказала, что это всего лишь «разодетая английская болтовня». Это то, что вы делаете, чтобы приправить пресную еду или сделать белое платье более интересным, пришив красную или синюю тесьму к подолу. Вот для чего это слово, «невольно» — чтобы украсить простое предложение. Мама считала, что мистер Уоттс должен убрать это оскорбительное слово.

Сначала он сказал, что не может; вы не можете

так топтаться по Диккенсу. Слово принадлежит ему, все предложение принадлежит. Вышвырнуть неудобное слово было бы актом вандализма, все равно, что выбить окно в часовне. Он все это сказал и, я думаю, с того самого дня делал противоположное. Он убрал всю вышивку из истории мистера Диккенса, сделав ее легче для наших юных ушей.

Мистер Диккенс. Я долго не могла избавиться от «мистера». Но мистер Уоттс остался мистером Уоттсом.

В течение тех лет в Таунсвилле я читала Диккенса со смешанным удовольствием. Я прочла «Оливера Твиста», «Дэвида Копперфильда», «Николаса Никлбери», «Лавку древностей», «Повесть о двух городах», «Холодный дом». Но книгой, к которой я постоянно возвращалась, оставалась «Большие надежды». Она мне никогда не надоедала. И с каждым прочтением она открывалась для меня все больше. Неудивительно, ведь для меня она содержит столько пробных камней. До сего дня я не могу читать признание Пипа — «бесконечно тяжело стыдиться родного дома» — не думая того же о моем острове. Мы уже в середине книги, на восемнадцатой главе, если быть

точными, в которой Пип осознает, что у него уже нет пути назад, к прошлой жизни на болотах. Для меня, в моей жизни, это же осознание пришло гораздо раньше. Я была все еще испуганной черной девочкой, страдающей от эмоциональной травмы, когда смотрела вниз, на зелень Хоньяры из самолета, но в тот же момент уже знала, что дороги назад не будет.

Моя мама олицетворяла все то, что я старалась забыть. Я не хотела забывать ее. Но всегда был шанс, что вместе с этими воспоминаниями вернутся и другие вещи. И я увижу краснокожих солдат снова, почувствую мамин страх, словно она здесь, рядом со мной на автобусной остановке или в библиотеке. Иногда я ничего не могла с этим поделать. Не могла держать закрытой дверь в эту маленькую комнату в моей голове, в которую поместила маму. Мама жила по собственному расписанию и порой могла застать меня врасплох, когда ей вздумается. Она открывала эту дверь и хлопала руками по бедрам, словно спрашивала: «Что, во имя всего святого, ты удумала?» А я всего лишь остановилась у витрины с косметикой. Или мой взгляд зацепился за презервативы на стеклянной полке возле кассира. Эти вещи принадлежали миру, к которому я пока

не принадлежала, но я начинала думать, что в какой-то момент в будущем — буду.

Иногда мама возникала вполне ожидаемо. Один раз при виде матери с дочерью в отделе нижнего белья. Мать была довольна как слон. Она хватала один бюстгальтер за другим и размахивала ими перед надменным взором дочери, которая отгородилась стеной сложенных на груди рук. Она отказывалась выходить из-за стены и играть с матерью в эту игру. Сложенные руки дочери не давали никакой возможности советам матери достучаться до нее. Я не знала ни дочь, ни ее мать. Но мне было знакомо это напряжение между ними. Будучи безмолвным, оно было сильнее любого произнесенного слова; оно было невидимым, но, в то же время, таким же прочным, как стена.

Я стояла там и глазела, пока чья-то тележка не въехала мне в ноги. Маленький белый мальчик крикнул на меня, а его мать произнесла «Простите».

Вот так я попала в мир матерей и их детишек, как зритель, бродящий по зоопарку, одновременно восхищенный и чувствующий неприязнь.

***

В Таунсвилле я выиграла первый приз по английскому языку. Я шла через сцену, чтобы получить диплом, и когда повернулась к аплодирующим зрителям, увидела своего отца, стоящего с поднятыми руками. Он был так трогательно горд мною. Я была его чемпионом. Вот как он любил называть меня. Чемпион. Когда к нам приходили гости, он любил обращать на меня их внимание, чтобы потом сказать им: «Спросите ее что угодно о Чарльзе Диккенсе».

Отец так гордился мной. Я так и не решилась рассказать ему о мистере Уоттсе. Я позволила ему думать, что это все благодаря ему.

Я окончила университет Квинсленда. На втором курсе, в начале третьего семестра, отец прилетел в Брисбейн навестить меня. Я встретила его в аэропорту и с удивлением увидела рядом с ним женщину, что убиралась в нашем доме раз в неделю. Ее звали Мария. Она была уроженкой Филиппин и плохо говорила по-английски. И теперь я видела ее, идущую рядом с отцом. Его лоб покрылся испариной. Когда я увидела, как он нервничал, меня это по-детски утешило. Он все

еще любил свою Матильду.

И все же, после прихода Марии, все уже было не так, как прежде. Она очень старалась. В каком-то смысле чересчур старалась. Она хотела нравиться мне. Но я не могла полюбить ее, как мою маму. Она попросила рассказать о маме. Она сказала, что отец не говорит о ней. Мне было приятно это слышать.

Мама была воспоминанием, о котором не принято болтать, и, кроме того, упоминание о ней уносило наши мысли назад, на остров, который был не тем местом, куда я или мой отец хотели бы отправиться. Мария знала, что не сможет заменить маму, но когда она попросила меня описать ее, я смогла всего лишь сказать: «Она была очень храброй женщиной, самой храброй. И почти все в моем отце ее злило». Мария засмеялась, а я улыбнулась, потому что мне удалось выпутаться из положения.

***

Иногда люди спрашивают меня «Почему Диккенс?», что я порой воспринимаю как вежливый укор. Я указываю на ту самую книгу, которая подарила мне другой мир тогда, когда мне это было

отчаянно необходимо. Она подарила мне друга Пипа. Она научила меня, что можно проскользнуть под кожу другого человека так же легко, как под свою собственную, даже когда эта кожа белая и принадлежит мальчику, живущему в диккенсовской Англии. И если это не волшебство, то я тогда не знаю, что это.

Однако я терпеть не могу навязывать «Большие надежды» кому бы то ни было. Я помню разочарование мистера Уоттса из-за неспособности Грейс полюбить то, что любил он. И я ни за что не хотела познать это разочарование, и чтобы отец чувствовал себя (должно быть, так чувствовала себя Грейс), как щенок, которому подсунули молоко в плошке в виде книги. Нет. Некоторые сферы жизни не должны пересекаться.

В Брисбейне я была какое-то время подменным учителем в большой католической школе для мальчиков. Я узнала, что у каждого учителя есть своя карточка «Освободитесь из тюрьмы»[4]. Моей карточкой было чтение «Больших надежд» вслух. Я просила своих новых учеников соблюдать тишину в течение десяти минут. Это все, о чем я

---

[4] Примечания: 4
из игры «Монополия»

просила. Если по прошествии десяти минут они начнут скучать, то они вольны встать и уйти. Им понравилась эта идея. Бунт стремительно несся по их венам. Их лица светились дерзостью при мысли о том, чем они займутся.

Скрывая собственную улыбку, я начинала читать первую главу, сцену, в которой каторжник хватает Пипа за подбородок. «Где ты живешь? Покажи!». Вы не можете читать Диккенса без должного старания. Вы не можете есть спелую папайю, не испачкав подбородок ее мякотью и соком. Примерно так же язык Диккенса заставляет ваши губы делать странные вещи, и если вы не привыкли к его словам, ваша челюсть будет скрипеть. Как бы то ни было, мне необходимо было помнить, что я должна остановиться через десять минут. Я поднимала глаза и ждала. Никто и никогда не вставал с места.

Тем не менее, к тому времени, когда я начала писать диссертацию по диккенсовским сиротам, я знала о человеке, которого никогда не встречала (за исключением его книг и биографий), больше, чем о человеке, написавшем введение.

Я благодарю Бога, что в нужный момент появилась Мария, потому, что у меня появилось

оправдание не возвращаться в Таунсвилль. Марии и моему отцу нужно было время для самих себя. Но когда бы я ни представляла их лежащими под медленно вращающимся вентилятором спальни, я избавлялась от Марии и вставляла туда маму. Я представляла руку отца на ее плече. Я помещала мамину голову на его грудь. Я представляла ту самую улыбку, которую видела на той фотографии моих молодых родителей в счастливые времена.

Я почувствовала в голосе отца облегчение, когда позвонила предупредить, что не приеду домой в конце семестра. Пусть думает, что я буду работать во время летних каникул. Я не стала говорить ему о своем визите в старую жизнь мистера Уоттса в Веллингтоне, в Новой Зеландии.

Глава двадцать пятая

Стоял декабрь. Поэтому я не ожидала, что здесь будет так холодно и ветрено. Ветер просто набрасывался на деревья и прохожих. Бумажки — я никогда не видела, чтобы ветер носил столько бумаги — неслись вдоль шоссе и цеплялись за опоры. Морские птицы не поднимались ввысь, а кружили над школьной площадкой, мимо которой я проехала на такси. Я представила себе Грейс, только окончившую школу и прижавшуюся лицом к окну такси, такого же, как и то, которое везло меня сейчас в центр это небольшого суматошного города. Я остановилась в шумном мотеле. Там жила молодежь из самых разных стран. Они приехали сюда, чтобы куда-то взбираться, гулять, заниматься серфингом, кататься на лыжах, прыгать с тарзанки и напиваться. Многое из того, что мистер Уоттс рассказывал нам о своем мире, нахлынуло на меня со всех сторон. Куда ни посмотри, везде кирпич. И трава. Мистер Уоттс был прав. Трава играет большую роль. Заполняет окна. Прочерчивает улицы. Перебегает с холма на холм.

Если мистер Уоттс так и не смог расстаться с персонажами «Больших надежд», то о ком же он забыл в своей настоящей жизни? Я заглянула в телефонную книгу. Там было сорок три человека по фамилии Уоттс. Не помню, какой по счету номер я набрала, девятый или десятый, когда мне ответили:

— О, полагаю, вам нужна Джун Уоттс.

Мне назвали улицу, и я отыскала Дж. Уоттс, живущую по данному адресу. И когда я набрала номер, голос на том конце ответил:

— Алло, Джун Уоттс слушает.

— Могу я поговорить с мистером Уоттсом?

Повисла пауза.

— Кто говорит?

— Меня зовут Матильда, миссис Уоттс. Ваш муж был моим учителем…

— Том был кем? — мне показалось, она готова рассмеяться. Затем она издала другой звук, как будто это вовсе не стало для нее таким уж сюрпризом.

— Это было давно. На острове.

— О, — ответила она. Повисшее молчание, видимо, означало, что она пытается собраться с мыслями. — В таком случае, полагаю, вы должны знать ту женщину, Грейс.

— Да, миссис Уоттс, — ответила я. — Я знала о ней. Хотя почти не была с ней знакома. Грейс умерла несколько лет назад.

Миссис Уоттс ничего не ответила.

— Я бы хотела заехать к вам, миссис Уоттс, — сказала я.

Молчание перерастало в недовольство.

— Я надеялась…

— Я немного устала сегодня, — сказала она. — О чем, вы сказали, пойдет речь?

— Ваш муж, миссис Уоттс. Он был моим учителем.

— Да. Вы говорили. Но сегодня вряд ли получится. Я собиралась уходить.

— Я могу приехать только сегодня. Я улетаю назад в Австралию завтра после обеда.

Вдох. Я ждала, закрыв глаза.

— Хорошо, — сказала она. — Это же не займет много времени?

Она рассказала мне, как добраться до ее дома; туда можно было доехать на поезде. От станции нужно было десять минут идти пешком мимо нескончаемых кирпичных домов, все с огороженными лужайками и защитными стенами; некоторые были разрисованы ругательствами, которые моя мама тут же бросилась бы оттирать.

Или посмотрела бы на эти слова так, что они бы потрескались от стыда и осыпались вниз. Я прошла мимо спортивной площадки, на которой разгуливали птицы — утки, сороки, чайки — и банда в капюшонах; их задницы вываливались из мешковатых штанов, отвороты были натянуты на кроссовки. Оставив позади парк, я шла мимо одинаковых холодных, обдуваемых ветрами, домов с высохшими садами. Джун Уоттс дала мне четкие указания. Я не могла перепутать А и Б. Те, кто направлялся в А, могли повстречаться со злой собакой.

Эта большая, медленно передвигающаяся женщина в белых брюках выглядела совсем не так, как я представляла себе жену мистера Уоттса. Я не думала, что она наденет топ, на котором будет что-то написано. «Улыбайся», — предлагалось там. И полагая, что этого она и ждет, я так и поступила. Она не улыбнулась в ответ.

Думаю, мой вид стал неожиданностью и для нее. Подозреваю, что отчетливый австралийский акцент, который она услышала по телефону, повлиял на ее ожидания. Уверена, что она была не готова увидеть кого-то столь черного. На мне, к тому же, были черные туфли. И мои черные волосы отросли как во времена блокады, когда мама

угрожала оборвать мои космы и чесать ими себе зудящую спину там, где не могла достать. Джун Уоттс закрыла за мной дверь и жестом предложила пройти в комнату. Кружевные занавески, закрывающие окна, пропускали совсем немного света. Когда миссис Уоттс без предупреждения хлопнула в ладоши, я подпрыгнула. Большой серый кот спустился с кресла, не скрывая недовольства. Миссис Уоттс указала мне на кресло, а сама села на диван по другую сторону кофейного столика. На столе лежала пачка сигарет. Она потянулась за ними и взглянула на меня.

— Вы не против, если я закурю? — сказала она. — Я немного нервничаю из-за всего этого.

— О, вам не стоит нервничать из-за меня, миссис Уоттс.

Я засмеялась, чтобы показать, что настроена дружелюбно.

— Я очень рада, что вы меня сюда пригласили. Ваш муж сильно повлиял на меня.

— Том что?

Она что-то проворчала, как тогда, когда говорила по телефону. Она зажгла сигарету и поднялась открыть окно.

— Я вышла замуж за слабого мужчину, Матильда, — произнесла она. — Я не хотела бы

показаться злой, но это так. Том не был храбрым. Ему стоило бы расстаться со мной вместо того, что он предпочел сделать.

Миссис Уоттс затянулась сигаретой и сделала выдох. Она отмахнулась от дыма и вернулась на диван.

— Подозреваю, что он вам ничего из этого не рассказывал?

— Прошу прощения, миссис Уоттс. Из чего именно?

Она посмотрела в сторону прихожей.

— По соседству жила другая женщина. В квартире А, с собакой, о которой я вам говорила. Я должна была понять, что что-то происходит. Я заставала его, когда он стоял, прижав ухо к стене. Я спрашивала:

— Том, что, черт подери, ты делаешь?

Не помню, что он сочинял мне в ответ, но ему всегда удавалось выкрутиться, ведь я ни разу не заподозрила, что между ними что-то происходит. Даже когда ее забрали в Порируа, и он ездил навещать ее, я ничего не заподозрила.

— Порируа?

— В психиатрическую клинику. Ну, знаете, в сумасшедший дом.

Она прервалась, чтобы затушить окурок.

— Если хотите, я могу сделать вам чашку чая.

— Спасибо, миссис Уоттс, не откажусь, — ответила я.

На главной стене висели фотографии. Я попыталась окинуть их все одним взглядом. Я не хотела, чтобы Джун Уоттс решила, что я не в меру любопытна. Я такой и была, но не хотела, чтобы она это поняла. Так что мне удалось запомнить лишь одно фото — молодой пары. У него были темные волосы и приятное лицо. Он белозубо смеялся, широко открыв рот. В его петлицу был вдет красный цветок. Она выглядела молодой, но лицо было холодным, не сердитым, но готовым нахмуриться в любую секунду. На ней было бледно-голубое платье и туфли в тон. Когда Джун Уоттс принялась хлопотать на кухне, я посмотрела на цветок на лацкане пиджака мистера Уоттса. Если разговор увянет, подумалось мне, то я спрошу, как называется этот цветок.

Я вышла к ней на кухню. Она двигалась медленно. Видимо, ее беспокоило бедро.

— Миссис Уоттс, вы помните, чтобы мистер Уоттс когда-нибудь носил красный клоунский нос?

Она опустила пакетик чая в чашку и замерла, задумавшись.

— Никогда его с ним не видела. Хотя меня бы это не удивило.

Я ждала, когда она спросит меня, почему я задала этот вопрос. Я ждала и ждала. Будь я собакой, то уселась бы на задницу и вывалила бы язык. Но она не спросила. Выключила чайник и налила воду в чашки.

— У меня есть немного бисквитов. Афгани (традиционные новозеландские бисквиты из кукурузных хлопьев).

— Не откажусь, миссис Уоттс.

Она сказала:

— У меня бывает не так уж много гостей. Я специально вышла их купить.

— Спасибо, миссис Уоттс. Очень любезно с вашей стороны.

Я последовала за ней обратно в комнату вместе с подносом.

— Я встретила Тома в Ассоциации Стандартов. Мы оба там работали. Отвечали за введение стандартов почти на все, что только может прийти в голову. Соотношение цемента и воды в изделиях. Мы были молоды. В те дни все были молоды. На это жалуются почти все, кто начинает стареть. Перестаешь замечать молодых. Начинаешь спрашивать себя, остались ли они вообще, и почему

во времена твоей юности все были молоды.

Я подождала, пока она откусит от своего бисквита, прежде чем последовать ее примеру. Поймав крошки рукой, она заметила:

— Я не слишком много думала о Грейс. Разве что самую малость. Она все время смеялась.

Миссис Уоттс скривилась. «Всегда смеялась». Я поняла, что это была критика.

— Это как быть все время рядом с кем-то, кто постоянно пьян.

Он взяла еще одну сигарету, чиркнула спичкой, ее лицо сосредоточилось.

— Так как поживает Том? Глупый старый негодяй. Столько времени прошло. Давно вы его видели?

Кот, карабкающийся в кресло, отвлек ее внимание, так что она не заметила, как я отшатнулась. Я быстро взяла себя в руки и приняла решение.

— Когда я видела его в последний раз, все было хорошо, — ответила я. — Но это было несколько лет назад, миссис Уоттс. Я теперь живу в Брисбене.

— Ну, я уже не думаю об этом. Что было, то прошло. Мне и своих забот хватает.

Она замолчала, и я подумала, что от меня ждут

вопроса, что это за заботы. Но мне было неинтересно. Вместо этого, я спросила, чем мистер Уоттс занимался в Ассоциации Стандартов.

— Тем же, что и все мы, — ответила она. — Бумажная работа. Я была секретаршей. Том работал в отделе публикаций.

Затем, возможно, потому что я не знала, что сказать этой женщине, я решила спросить ее:

— Вы знаете, что такое муха-однодневка, миссис Уоттс?

Она посмотрела на меня с недоумением, и я решила, что должна пояснить.

— Три года личинки самок лежат в иле на дне реки. Затем они превращаются в насекомых с крыльями, и, когда они вылетают из реки, их оплодотворяют поджидающие самцы.

Недоумение на лице миссис Уоттс сменилось явным неодобрением.

— Эту историю ваш муж рассказал нам, детям.

— Том рассказывал такое? О, у Тома было множество историй.

Она взглянула на тарелку, стоявшую между нами.

— Возьмите еще один бисквит. Там, откуда он прибыл, еще много таких.

Я понимала, что, как только я уйду, миссис

Уоттс позовет серого кота обратно в комнату, и они будут сидеть вдвоем и смотреть телевизор. Это было то, к чему мне пришлось привыкать, когда я начала жить с отцом. Телевизор.

Он хохотал над ним. Орал в него. Тыкал в него пальцем. Сердился на него. Они с телевизором смеялись друг над другом, пока я пыталась заснуть в соседней комнате. Я ничего не говорила, потому что понимала, что телевизор и отец стали закадычными друзьями.

Я взглянула на кружевные занавески. Я не могла представить, что юная девушка, получившая стипендию, жила одна по соседству, в похожей комнате. Я оглянулась вокруг. Здесь царило молчание. Мистер Уоттс как-то сказал нам, детям, что молчание было его первым родным языком. Развеселившись, он рассказал, как стоял на мусорном баке и колотил по его стенкам ручкой от метлы, просто чтобы чем-то заняться. Ему было всего пять лет, и его атака на мусорный бак ничем не закончилась. Образовавшуюся пустоту тут же снова заполнило молчание. Я понимала, что в том мире, где вырос мистер Уоттс, не было попугаев. Не было диких пронзительных звуков, которые, раздавшись внезапно, могли испугать вас до смерти. Была лишь эта пустая жизнь со

свисающими фонариками физалиса, ждущими восторгов, и собаками, бродящими по улицам в поисках компании.

Сидя в мертвенной атмосфере гостиной миссис Уоттс, я подумала, что Грейс должна была видеть это же небо и эти же медленно плывущие облака. Она должна была чувствовать тот же давящий камень на сердце, какой сейчас ощущала я.

Я поднялась, чтобы попрощаться.

— Полагаю, вы слышали эту историю о театре, — быстро произнесла миссис Уоттс.

Подозреваю, она припрятала этот козырь. Она хотела, чтобы я осталась.

Она наклонилась, несмотря на свое бедро, пошарила в низком шкафчике и вытащила оттуда альбом. Смахнув с него пыль, она подала его мне. Альбом был заполнен театральными программками, обзорами и фотографиями мистера Уоттса в разных ролях. Я просмотрела обложки: «Визит инспектора», «Пигмалион», «Странная парочка», «Смерть коммивояжера». Это лишь те, которые мне запомнились. Их было очень много, как и фотографий мистера Уоттса в разных костюмах. Не приходилось сомневаться, что это были любительские постановки — кинжал, зажатый в поднятой руке; картинный взмах плаща; безум-

ный блеск глаз, изображающий то ревность, то мучения, то опасность, то жажду мести — все эти дешевые и простые эмоции, к которым так тяготеет любительский театр. Я продолжала листать.

— Это Том в «Царице Шебы», — сказала Джун Уоттс. — Она тоже здесь. Чертова царица Шебы. У постановщика возникло несколько забавных идей.

В этот момент наши глаза заметили одну и ту же деталь.

— О, посмотрите. Вы спрашивали об этом. Теперь я вспомнила. Постановщик решил, что Том должен надеть красный клоунский нос, а Царица Шебы должна стоять на тележке, которую будет тянуть Том, чтобы показать, как закончилась эта встреча умов. Только не спрашивайте, зачем и почему…

Мистер Уоттс и Грейс выглядели так молодо. Без подсказки Джун Уоттс я бы их и не узнала. Что выглядело странным, так это Грейс. Она улыбалась. Я никогда не видела, чтобы она улыбалась. Наверное, я рассматривала альбом слишком долго, потому что миссис Уоттс предложила мне его забрать. Заметив мои колебания, она сказала:

— Он ничего не значит для меня.

— Вы уверены?

— Да что я буду с ним делать?

— Это очень любезно с вашей стороны, — сказала я.

Она пожала плечами.

— Он просто лежит здесь. Кроме меня и мистера Спарка больше никого нет.

Она имела в виду кота. Она заметила, как я взглянула на часы.

— Вам нужно идти. Все в порядке, — сказала она, и с гримасой боли поднялась с пола.

Когда мы, прощаясь, стояли возле двери, она сказала:

— Мой муж был фантазером. Я не знала этого, когда выходила за него.

— Миссис Уоттс, вы можете сказать, что случилось с Грейс? Вы знаете, почему она попала в психиатрическую клинику?

— Царица Шебы. Она не могла вырваться из этого, — ответила она. — Не могла. Не хотела. Что вам больше понравится.

Она хмуро взглянула на улицу.

— Будьте осторожны. Тут могут ограбить даже ради одежды.

Я взглянула на ту же пустую улицу, но не увидела ни одной живой души. Я поблагодарила ее за бисквиты и альбом. Мне следовала поторопиться,

чтобы добраться до города, но я вспомнила, что не задала еще один вопрос.

— Миссис Уоттс, тут живет некая мисс Райан?

— Эйлин Райан. Ну да. Она жила в конце улицы.

Она повернулась, чтобы показать нужный дом, а затем спохватилась.

— Почему вы спросили?

Я проигнорировала вопрос.

— У нее был большой заросший сад?

— Был много лет назад. Но она уже умерла. Она была слепой, знаете ли. Эйлин Райан, — она взглянула на меня. — Откуда вы знаете это имя? Том обычно подстригал ей лужайку.

Теперь у меня была подсказка. Актерское прошлое мистера Уоттса. И что из этого? Факт, что ему нравилась актерская игра, вышел наружу, поставив под сомнение его искренность. Я подумала о его жестах в классе. О том, как он смотрел вглубь комнаты. Поднимал глаза к потолку. Продуманная поза мыслителя. Был ли это сам мистер Уоттс или актер, который играл роль мистера Уоттса, учителя? Кем был тот человек, которого мы, дети, видели в классе? Тем, кто искренне верил, что «Большие надежды» являются величайшим романом величайшего английского

писателя девятнадцатого столетия? Или тем, у кого остался маленький огрызок, и он объявил его лучшим блюдом в свой жизни?

Возможно, что и все сразу. Частично утратить себя под маской другого человека, и в то же время вернуться назад, к осознанию своей сути. Мы видели лишь то, что видели. Я не имею никакого представления о человеке, которого знала Джун Уоттс. Я знала того, который взял нас, детей, за руку и научил тому, как представить мир заново, как увидеть возможность для изменений, как быть готовыми к тому, что жизнь может измениться. Твой корабль может прибыть в любой момент и выглядеть он может по-разному. Твой мистер Джеггерс может появиться даже в виде бревна.

Перед визитом к миссис Уоттс я надеялась на большее. Думаю, мне хотелось услышать истории. У меня был альбом, который стал разгадкой тайны красного носа.

Во всем остальном мистер Уоттс оставался столь же непостижимым, как и раньше. Он был тем, кем нужно было стать. Тем, кем мы просили его стать. Возможно, некоторые люди так и живут — их жизнь заполняет то место, которое

мы предлагаем им заполнить. Нам нужен был учитель, мистер Уоттс стал учителем. Нам нужен был волшебник, чтобы создать другие миры, и мистер Уоттс стал волшебником. Когда нам понадобился спаситель, мистер Уоттс принял на себя эту роль. Когда краснокожие потребовали чью-то жизнь, мистер Уоттс отдал свою.

Глава двадцать шестая

Мистера Диккенса было проще понять, чем мистера Уоттса. Во-первых, большая часть его жизни была известна и выставлена на всеобщее обозрение. Целые полки в библиотеках были посвящены жизни Диккенса и его творчеству. Интерес к Диккенсу вознаграждался куда быстрее, чем любые попытки сыграть роль мистера Детектива и расследовать жизнь мистера Уоттса. Жизнь мистера Диккенса была тщательно исследована и проанализирована многочисленными специалистами, и я готовилась стать одним из них.

Долгое время я знала об этом давно умершем человеке только то, что рассказывал нам мистер Уоттс, и то, что смогла заметить, украдкой взглянув на заднюю обложку экземпляра «Больших надежд» мистера Уоттса. Мистер Диккенс выглядел именно так, как мне хотелось, чтобы он выглядел. Его борода казалась мне убедительной. Ее нельзя было назвать аккуратной, но, по сравнению с бородой мистера Уоттса, которая бы больше подошла бродяге, выглядела вполне

приемлемой. Мне нравилось его худощавое тело, заключенное в сюртук. Мне казалось, что он должен был быть добрым. Его глаза — с теплым взглядом и морщинками вокруг — подтверждали это. Как и множество его статей о бедняках и сиротах, которые я усиленно изучала в Британской Библиотеке на Юстон-Роуд в Лондоне.

Разложенные передо мной, они представляли собой все те фрагменты жизни, из которых потом и сложились «Большие надежды». Я могла прочитать все его личные бумаги. Я могла изучать его рукописи. Я могла смотреть на то же, на что смотрел он — холодные каменные улицы; торжественно вздымающиеся здания; бродяги, пьяницы — мутные скопления судеб без будущего — и искать путь назад к придуманному им миру.

Сначала и дня не проходило, чтобы я не оказывалась в городе мистера Диккенса. Мне нравилось это сладкое чувство исключительности, которое так и не исчезло, когда я предъявляла мое удостоверение скучающему охраннику в черной форме, сидящему за пустым столом. Затем входила в зал, вдоль которого тянулись длинные столы с настольными лампами с неярким, но и не тусклым светом, как раз таким, каким

нужно. Здесь все было таким, как нужно. Мне нравилось то, что я могла попросить все что угодно, в моем случае — письма, книги, статьи о Диккенсе или написанные им самим — и в течение часа нужные материалы находили в недрах этой огромной библиотеки. Первые несколько месяцев такой жизни я была счастлива. Иногда, конечно, бывали моменты, когда мне хотелось с кем-то поделиться своими открытиями. Тот Диккенс, как и мистер Уоттс, был не совсем тем человеком, которым я себе его представляла.

Человек, который так трогательно и сильно писал о сиротах, не мог дождаться момента, когда выставит свое собственное семейство за порог. Он хотел, чтобы они сами познавали мир. Он беспокоился, что пребывание дома будет сдерживать их амбиции. Он хотел, чтобы они тяжким трудом пробивали свой собственный путь.

Поэтому его сын Уолтер был отправлен в Индию еще до того, как ему исполнилось семнадцать, и умер в двадцать два года. Сидней умер, служа на флоте, не дожив до тридцати. Фрэнсис вступил в Бенгальскую Конную полицию, но из-за заикания предпочел уехать в более уединенное место и скончался в Канаде в возраст сорока двух лет.

Альфреда и Плорна Диккенс отправил в Австралию. Эдвард был его любимцем, «его дорогим Плорном». «Едва ли мне нужно говорить вам, как я люблю вас и как мне горестно расставаться с вами. Но наша жизнь наполовину состоит из расставаний, и эта боль неизбежна». Австралия, решил его отец, поможет ему раскрыть и развить его природные способности.

Однажды утром я отложила свой визит в Британскую Библиотеку, чтобы побывать в старом госпитале Фаундлинг на Брунсвик-сквер. Теперь там музей сирот. Он просто грандиозен. Вы поднимаетесь по широкой изгибающейся лестнице. Внутренние стены покрыты изображениями сцен из жизни сирот; на некоторых матери выстраиваются в очередь, чтобы отдать своих детей. Я помню, как моя мать тянула руки ко мне. Я помню, как она медленно хватала воздух ртом. Я помню, что чувствовала, когда нас оторвали друг от друга. Но на лицах матерей на картинах я не видела и следа страданий. Скучающе-утомленное выражение, как в очереди на кассе в супермаркете. Как просто — говорят нам эти картины — отдать свое дитя. То, что я нашла в галерее наверху, было ближе к истине: стеклянная витрина, наполненная пуговицами, желудями, заколками,

монетками с просверленными дырочками, все эти трогательные мелочи, которые матери оставляли своим детям, чтобы они помнили о них. Совершенно бесполезный жест, как выясняется потом, так как первое, что делали приюты, это меняли имя ребенка. С другим именем их старая история заканчивалась, и начиналась новая. Пип смог стать Хэнделем.

Грейвсенд должен быть стать конечным пунктом моего путешествия по «Большим надеждам». Грейвсенд. Здесь я и оказалась одним холодным майским днем. Я шла мимо скамеек с сидящими на них молчаливыми индусами в разноцветных тюрбанах, казалось, их щеки были покрыты слоем печали. Я видела, как они украдкой косились на меня — девушку с самой черной кожей, которую им только приходилось видеть. Я видела их глаза, ощущала их любопытство. О чем она думает? Эта черная девушка с быстрыми белыми глазами. Что она знает об окружающей местности?

Я могла бы им ответить, что пейзажи из «Больших надежд» исчезли; что легендарные болота теперь скрыты под автострадами и индустриальными районами. Я могла бы им рассказать,

что у истории появились новые хранители. Ими стала кучка черных ребятишек, которые, как я надеюсь, все еще просыпаются утром, вспоминая другие времена, когда они путешествовали между островом и кузницей, расположенной на далеких болотах в Англии в тысяча восемьсот каком-то там году.

Вам нужно было постараться, как следует изучить то, что когда-то окружало Диккенса, чтобы увидеть то, что видел он. Корабли эмигрантов стали призраками. Мужчины и женщины с непокрытыми головами, махавшие платками, стоя на палубе, ушли в прошлое, превратились в скелеты где-то на далеких кладбищах на другом краю земли. Вдоль реки тянулась тщательно вымощенная дорога, и, если вы шли в том же направлении, куда уплывали корабли эмигрантов, то не могли не думать об отъезде. Уехать. Отправиться. Покинуть. Создать себя заново.

Река указывала путь из этого мутного мира. Когда я проходила мимо миссии, где эмигранты высаживались на берег, чтобы помолиться о своем морском путешествии в неизвестность, то обнаружила, что думаю о том моменте, когда в последний раз оказалась наедине с мистером

Уоттсом.

Долгие годы я не вспоминала о том разговоре. Наверное, я просто отгородилась от него, как и от многих других вещей. Теперь, вспомнив о нем снова, я думала, собирался ли мистер Уоттс покинуть остров без меня. Потому что теперь, спустя столько лет, думаю, что почувствовала тогда, как мы разделились, как между нами пролегла граница. Я говорю «граница», хотя, наверное, лучше было бы сказать «занавес». Занавес упал между мистером Уоттсом и его самым преданным зрителем. Он собирался уехать, а я должна была отойти назад, присоединиться к фигурам прошлого. Я была бы для него лишь маленькой точкой на острове, когда бы он покидал его на лодке мистер Масои, направляясь в новую жизнь. Я знала, что это должно было произойти, что это произошло бы, потому что именно это и случилось со мной. С того момента, как я уехала, я ни разу не оглянулась назад.

Дорога на поезде назад к Лондон Бридж казалась нескончаемой. Я чувствовала странную подавленность. Как будто падала в собственное прошлое. В тоску, которую ощущала когда-то, пока потоп не смыл все. Я посмотрела в окно вагона. Вид весенней распускающейся зеленой листвы

был не в силах поднять мне настроение. Поющий кондуктор не вызвал даже улыбки. Когда я выходила со станции, то практически тащила себя вверх по ступеням на улицу. Усталость. Откуда она взялась?

Я запросто взбиралась по крутым горным дорожкам. Как могут сравниться с ними несколько жалких лестничных пролетов, на которых выстроились нищие и цыганята, у которых глаза бегали быстрее молнии? Я шла домой, жалея, что мне некуда больше направиться. Я взобралась по ступенькам пансиона, покрытым вытертым ковром, и, открыв дверь в комнату, замерла на какой-то момент на пороге, будучи не в силах войти.

Здесь были все самые важные вещи в моей жизни: фотография Диккенса на лошади; статья, увеличенная до размера плаката, объявляющая о выходе «Больших надежд» в виде книги; мой стол и груда бумаги, именуемая моей диссертацией. Она пробыла здесь весь день, ожидая, когда я вернусь из Грейвсенда со свежим материалом. Она напомнила мне мистера Уоттса с его секретной тетрадкой, который ждет наши отрывки. Что же, у меня нет ничего нового. Все, что я притащила

назад с собой — это тяжесть, сидевшую глубоко во мне, в костях, и которая быстро охватывала всю меня, подобно плохой погоде. Все о чем я была способна думать, это о том, чтобы лечь в кровать.

Там я и осталась.

Шесть дней я вставала, только чтобы сделать себе чашку чая или поджарить яйцо, или полежать в узкой ванне, уставившись в потрескавшийся потолок. Дни наказывали меня своей медлительностью, нагромождая на меня час за часом, распространяя свое уныние по комнате.

Я слушала, как автобусы, идущие мимо пансиона, переключают передачу. Я слушала шуршание шин по мокрой дороге. Я лежала в кровати и слушала, как женщина, жившая внизу, собирается на работу. Как она включает душ, как пронзительно свистит ее чайник. Я ждала, когда она пройдет под моим окном, и, когда этот краткий контакт с внешним миром обрывался, я закрывала глаза и просила стены позволить мне снова заснуть.

Доктор бы сказал, что у меня депрессия. Все, что я читала после этого, подтверждало, что, видимо, так оно и было. Но когда она окутывает вас со всех сторон, то не объясняет, что происходит.

Совсем нет. Вы просто сидите в темной-темной пещере и ждете. Если вам повезет, вы увидите крошечный луч света, а если вам очень повезет, то луч света будет расти и расти, пока в один прекрасный день пещера не окажется позади, а вы на — свободе под солнечным светом. Так это произошло со мной.

Однажды утром я проснулась и отбросила одеяло. Я встала раньше, чем женщина, жившая внизу. Я подошла к своему столу. Я должна была сделать то, что откладывала слишком долго. Я взяла верхний лист «Сирот Диккенса» и написала на обороте: «Все называли его Пучеглазым».

Я написала это предложение шесть месяцев назад. За последующие месяцы я написала все остальное. Я пыталась описывать то, что произошло на острове со мной и с мамой. Я не пыталась ничего приукрасить. Все говорили то же самое о Диккенсе. Все любили его персонажей. Да, во мне что-то изменилось. Становясь старше, я стала любить его героев меньше. Они были слишком громкими, слишком гротескными. Но сдерните их маски, и вы поймете, что их создатель знал о человеческой душе, ее страданиях и тщеславии. Когда я рассказала отцу о смерти матери, он не выдержал и зарыдал. Так я поняла, что все же

могу приукрашивать. Но в жизни, а не в литературе.

Я решила уехать из Англии, но должна была еще кое-что сделать на прощание. Для этого нужно было отправиться в Рочестер, где Диккенс нашел одно или два знаковых места для «Больших надежд».

Когда вы приезжаете в Рочестер, вас сразу охватывает ощущение, что вы просто обязаны полюбить это место. Оно напоминает почтовую открытку с видом английской деревни, такой, какой она должна была быть в тысячу восемьсот как-то году. Вы гуляете по мощеным дорожкам и задыхаетесь от умиления. Куда ни посмотри — Диккенс, и владелец магазина, и ресторатор, и даже старьевщик. Вы можете зайти в кафе «Фейджин» (персонаж «Оливера Твиста»), перекусить «У миссис Бамблс» или же выбрать «Вкус двух городов».

«Я называл себя Пипом, а потом и все меня стали так называть» — одна из самых любимых строчек в литературе. Вот он я — пожалуйста, примите меня таким как есть. Это то, с чем сиротские приюты выпускают в мир своих подопечных. Это то, с чем эмигранты высаживались на далекие

побережья Тихого океана. Это то, с чем мистер Уоттс просил согласиться партизан. Но я не могла принять идиотский вегетарианский магазин, названный именем Пипа — «В Рочестере у Пипа».

До поезда в Лондон оставалось еще два часа, которые нужно было чем-то занять, и я решила пристроиться в хвост экскурсионной группе. Женщина из Центра Чарльза Диккенса в Истгейт Хауз вела группу вверх по лестнице ратуши, где Пип подписал контракт на обучение у Джо Гарджери. От ратуши мы немного прошли вверх по холму, и в какой-то момент я поняла, что мы идем той же дорогой, по какой Пип направлялся к мисс Хэвишем. Эта дорога уже была известна мне, я ходила по ней много раз в качестве страстного читателя на острове на другом конце света.

Женщина из Центра указала на двухэтажное поместье — это и был Сэтис Хауз. Здесь я узнала кое-что новое. Мистер Диккенс позаимствовал это имя и назвал так более просторный и импозантный особняк возле пивоварни, куда он и поместил мисс Хэвишем и Эстеллу.

После короткой прогулки по парку, мы остановились на дороге, глядя назад на ворота — те самые ворота, где Эстелла впервые встретила

Пипа и высокомерно назвала его «мальчик». Подъехало такси, и оттуда выбрался молодой человек, по виду — типичный яппи. Он коротко взглянул на нас. Мне показалось, что он недоволен. Экскурсовод пояснила, что дом мисс Хэвишем теперь используется как апартаменты. Мы смотрели, как молодой человек миновал ворота и пошел по дороге. Мы смотрели, как он поставил портфель, и вставил ключ в дверной замок. Дверь открылась и закрылась. Наши взгляды принялись бесцельно блуждать. Мы постояли какое-то время, просто рассматривая окрестности и ни о чем не думая. «Ну что же», — сказал кто-то, наконец. Экскурсия отправилась обратно к Истгейт Хауз. Я поднялась по лестнице вслед за остальными, и столкнулась с мисс Хэвишем в белом свадебном одеянии. Она застыла, стоя за стеклом, повернувшись спиной к зрителям. Вечность, несмотря ни на что.

Мне бы хотелось, чтобы она повернулась, хотя бы немного, чтобы увидеть уставившуюся на нее черную женщину. Экскурсия заканчивалась в кабинете мистера Диккенса. Манекен самого автора сидел, откинувшись на спинку кожаного кресла, вытянув вперед ноги и расслаблено сложив руки. Веки были полуопущены. Мы шли

мимо мистера Диккенса, пока он о чем-то думал. Мужчина, стоящий рядом со мной за ограничителем, прошептал, так что я услышала:

— Я встречал мистера Диккенса, и это не он.

Он улыбнулся и отвернулся. Я не старалась переубедить его. Но если бы мне пришлось — вот, что я ему бы сказала.

У мистера Диккенса, которого я знала, тоже была борода, худое лицо и глаза, которые как будто ждали момента соскочить с лица. Но мой мистер Диккенс часто ходил босым и в рубашке без пуговиц. Кроме особых случаев, например, когда он учил нас — тогда он надевал костюм.

Недавно я внезапно поняла, что никогда не видела его с мачете. Его оружием были истории. Однажды, очень давно и в очень сложных обстоятельствах, мой мистер Диккенс научил каждого из нас, детей, что наш голос — особенный, и мы должны помнить это, когда бы им не пользовались. А еще помнить, что, чтобы ни случилось, никто не сможет отобрать у нас этот голос. На короткое время я сделала ошибку, забыв этот урок. Среди почтительного молчания я улыбалась еще кое-чему, чего они не знали. Пип был моей историей, хоть я была девушкой, с лицом черным как

ночь. Пип был моей историей, и завтра я попробую сделать то, что не удалось Пипу. Я попробую вернуться домой.